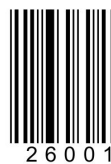

ISSN 2409-336X

9 772409 336004

2 6 0 0 1

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (67)
2026

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук, дацэнт А. І. Галавач (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Мінск)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт Н. В. Якавенка (Мінск)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Вальнец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт К. І. Сердзюкова (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Я. Я. Іваноў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. А. Балтоўская (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:
212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**1 (67)
2026**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D., Associate Professor

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Yakovenko N. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Minsk)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Serdiukova E. I., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Ivanov E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Boltovskaya E. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

РИЕР Я. Г. Что первично в системе «общество – природа»: рассуждения на полях книги Джозефа Хенрика.....	7
РЫТОВА Н. Н. Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления на белорусских землях в XVI–XVIII вв. согласно нормам Статута 1588 г.	16
МОТОРОВА Н. С. Освещение деятельности народников во всеподданнейших отчетах белорусских губернаторов (конец 1870-х – начало 1880-х гг.).....	21
ТЮТЮНКОВ А. Н. Деятельность партийного аппарата управления милиции НКВД по Могилевской области в завершающий период Великой Отечественной войны (июнь 1944 – июнь 1945 года).....	26
МАРЦЫНКЕВИЧ І. А. Прававыя асновы сацыяльнай падтрымкі ўдзельнікаў лакальных канфліктаў і воінаў-інтэрнацыяналістаў у БССР у 2-й палове XX стагоддзя.....	30
БУРАКОВ В. Н., ЯСЕВ В. В. Участие Коммунистической партии Беларуси в выборах Президента Республики Беларусь	36
ЖЕНЬ ЦЗИН Развитие сотрудничества в сфере образования между Республикой Беларусь и КНР в 2015–2025 гг.....	41
ЕРЕМЕЕВА Н. В. Учение Плотина как философская концепция спасения.....	49
У ЦЗИАЦИ Влияние политики экологического образования на социальное развитие в современном Китае	55
ЧАРОТА У. І. Уплыў творчасці Ф. Петраркі на літаратуру ВКЛ XVI стагоддзя	61
ШАРШНЁВА В. М. Сінтаксічныя дамінанты актуалізацыйнай прозы (на матэрыяле беларускай мастацкай літаратуры канца XX – пачатку XXI стагоддзя)	66
МИХАЛЬЧУК Н. А. Речевая модель «Повествовательные высказывания с глагольными формами будущего времени» как способ косвенного выражения побуждения в художественном тексте	72
ШУМАНСКАЯ О. А. Семантика глагола «дышать» в русской поэзии XX века.....	77
ЗУБОВСКИЙ Е. Ю. К вопросу о семантической тождественности суффиксальных слов <i>-ly</i> и <i>-like</i> (на материале отсубстантивных английских прилагательных)	83

CONTENTS

RIER Y. G. What is primary in the society-nature system: discussions in the margins of Joseph Henrich's book.....	7
RYTOVA N. N. Crimes against the state and the order of exercising power and governance on belarusian lands in the XVI–XVIII centuries according to the provisions of the statute of 1588.....	16
MOTOROVA N. S. Coverage of the narodniks' activities in the most humble reports of the belarusian governors (late 1870s – early 1880s).....	21
TYUTYUNKOV A. N. Activities of the party management apparatus of the NKVD militia in the Mogilev region during the final period of the Great Patriotic war (june 1944 – june 1945).....	26
MARTSYNKEVICH I. A. Legal basis of social support for participants in local conflicts and internationalist soldiers in the BSSR in the second half of the 20th century.....	30
BURAKOV V. N., YASEV V. V. Participation of the communist party of Belarus in the presidential elections of the Republic of Belarus	36
REN JING. Development of cooperation in the sphere of education between the Republic of Belarus and the PRC in 2015–2025	41
EREMEEVA N. V. Plotinus's teaching as a philosophical concept of salvation.....	49
WU JIAQI. The influence of environmental education policy on social development in modern China	55
CHAROTA U. I. The influence of F. Petrarch's works on the literature of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century	61
SHARSHNIOVA V. M. Syntactic dominants of actualizing prose (based of belarusian fiction of the late 20th – early 21st centuries)	66
MIKHALCHUK N. A. Speech model “narrative utterances with future tense verb forms” as a means of indirect directive expression in literary texts	72
CHOUMANSKAYA O. A. The semantics of the verb “to breathe” in russian poetry of the 20th century	77
ZUBOUSKI YA. YU. On the semantic identity of suffixal words with -ly and -like (based on english de-substantival adjectives)	83

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(4)“04/14”

ЧТО ПЕРВИЧНО В СИСТЕМЕ «ОБЩЕСТВО – ПРИРОДА»: РАССУЖДЕНИЯ НА ПОЛЯХ КНИГИ ДЖОЗЕФА ХЕНРИКА

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Представлен развернутый комментарий обширного исследования Дж. Хенрика об особенностях западноевропейской цивилизации. Соглашаясь в целом с изложенным в книге анализом, автор данных заметок оспаривает вывод ученого о решающей роли католической церкви в формировании «западного человека» и полагает, что основной причиной «особости» Запада является специфика природных условий региона и обусловленное ею формирование института частной собственности еще в дохристианское время.

Ключевые слова: западный человек, христианская церковь, семья, частная собственность, географический фактор, природная среда.

Как-то коллега, медиевист Ольга Тогоева, высказала мысль, (запечатленную в интервью на, к сожалению, почившем в бозе портале «Полит.Ру»), что мы часто пишем свои статьи на полях текстов других авторов. И действительно, нередко при чтении интересных текстов возникает желание что-то добавить, а иногда, и возразить. Предлагаемые заметки навеяны прочтением фундаментальной монографии канадского социолога, гарвардского профессора Джозефа Хенрика «Самые странные люди в мире» с подзаголовком «Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели». Первоначально опубликованная в 2020 г., она была оперативно переведена на русский и издана в 2024 г. [1].

Тема в современных условиях, бесспорно, актуальна. Книга, ставшая итогом более чем 10-летних исследований коллектива, прежде всего социологов, но и специалистов смежных дисциплин под руководством автора, получилась весьма фундаментальной, с обширным текстом и комментариями, обилием карт и графиков, охватывающих основные регионы

человеческой ойкумены. Во введении автор вполне обоснованно подчеркивает, что «антропологи обычно не пытались объяснить то, что случилось после возникновения древних государств. Экономисты, напротив, редко ... рассматривали события, произошедшие более 500 лет назад» (с. 4)¹. Заметим, что и социологи обычно тоже не углублялись в эпохи, предшествовавшие зарождению капитализма. Вспомним хотя бы знаковые исследования Э. Валлерстайна о мир-системах и С. Хантингтона о столкновении цивилизаций.

Дж. Хенрик противопоставляет такой традиции обширное компаративное исследование становления человечества с первобытных времен. Но основное внимание уделяет анализу того, что происходило в средние века, преимущественно в Европе, сравнивая, однако, с другими регионами. И уже на первой странице постулирует основной вывод. Как сказано в предисловии к русскому изданию, «сосредоточившись на столетиях сразу после падения Рима, Хенрик показывает, что фундаментальные институты родства и брака приобрели на Западе поразительное своеобразие в результате почти случайно сформулированных решений ранней Церкви» (с. 1). Данный вывод на последующих нескольких сотнях страниц автор будет всесторонне аргументировать, расширяя набор доказательств, основанных как на средневековых письменных источниках, так и на социологии. И начинает рассматривать роль церкви в Европе с распространения грамотности, которое приняло взрывной характер с начала XVI в., когда «грамотность начала распространяться по Западной Европе подобно эпидемии», что было связано с реформаторской деятельностью Мартина Лютера и последовавшим распространением протестантизма. Ибо в его основе «лежит представле-

© Риер Я. Г., 2026

¹ Ссылки на страницы цитируемой книги условны, ибо основаны на ее электронной версии.

ние, что люди должны налаживать личные отношения с Богом и Иисусом. ... А поскольку каждый не мог свободно владеть латынью, Библию пришлось переводить на местные языки» (с. 24). В принципе историкам этот феномен известен. Но автор утверждает, что «за этим процессом скрываются психологические и нейробиологические изменения в человеческом мозге», которые стали отличительным элементом людей Запада.

И, далее, доказывает, что не рост городов и следовавшая затем индустриализация на Западе, а именно новая позиция Церкви в рамках Реформации, через протестантизм, способствовала изменениям в психотипе западного человека, развитию в нем индивидуализма и духа соревновательности. В этом западный человек стал отличаться от людей Востока, связанных с традиционной культурой, основанной на клановости, родственных связях, скрывавших проявление индивидуальных способностей и в итоге замедлявших общественную и хозяйственную эволюцию. И существование этих различий автор подтверждает статистическими таблицами и графиками, основанными как на исследованиях его группы, так и на заимствованиях из многочисленных исследований, проводившихся в различных социальных и возрастных когортах и в разных регионах мира.

Особо указывается, что «Воздействие протестантизма на распространение грамотности среди женщин особенно важно, потому что у грамотных матерей, как правило, рождается меньше детей, зато по мере взросления они в среднем становятся здоровее, умнее и богаче, чем дети неграмотных матерей» (с. 36). В этой связи можно вспомнить и апокриф, приписываемый Джавахарлалу Неру: «Обучая мужчину, вы обучаете его одного, обучая женщину, вы обучаете всю семью». Дж. Хенрик приводит и такой убедительный пример: «Когда в 1560 г. Реформация достигла Шотландии, в ее основании уже лежал ключевой принцип бесплатного государственного образования для бедных... Этот ранний эксперимент по внедрению всеобщего образования вскоре привел к появлению поразительной плеяды мыслителей от Дэвида Юма до Адама Смита и, вероятно, стал одной из причин шотландского Просвещения» (с. 36). И вывод: Грамотность – это наш первый пример того, как жители Запада стали психологически отличаться от остальных людей (с. 396)».

Другое отличие людей Запада автор выво-

дит из семейных отношений. «Западный человек индивидуалистичен, на вопрос «кто я?» он отвечает или ссылкой на профессию, или личностной характеристикой, а не своим местом в семье» (с. 46). «Репутация [западного] человека в глазах других и себя самого (самооценка) формируется в первую очередь благодаря его собственным качествам и достижениям, а не посредством поддержания совокупности унаследованных связей, которые регулируются сложным набором определяемых родственными отношениями социальных норм» (с. 52).

На Востоке же, продолжает Дж. Хенрик, «многие основанные на родстве институты не только влияют на порядок наследования или место проживания молодоженов, но также определяют коллективное право собственности (например, земля принадлежит всему клану) и солидарную ответственность за правонарушения, совершенные кем-то из членов (например, отец может быть заключен в тюрьму за преступление сына). Вы можете не знать некоторых из ваших дальних родственников или соплеменников, троюродных или четверюродных, но они останутся членами вашей группы, поскольку связаны с вами родовыми узами» (с. 50).

В начале приведенной выше цитаты в ряду с другими семейными институтами автор упоминает и наличие коллективного права собственности, что отличает, как известно, Восток и от Запада. Но почему-то в дальнейшем обширном тексте на это различие почти не обращает внимание, акцентируя его на других отличиях. А именно игнорирование этой фундаментальной черты, различающей Запад и Восток, и побудило меня написать эти заметки как реплику на анализируемую фундаментальную работу. Но об этом позже. А пока обратимся к тексту исследования.

«Репутация [западного] человека в глазах других и себя самого (самооценка) формируется в первую очередь благодаря его собственным качествам и достижениям, а не посредством поддержания совокупности унаследованных связей, которые регулируются сложным набором определяемых родственными отношениями социальных норм» (с. 52), как на Востоке. Отсюда «люди Запада не ценят способность подстраиваться под окружение и не рассматривают послушание как добродетель, которую необходимо прививать детям. Они также не преклоняются ни перед традицией, ни перед мудростью древних в той же мере, в какой это принято в большинстве других обществ» (с. 66), что также объ-

ясняет динамизм западного человека. «Институты, основанные на родстве, развивались в ходе культурной эволюции таким образом, чтобы создавать сплоченные и устойчивые социальные единицы за счет рассеивания ответственности» (с. 90).

Такие особенности западного человека автор объясняет тем, что «средневековая Католическая церковь непреднамеренно изменила психологию людей, продвигая специфический набор запретов и предписаний в отношении брака и семьи – запретов и предписаний, которые разбивали кланы и роды Западной Европы с их плотными сетями взаимных связей на мелкие, слабые и разрозненные нуклеарные семьи. Социальные и психологические сдвиги, вызванные этой трансформацией, стимулировали распространение добровольных объединений, включая гильдии, вольные города и университеты, а также способствовали расширению обезличенных рынков и быстрой урбанизации. Под влиянием этих продолжающихся социальных изменений эпохе Высокого Средневековья все более характерны западные подходы к мышлению, рассуждению и чувствованию, стали причиной появления новых форм права, управления и религии, одновременно с тем повышая темп инноваций и способствуя возникновению западной науки» (с. 100).

Но только ли заслуга церкви в этом? Однако автор развивает именно эту тему. И подходит к ней через анализ генезиса племен, кланов, брачных групп и ритуалов. Этому посвящена основная часть книги.

Автор доказывает, что «мы генетически эволюционировали таким образом, чтобы освоить навык приспосабливаться посредством обучения, подстраивая наш разум и поведение к окружающим условиям, с которыми мы сталкиваемся» (с. 104). Отсюда и развитие хозяйства от кочевого скотоводства к земледелию, и социальные изменения – от стада к семье. «Как и другие приматы, люди обладают врожденной склонностью к родственному альтруизму — альтруизму по отношению к близким генетическим сородичам. Этот выработанный эволюцией аспект нашей психологии объясняет, почему матери любят своих младенцев, а братья и сестры обычно держатся вместе» (с. 108). И далее: «Базирующиеся на родстве институты также задействуют наш инстинкт к образованию устойчивых пар, который составляет основу брака» (с. 112). В итоге «социальные нормы

создают сообщества, в которых здоровье и выживание любого человека зависят практически от каждого из остальных членов группы» (с. 114).

«Когда институтов, основанных исключительно на родстве, стало недостаточно для дальнейшего развития общества, возникли дополнительные неродственные, не зависящие от межличностных отношений институты. Но, что очень важно, эти институты всегда покоились на глубоком фундаменте институтов, основанных на родстве» (с. 142). «Сообщества на разных континентах и в разных регионах масштабировались в разной степени и с разной скоростью, либо из-за слабой межгрупповой конкуренции, часто обусловленной экологическими или географическими ограничениями. Институциональные дороги к досовременным государственным образованиям относительно узки, а тайная тропа к государству западного типа требует особой уловки, своего рода обратного хода, который позволяет успешно обойти структуры досовременного государства» (с. 160).

В приведенном отрывке автор указывает на разную скорость развития различных сообществ, обусловленную «экологическими или географическими ограничениями». Но в дальнейшем анализе возникавших отличий западной цивилизации от иных он не развивает этот тезис, хотя именно географический фактор сыграл в цивилизационных различиях, полагаю, решающую роль [2, с. 44-53, 135-154; 3, с. 6-8]. Однако автор, очевидно, не считает этот фактор определяющим.

Природа для автора – общий фон эволюции – от локальных общин первобытных охотников и собирателей через их расселение в поисках новых источников существования к образованию земледельческих сообществ после последнего оледенения, социализация которых определялась и ускорялась потребностями сохранять за собой, а значит, и защищать освоенные угодья. Отсюда – вполне закономерный вывод: «Раннее земледелие распространялось не потому, что рациональные люди предпочитают заниматься сельским хозяйством, но потому, что земледельческие сообщества с определенными институтами побеждают в межгрупповой конкуренции кочевых охотников-собирателей... Клань возникли в ходе культурной эволюции, чтобы способствовать большей кооперации и внутренней сплоченности с целью защиты территории и организации экономического производства. Многие социальные нормы, на основе которых

образуются кланы, можно понять, если обратить внимание на то, как они смягчают конфликты интересов для создания сплоченных групп с четкой вертикалью... Выделяя одну линию родства, кланы сглаживают многие внутренние конфликты» (с. 169-170).

Дальнейшая социальная эволюция ведет к необходимости объединения сложившихся кланов – возникают вождества. И следует простое и доступное разъяснение этого феномена, введенного в обиход современными антропологами. «Самая простая версия вождества – это единственная деревня, состоящая из нескольких кланов, в которой один клан стоит выше других. В силу наличия общих норм и верований, регулярно закрепляемых посредством ритуалов, главенствующий клан принимает решения за все сообщество. Старший член старшей линии в главенствующем клане часто является вождем. Главенствующий клан продолжает заключать браки со всеми другими кланами и поддерживает полный набор основанных на родстве отношений со всем сообществом... Такая политическая власть не опирается на принуждение, по крайней мере по своей сути; это законная власть, основанная на социальных нормах и священных верованиях. В этой системе родства старшие братья должны пользоваться уважением и почтением со стороны младших братьев» (с. 182).

Далее автор подробно рассматривает процесс возникновения иерархии кланов и показывает, как такая система перерастает в государственную при сохранении опоры на семейно-клановую структуру, основанную на родстве. Но «в отсутствие постоянных угроз, исходящих от конкурирующих обществ, внутри общества усиливается соперничество между правящими семьями, что приводит к постепенному разрушению институтов общегосударственного уровня» (с. 186). Или же, добавим, рождаются деспотии, но построенные по семейно-клановому принципу: «Китайские императоры, например, часто воспринимались как сильные, заботливые и авторитарные отцы своих подданных, которые, являясь их детьми, были обязаны проявлять покорность, уважение и преданность по отношению к государю» (с. 194).

Но «Общества Запады организованы на совершенно иной институциональной основе. Вместо интенсивного родства, распространяющегося вверх и вниз по социальным слоям, у нас есть часто подкрепленные законами нормы и предательства, которые активно

препятствуют формированию подобных родственных институтов. В большинстве обществ Запады вы не сможете выйти замуж за пасынка, иметь нескольких супругов или сосватать дочь-подростка за своего делового партнера. Схожим образом вы можете сказать своему сыну, что он должен переехать к вам в дом после свадьбы, но у них с женой могут быть другие планы, и вы мало что сможете предпринять в этой ситуации. В соответствии с обычаем и законом вы должны строить отношения другими способами и полагаться на обезличенные рынки, правительства и другие формальные институты» (с. 194).

Причины отхода людей Запады от клановой структуры автор видит в западном христианстве. «Сначала, между 400 и 1200 гг. н. э., интенсивные основанные на родстве институты многих европейских племенных популяций медленно ослаблялись, разрушались и в конечном итоге стирались с лица земли той ветвью христианства, которая в итоге превратилась в Римско-католическую церковь – в дальнейшем мы будем называть ее Западной церковью или просто Церковью. Затем на руинах этих традиционных социальных структур люди начали возводить новые добровольные объединения, основанные на общих интересах или убеждениях, а не на родстве или племенной принадлежности. В этих частях Европы социальной эволюции не дали пойти обычным путем – путем интенсификации родственных связей; ее столкнули на удивительную боковую тропу. Ключевым для нас на данный момент пунктом является то, что распад интенсивных институтов, основанных на родстве, и постепенное появление независимых моногамных нуклеарных семей представляют собой тот самый камешек, с которого началось лавинообразное движение к современной Европе» (с. 248).

«Корни семьи Запады можно найти в медленно расширявшемся наборе догматов, запретов и предписаний, которые начиная с периода заката Западной Римской империи постепенно принимала и энергично продвигала Церковь. Почему Западная церковь в конечном итоге приобрела такое влияние, не только истребив или поглотив всех традиционных богов и ритуалы Европы, но и опередив другие ветви христианства? ...Если упрощать, самый важный для объяснения огромного успеха Церкви фактор заключается в ее радикальном наборе запретов, предписаний и предпочтений в отношении брака и семьи» (с. 250).

«Подрывая интенсивное родство, политика Церкви в отношении брака и семьи постепенно избавляла людей от обязанностей, обязательств и преимуществ, связанных с их кланами и домами. Это создавало больше возможностей и стимулов посвятить себя Церкви, а затем и другим добровольным организациям. Непреднамеренная гениальность западного христианства [подчеркнуто мной – Я.Г.] проявилась в том, что оно «нашло способ» демонтировать основанные на родстве институты, в то же время способствуя распространению собственного учения» (с. 252).

Далее автор подробно рассматривает борьбу папства по искоренению варварских традиций клановости, основанных на родстве, за моногамный брак с ограничением для брачных пар многими группами близких родственников, чего не было в других религиях. *«Церкви просто «повезло» наткнуться на эффективную комбинацию сверхъестественных верований и обычаев». Ее отношение к семье «представляет собой смесь старых римских традиций и иудейского закона, приправленную специфически христианской одержимостью сексом (то есть его отсутствием) и свободой воли» (с. 276).*

«Однако, по сравнению с постоянным расширением набора запретов на инцест и усилением наказаний за него в Западной церкви, Православная церковь очень неторопливо вводила нормы... Усилия Православной церкви по выявлению нарушителей и принуждению их к соблюдению закона не поспевали за аналогичными действиями Западной церкви... Мы можем сказать, что Православная церковь избрала облегченный вариант...» (с. 278). Возвращаясь к «семейной политике» римской церкви, автор подсчитал, что «европеец XI в., ищущий супруга, теоретически должен был бы исключить из перечня кандидатов примерно 2730 многоюродных братьев или сестер, а потенциально – и до 10 000 всевозможных родственников, включая детей, родителей и вдовых супругов всех этих многоюродных братьев или сестер» (с. 282).

Особо рассматривается роль запрета на инцест, что сказывалось на качестве популяции. Подчеркивается, что, в итоге, католичество выработало наиболее жесткие нормы семейной жизни, породило в дальнейшем рост индивидуализма в поведении западного человека, привычки не опираться не на родственников, а на собственные силы и профессиональные качества окружающих, чем он стал отлучаться от людей традиционной культуры

и иных религий, в которых эти традиции сохранялись.

И далее автор разбирается в причинах таких радикальных требований католицизма, указывает и на имущественные интересы церкви, и на роль монашества в условиях слабости политической власти в средневековой Западной Европе, в отличие, добавим, более тепличных условий, в которых развивалось восточное христианство. *«Это движение к индивидуальной собственности и праву составлять личные завещания должно было ослабить основанные на родстве структуры, поскольку они постоянно теряли землю и богатства в пользу Церкви.... В период Средневековья Церковь чрезвычайно обогатилась благодаря сочетанию завещаний, десятины и платежей за такие услуги, как аннулирование брака и дозволение заключить кузенный брак. Причем среди всех этих источников доходов наибольшая доля приходилась на завещанное имущество. К 900 г. Церкви принадлежало около трети возделываемых земель в Западной Европе» (с. 290).*

Всё так, но роль церкви преувеличена, ибо частная собственность была уже в Риме, как и у древних греков, и у германцев, расселившихся на территориях Рима. **Церковь лишь использовала и закрепила эти формы собственности, опираясь, кстати, и на римское частное право.**

Далее автор расширяет свою аргументацию детальным рассмотрением семейной политики католицизма в средневековой Европе. Приводит очень показательную карту распространения конфессий в Европе в начале II тыс. н.э. (с. 294), в которой граница между католичеством и православием весьма близка линии разграничения т.наз. европейской и традиционной форм семьи в Новое время, установленной историко-демографами. Заметим также, что эта граница совпадает с разграничением ареалов расселения германцев и славян в Раннем Средневековье, что, если развивать мысль автора, демонстрирует природу различий в исторических судьбах этих двух европейских этносов.

Сюда же можно отнести наблюдение автора над различиями в семейном праве католицизма и православия. *«В то время как Западная церковь на протяжении многих веков раннего и Высокого Средневековья с крайним упорством стремилась искоренить все браки даже с дальними родственниками, Православная церковь лишь неторопливо налагала определенные ограничения и, кажется, не прояв-*

ляла *особого энтузиазма в отношении навязывания этих мер*» (с. 308). Здесь имеется в виду более либеральное отношение византийской церкви к *кузенному браку* (между детьми братьев или сестер). Тут можно добавить и обязательность celibата в православии только для монашества, тогда как римская церковь ввела его для всего своего духовенства, что было связано, как отмечает и автор, со стремлением сохранять неделимость церковных имуществ в условиях автономности папства от светской власти в противовес православию, сложившемуся в условиях подчиненности власти византийских императоров. Тем самым римская церковь еще более ограничила сферу семейных отношений, отрывая людей от традиционных семейных, родственных уз.

Это сказалося на дальнейшей истории Западной Европы. *«По мере того как исчезали ... интенсивные институты, основанные на родстве, средневековые европейцы обрели все большую и большую мобильность, как с точки зрения выбора межличностных отношений, так и в смысле выбора места жительства»* (с. 300). И далее: *«Демонтаж Церковью интенсивного родства в средневековой Европе случайно [подчеркнуто мной. – Я. Р.] подтолкнул европейцев, а позже и население других континентов к психологии человека Запада»* (с. 302).

А вот и нет, вовсе не случайно! Ведь специфичная для Запада частная собственность, как уже отмечалось, **возникла в античном, дохристианском мире**. Впрочем, и моногамия там тоже была, в отличие от более лояльных многоженству восточных обществ. Вспомним, что древние греки к ней пришли в силу сложившихся у них представлений о равных правах свободных эллинов, в соответствии с которыми каждый мужчина и каждая женщина должны были иметь возможность вступать в брак, в чем они видели свое превосходство над восточными соседями. Эти же нормы восприняли и римляне. А при наличии рабства такая моногамия не ограничивала сексуальные интересы мужчин. И лишь христианизация, причем с большим трудом, только спустя тысячелетие после своего возникновения – к началу II тыс. – сумела добиться запрета на такую мужскую свободу, чему способствовало и искоренение к тому времени рабства как массового института.

То есть, доказывая решающую роль католицизма в создании не просто моногамной, но и **нуклеарной** семьи, автор преувеличивает эту роль, ибо, как отмечалось, такая семья воз-

никла в античном мире еще в дохристианскую эпоху, причем не стихийно, а как следствие рождения у греков понятия **частной собственности и частного права, развитого затем Римом**. А такая собственность, в свою очередь, возникла под влиянием природно-географических условий, в которых оказалось античное общество. Условия эти способствовали развитию поликультурного хозяйства, в котором преобладали виды деятельности, основанные на индивидуальном труде (рыболовство, садоводство, ремесло, торговля) с частным присвоением его результатов. **В этом было уникальное отличие европейского Средиземноморья от других очагов человеческой ойкумены**, в которых основой существования были более коллективные виды деятельности – полевое земледелие, да еще с необходимостью ирригации, и кочевое скотоводство...

Ситуация, сходная, заметим, с античным Средиземноморьем, сложилась и в раннесредневековой Скандинавии, население которой также жило не за счет земледелия, а, как и греки, за счет морского промысла и торговли, т.е. индивидуальных видов деятельности. В итоге и у них тоже сформировались близкие античным представления об обособленной собственности (одадь, затем аллод).

Соответственно, частная собственность логично привела к ограничению числа наследников, что уже практиковалось римским частным правом. Христианская церковь, в ее западном варианте, в условиях разгрома Рима варварами, в борьбе за свое существование, основываясь на аскетической догматике, отвергавшей земной мир с его межличностными связями, отрывала своих адептов от традиционных родственных связей в пользу служения высшей, внеземной идее, в чем действительно преуспела более, чем иные религии. И в этом автор прав.

Но первоосновой, от которой началось обособление западного человека, было, таким образом, не католичество, а античная форма собственности, на которую и опиралась возникшая в регионе церковная организация. Во всех дальнейших своих рассуждениях с многочисленными убедительными доказательствами автор прав. Но **первопричину формирования особого западного человека он не увидел**. Ибо, очевидно, в силу своих профессиональных интересов увлекся социально-психологическими и антропологическими аспектами человеческой эволюции, **проигнорировав внешние для человека географические факторы**, не менее значимо влиявшие на

его развитие, особенно в доиндустриальные эпохи. Распространение западных норм поведения человека за пределы его первоначальной среды обитания – Западной Европы – связаны как раз с индустриализацией, ослабившей зависимость людей от природы.

Далее автор не только подробно разъясняет причины изменения поведения человека *индивидуального*, но и насыщает свои наблюдения и выводы (порой, заметим, довольно тривиальные) обилием компаративных социологических исследований когорты разных этнически и культурно народов. Он подчеркивает, что наибольшее число таких исследований проводилось среди представителей западного сообщества и потому были односторонними. Используя исследования, проводившиеся в последнее время среди представителей традиционных сообществ, он наполнил свои рассуждения об особенностях западного человека контрастом с иными культурами. В итоге эти особенности показаны более объемно и всеобъемлюще. Попутно автор продемонстрировал и причины известной инновационности западного общества, ставшего технологическим лидером, и показал, что представители иных культурных традиций, воспринимая западные поведенческие ценности, уже в наше время достигают тех же результатов.

Далее автор рассматривает локальные психологически и семейно-брачные особенности разных регионов Западной Европы, связывая с ними различия во влиянии церкви и традиций. Затем ту же матрицу прикладывает к неевропейским сообществам. Причем, что важно, в сравнительном аспекте дихотомию Индии и Китая. И вот здесь он обращается к географическому фактору. *«Историческая зависимость популяций от ирригации – независимо от того, использовалась ли она для рисовых или других полей, – связана с психологическими показателями индивидуализма, жесткости и послушания. Те, чьи предки больше зависели от ирригационного земледелия, сегодня менее индивидуалистичны, более озабочены соблюдением социальных норм и более серьезно относятся к воспитанию послушания у своих детей.... В данном случае причиной вариаций в интенсивном родстве или психологии была не Церковь. Вместо этого определенные экологические условия создали потенциал для интенсивного сельского хозяйства, что, в свою очередь, подстегнуло культурную эволюцию кооперативных, вертикальных, интенсивных институтов, основанных на родстве»* (с. 384–382).

В том, что европейская форма семьи сыграла действительно существенную роль в развитии континента, а восточные семейные традиции тормозили и тормозят его модернизацию, сомневаться не приходится. То есть роль семейной организации подмечена верно. И автор подкрепляет данный вывод множеством наблюдений и выкладок. Но, повторяя свой тезис о роли церкви в истории Западной Европы, автор оставляет за пределами своего внимания исходный фундамент различий – европейская семья перерастала свойственную первобытности клановость еще в дохристианские времена в силу природных особенностей, отличавших регион от Востока. Там необходимость ирригации сохраняла коллективизм и тормозила вызревание институциональной частной собственности, родившей в конечном счете европейскую малую семью и индивидуализм европейцев, что и предопределило дихотомию речных (Восток) и морских (античный мир, Скандинавия) цивилизаций [4]. Кстати, более суровый климат в Восточной Европе тоже требовал коллективных усилий в хозяйственной деятельности у славян, особенно у восточных, что предопределило отличие их общественных, а затем и политических порядков от живших в климатически более благоприятных условиях западных славян [2, с. 93–131].

Далее подробно рассмотрен феномен европейских средневековых городов с позиций влияния на мобильность и самоорганизацию городского населения и сложившихся привычек к индивидуальной деятельности (с. 462). Но, рассматривая этот феномен, автор возвращается к своей идее о ведущей роли созданной церковью формы нуклеарной семьи в этом процессе: *«До прихода Церкви вероятность развития любой формы представительного правления равна нулю – дохристианская Европа не отличалась в этом от всего остального мира»* (с. 476). А греческие полисы и римские муниципии с похожим устройством и без всякого вмешательства церкви, которой еще не было?

Анализируя причины обгоняющего восточные миры быстрого роста средневековых европейских городов, автор вполне обоснованно пишет: *«в вопросах развития торговли и коммерции Западная Европа имела географическое преимущество перед многими другими частями света: этот регион обладает необычным изобилием естественных портов и судоходных водных путей, а также внутренних морей»* (с. 484). То есть констатирует

географическую особенность региона. Но не замечает (или не считает существенной) именно в ней основу ускоренного развития континента, возвращаясь к роли малой семьи.

Анализируя роль войн в экономической динамике, автор пишет, что *«война ускоряет рост городов. Похоже, что европейские войны способствовали экономическому процветанию (тех, кто выжил)»* (с. 508). Вот тут добавление в скобках очень существенно, ибо процветание победителей (если не учитывать их людских потерь) уравновешивается разорением побежденных. И, как показывает историческая практика, нынешний высокий уровень жизни Западной Европы утвердился лишь с созданием современного Евросоюза и принципиального отказа от вооруженных решений проблем. Это и ответ на вопрос, заданный далее автором: *«Может ли культурная эволюция избрести способ пользоваться положительным воздействием такой межгрупповой конкуренции на психологические особенности людей без всего того отрицательного, что ей сопутствует, – без страданий, разрушений и смертей?»* (с. 512).

Автор обоснованно отмечает, что *«спонтанное формирование и распространение добровольных организаций, способных к самоуправлению и саморегулированию, является одной из отличительных черт европейского общества II тыс. н. э.»* И, сравнивая европейские университеты с исламскими медресе, справедливо отмечает, что ограниченность последних только рамками религии вела к тому, что *«в отличие от своих аналогов в средневековой Европе, медресе не управлялись постоянно сменяющимися группами придирчивых профессоров и мятежных студентов, которые объединялись в саморегулируемые коллективы, требовавшие интеллектуальной свободы, определявшие стандарты и составлявшие учебные планы»*. *«в них не будут изучать ничего противоречащего исламу. Это означало, что исламские ученые совершали свои великие открытия на стороне, когда никто не обращал на них внимания (что делает их достижения еще более впечатляющими)»*. Здесь только нельзя забывать, что идеологический контроль был и в европейских университетах, хотя, действительно, корпоративные права европейцев гарантировали больше свобод (с. 534).

Далее автор в обобщенном виде дает обзор динамики европейского развития в классическом Средневековье и Раннем Новом времени и отмечает, что *«все большее число работ подтверждает мысль, что протестантские*

верования и практики способствуют трудолюбию, терпеливости и усердию» (с. 622). Это суждение со времени Макса Вебера стало уже общим местом в европейской историографии. Но, возможно, именно из-за наличия указанных качеств, подробно описанных, в том числе и автором анализируемой книги, именно такие сообщества оказались склонными к протестантизму? Не об этом ли свидетельствует то, что среди более традиционного восточноевропейского населения протестантизм не пользовался популярностью, как и в менее, но все же традиционных клановых сообществах Южной Европы?

«В отличие от большинства других регионов и периодов, люди средневековой Европы не были скованы тесными родственными узами и обязательствами по отношению к конкретному месту жительства, поэтому многие мастера переезжали. Зависимые и мобильные ремесленники всех специальностей стремились группироваться в одних городах, а зачастую — на одной улице или в одном квартале. Это создавало конкуренцию, стимулировало усовершенствования и давало больше возможностей учиться друг у друга. Напротив, в Китае, где ремесленные техники и навыки передавались внутри кланов, ремесленники жили рассеянно и имели глубокие корни в родных деревнях» (с. 666).

В заключении автор все же соглашается с выводами упоминавшегося выше Дж. Даймонда о географических причинах формирования и развития цивилизации *«на «счастливых широтах», проходящих через Китай, Индию, Ближний Восток и Средиземноморье»*, и дополняет ее обобщением своих вышеизложенных выводов о причинах подъема после 1000 г. Западной Европы: *«В христианской Европе рост доходов и материальной стабильности, по крайней мере на первых порах, был следствием, а не причиной изменения основанных на родстве институтов и психологических моделей»* (с. 702).

Вероятно, это было так, как констатировалось выше. Но малая, нуклеарная семья в Европе укоренилась **не вследствие** деятельности западной христианской церкви. Такая семья уже существовала у язычников греков и римлян и, очевидно, стала следствием обособления собственности, вызванного особым типом хозяйства, основанного на особенностях природной среды Средиземноморья. А подробно рассмотренные автором психологические различия семей и личности в их разных формах – порождение особых социальных и культурных отношений,

основанных на разных формах собственности Западной Европы – этого специфичного в природно-географическом положении полуострова Евразии.

// Беларускі гістарычны часопіс. – 2025. – № 3. – С.18–23.

Поступила в редакцию 02.12.2025 г.

Контакты: riyer47@mail.ru (Риер Яков Григорьевич)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Хенрик, Дж.* Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели / Дж. Хенрик. – М. : Альпина нон-фикшн, 2024. – 576 с. Электронное издание.

2. *Риер, Я. Г.* Локальные цивилизации средневековья: генезис и особенности : монография / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 200 с.

3. *Риер, Я. Г.* О роли географических факторов на ранних этапах человеческой истории / Я. Г. Риер // Романовские чтения – 17 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 28 нояб. 2024 г. / под общ. ред.: А. С. Мельниковой, Е. И. Головач. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2025. – С. 6–8.

4. *Рыер, Я. Р.* Геаграфічныя фактары стаўлення лакальных цывілізацый / Я. Р. Рыер

Rier Y. G. WHAT IS PRIMARY IN THE SOCIETY-NATURE SYSTEM: DISCUSSIONS IN THE MARGINS OF JOSEPH HENRICH'S BOOK

The article provides a detailed commentary on J. Henrich's extensive study of the characteristics of Western European civilization. While generally agreeing with the book's analysis, the author of these notes challenges the scholar's conclusion about the decisive role of the Catholic Church in shaping "Western man" and believes that the primary reason for the West's "distinctiveness" lies in the region's unique environmental conditions and the resulting development of private property in pre-Christian times.

Keywords: Western man, Christian church, family, private property, geographical factor, natural environment.

УДК 94

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА И ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XVI–XVIII ВВ. СОГЛАСНО НОРМАМ СТАТУТА 1588 Г.

Н. Н. Рытова

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

ORCID 0000-0003-2280-3712

В отечественной исторической и юридической науке достаточно много внимания уделялось вопросам изучения норм Статута 1588 г. Между тем остались без внимания нормы уголовного права, направленные на противодействие преступлениям против государства, осуществления власти и порядка управления. Незаслуженно остался в стороне и вопрос о санкциях, применяемых законодателями в XVI–XVIII вв., в отношении преступников за указанный вид преступлений. Данная статья направлена на изучение норм права Статута 1588 г., проливающих свет на виды наказаний за преступления против государства, порядка осуществления власти и управления и предусмотренных за них наказаний.

Ключевые слова: преступления против государства, преступления против осуществления власти и управления, Статут 1588 г., виды наказаний за преступления против государства, порядок осуществления власти и управления в XVI–XVIII вв.

Введение

Изучению норм права XVI–XVIII вв. в белорусской науке уделялось достаточно много внимания. Уже в конце XIX – начале XX в. исследователи обратились к изучению источников права, норм права в целом (И. А. Малиновский, М. Н. Ясинский, М. Ф. Владимирский-Буданов, Г. А. Демченко, Ф. И. Леонтович, М. К. Любавский, Н. А. Максимейко) [1–9]. Дальнейшую разработку данного вопроса продолжили Я. А. Юхо, Т. И. Довнар, Т. Г. Колноокова, Р. Е. Юльский, М. П. Беляев, А. Н. Журов, Н. В. Мисаревич, С. В. Сыс и др. [10–19]. Между тем правоведы в большей степени обращаются либо к общей характеристике отдельных памятников права, либо общему развитию отраслей права, упуская из виду детальное изучение отдельно взятых норм права, регламентирующих те или иные стороны жизни. Появляются работы (Т. Г. Колноокова), затрагивающие проблематику санкций в уголовном праве в рассматриваемый период за причинение тяжких телесных повреждений

[13]. С. В. Сыс, обращаясь к проблеме развития уголовного права в Беларуси, останавливается на отдельных видах источников уголовного права, в том числе и Статуте 1588 г. Исследователь отмечает, что в данном памятнике права наблюдалось выделение уголовных преступлений в зависимости от их общественной опасности [19]. Несмотря на существенный вклад в изучение норм права рассматриваемого периода, сделанный правоведом, остались без внимания нормы уголовного права, направленные на противодействие преступлениям против государства, осуществления власти и порядка управления. Незаслуженно остался в стороне и вопрос о санкциях, применяемых законодателями в XVI–XVIII вв. в отношении преступников за данный вид преступлений

Настоящая статья направлена на детальный анализ статей Статута 1588 г., который является основным сводом законов рассматриваемого времени. В нем получили отражение различные отрасли права, в том числе и уголовного. Среди них можно выделить нормы, направленные на защиту государства и установленного порядка управления.

Основная часть

Статут 1588 г. является важнейшим кодексом феодального права, который действовал на белорусских землях на протяжении XVI–XVIII вв. В нем нашли отражение различные нормы права, в том числе и уголовного. В частности, анализ статей Статута 1588 г. позволяет выделить преступления против государства и порядка осуществления власти и управления.

1. Заговор или иные действия, совершаемые с целью захвата государственной власти: «Если бы кто, нарушая общий покой, бунтовал против нас, государя <...> или после смерти государя, а также потомков наших королей польских и великих князей литовских, желая кто захватить и овладеть этим государством Великим княжеством и государем на нем стать, и войско, служилых людей собирал и вел <...> таковой честь и горло тра-

тит» (Р. 1, Арт. 3) [20, с. 351].

2. **Измена:** «Кто бы также с врагами нашими договоренность имел, письма к ним или послов, советуя против нас, государя и государства, либо остерегая, посылал, тем самым неприятелям какую помощь давал. Кто бы также людей неприятельских в государство наше Великое княжество Литовское предательски привел <...> таковой честь и горло тратит» (Р. 1, Арт. 3) [20, с. 351].

В отношении преступников по данному виду преступлений применялась смертная казнь («горло тратит», «жизнь тратит»), а также лишение чести и достоинства. Наказание распространялось не только на самого преступника, но и на его совершеннолетних сыновей, если последние знали о готовящемся преступлении, т.е. в этом случае их рассматривали как соучастников преступления. Кроме того, все имущество преступника конфисковывалось в пользу государства (Р. 1, Арт. 4) [20, с. 351].

Также под государственной изменой рассматривался не **только сговор с неприятелем, но и бегство в стан врага:** «Кто бы либо из подданных наших удрал с государства нашего в землю неприятельскую со злым умыслом измены и во вред нам, государю, государству, таковой утрачивает честь. А дети за такое преступление отца чести не утрачивают, но от именей отца своего отдаляются <...> А если бы тот изменник удирая в неприятельскую землю, был пойман, тот жизнь и честь утрачивает. А так как свою плату уже взял, то дети его как при чести, так и при имениях отца своего должны оставаться...» (Р. 1, Арт. 6) [20, с. 352].

Несмотря на то что в обоих случаях речь идет о государственной измене, законодатель по-разному рассматривает круг лиц, попадающих под санкции. Так, если в арт. 3 виновным признается не только сам преступник, но и его совершеннолетние сыновья, если им была известна информация о готовящейся измене, то в арт. 6 говорится лишь о конфискации имущества, если сам виновник не был пойман с поличным. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что в первом случае речь идет о целенаправленных действиях преступника, в результате которых причинен (мог быть причинен) вред государству. Во втором – преступник лишь принимает сторону неприятеля во время военных действий.

Представляет интерес формулировка, использованная составителями в арт. 3. раздела I

Статута 1588 г.: «А жёны таких изменников, которые не знали той измены своих мужей <...> таковые своих именей отчинных и материнских и вена, описанных им их мужьями перед совершением измены, не утрачивают...» [20, с. 351]. Она указывает на применение санкции в виде конфискации имущества в отношении замужней женщины, если она не оповестила власти о готовящейся измене в виде конфискации имущества. Отсутствие в данном артикуле иной информации позволяет утверждать, что на супругу преступника, знавшую о готовящемся преступлении, не распространялось наказание в виде смертной казни и лишения чести, как в отношении совершеннолетних сыновей.

3. **Оскорбление государя:** «Где бы кто заочно что оскорбительного о нас, государе, говорил и также кто бы особу нашу государеву явно и при помощи явных писанных листов своих с собственноручной подписью поносил <...> за то должен будет в верхнем виленском замке в тюрьме <...> сидеть шесть недель, но не больше, но может быть и меньше по милости нашей государевой...» (Р. 1, Арт. 4) [20, с. 351].

4. **Нанесение телесных повреждений или убийство должностного лица при исполнении им своих служебных обязанностей:** «Где бы кто на панов-рад наших, воевод, каштелянов, старост, подкоморих, и на вяды судовые замковый, и земский, или комиссарский, которые будучи при делах наших государевых и земских либо в суде сидящих, а не уважал места величия нашего государева, покушался рукою, и кто с тех чинов поименованных ранил или убил, тогда таковой подлежит вызову к нам к государю <...> по суду нашему, где это подтвердится, лишается чести и жизни...» (Р. 1, Арт. 14) [20, с. 354]. «Кто бы посланца нашего государева, или также возного с листами нашими государевыми, сам тот, к кому бы листы принадлежали <...> избил, или листы от него взяв порвал, или посланца нашего или также понятых людей при них бывших, листы, мандаты, позвы есть заставил и тем самым нас, государя, величия нашего не учтил, тогда тот при наличии достаточных доказательств полгода в верхнем замке нашем в Вильне должен сидеть, а того посланца или возного вознаградить обязан в двойном размере в соответствии с его положением...» (Р. 1, Арт. 24) [20, с. 356].

Как видим, в данном случае законодатель предусматривает в качестве санкции смертную казнь и лишение чести за убийство или нанесение тяжких телесных повреждений

должностному лицу, исполняющему свои обязанности. Нанесение легких телесных повреждений и уничтожение государственных документов влекло за собой применение такой санкции, как тюремное заключение сроком на полгода и выплату штрафа в пользу пострадавшего лица.

Несколько с иных позиций рассматривается вопрос о наказании за совершенное преступление в отношении таких должностных лиц, как судья, посудок, земский писарь. В соответствии с арт. 7 четвертого раздела Статута 1588 г. за нанесение телесных повреждений предусматривалась не только смертная казнь, но и выплата штрафа в пользу потерпевшей стороны в двойном размере согласно его сословному положению: «А если бы ранил, тогда смертной казнью должен быть наказан, а раненому навязку вдвойне на имени виновного взыскать. А если бы убил, токовой жизнь и честь утрачивает, а детям или близким убитого головицизна с имени виновного вдвойне взыскана должна быть...» [20, с. 376]. Убийство возного при исполнении им своих служебных обязанностей грозило смертной казнью и выплатой денежной компенсации в пользу родственников убитого в двойном размере в соответствии с его социальным статусом: «А если бы кто возного на таковых делах, подлежащих его вряду <...> убил, таковой, будучи привлеченным к суду замковому и по суду уличенный, сам подлежит смертной казни, а головицизна за убитого двойная с имени его должна быть выплачена...» (Р. 4, Арт. 11) [20, с. 378]. Последняя норма дублируется также в арт. 24 первого раздела [20, с. 356].

5. Клевета в отношении должностного лица, находящегося при исполнении: «Где бы кто на панов-рад наших, воевод, каштелянов, старост, подкоморих, и на вяды судовые замковый, и земский, или комиссарский, которые будучи при делах наших государевых и земских либо в суде сидящих, а не уважал места величия нашего государева <...> словами оклеветал, тогда таковые должен быть привлечен к главному суду трибунальскому. А тот суд, при наличии достоверных доказательств, должен наказать его заключением в башне на шесть недель» (Р. 1, Арт. 14) [20, с. 354].

6. Неподчинение властям: «Если бы мы, государь, с панами-радами нашими огласили бы решение, а кто бы осмелился против того решения нашего и по оглашению что против говорил, тогда таковой, какого бы сословия ни был, как высокого, так и низшего, должен

сидеть в замке нашем шесть недель и это никому не может прощаться» (Р. 1, Арт. 11) [20, с. 354].

Неуважение же по отношению к представителям власти, в частности судебной, выразившееся в уничтожении документов и нанесении легких телесных повреждений должностному лицу, влекло за собой увеличение срока тюремного заключения и выплаты штрафа в пользу пострадавшей стороны в двойном размере в соответствии с социальным положением последнего: «Если бы кто возного при деле с листами воевод, старост, вряда замкового и земского или главного суда трибунальского, либо также вряда подкоморского и комиссарского, либо и без документов, находясь по делам, относимся к его вряду <...> побил или листы, от него отнявши, порвал, или возного либо понятого позы, листы есть заставил либо дал пощечину, волосы или борода рвал и тем самым выказал неуважение вряду, тогда таковой каждый должен быть позван на окончательный срок во вряд земский либо замковый <...> А там при достаточных доказательствах должен удовлетворить возного вдвойне согласно его сословию. А за вину перед нами в замке или дворе поветовом двенадцать недель сидеть в верхней башне...» (Р. 4, Арт. 11) [20, с. 378].

7. Оскорбление представителя судебной власти при исполнении им служебных обязанностей: «Если бы кто-либо, пришедши в суд замковый или земский <...> судью, подсудка и писаря земских либо кого-либо из врядников замковых словами, оскорбительными для слав и чести его, позорил, таковой должен за нашу государеву вину сидеть шесть недель в замке или во дворе нашем. А такового врядника удовлетворить в соответствии со шляхетским сословием...» (Р. 4, Арт. 7) [20, с. 376].

8. Изготовление поддельных документов, печатей: «Если бы кто листы или печати подделывал, или подписи руки нашей, так же или канцлера, подканцлера и писарей наших дворных, земских, замковых и подкоморских <...> листы и привилеи какие придумав, подписывал, или кто бы также печати наши и наших врядов себе вырезал и у себя их прятал и ими пользовался, таковой <...> подлежит смертной казни огнем <...> кто печати и выписки из официальных документов переделывал <...> или снимая печати с листов, прикладывал к другим к своей помощи и пользе <...> лишением жизни за это должен быть наказан...» (Р. 1, Арт. 16) [20, с. 355].

9. Изготовление фальшивых денежных знаков: «Кто бы монету нашу фальшивил, переплавлял, и обрезал, также и мастера монетного дела наши, которые золото, серебро и другие материалы, подлежащие для монетного дела подделывали бы, сливали, смешивали для своей пользы, а во вред государства, а это было бы на них доказано, те должны быть подвергнуты смертной казни огнем...» (Р. 1, Арт. 17) [20, с. 355]. Настоящая статья напрямую указывает на, то что данный вид преступлений относится к преступлениям против государства, т.к. именно государство выступает в качестве потерпевшей стороны. Интересным является тот факт, что законодательство в подобном случае предусматривает в качестве санкции смертную казнь посредством сожжения.

Заключение

Таким образом, анализ статей Статута 1588 г. как основного свода законов, действовавшего на белорусских землях, при рассмотрении статей уголовного права позволяет выделить целый ряд преступлений против государства, порядка осуществления власти и управления. Среди них можно выделить такие, как: 1) заговор или иные действия, совершаемые с целью захвата государственной власти; 2) измена; 3) оскорбление государя; 4) Нанесение телесных повреждений или убийство должностного лица при исполнении им своих служебных обязанностей; 5) клевета в отношении должностного лица, находящегося при исполнении; 6) неподчинение властям; 7) оскорбление представителя судебной власти при исполнении им служебных обязанностей; 8) изготовление поддельных документов, печатей; 9) изготовление фальшивых денежных знаков.

За особо тяжкие преступления против государства и порядка осуществления власти и управления в XVI–XVIII вв. предусматривалась смертная казнь, в том числе и сожжение на костре, а также лишение чести и достоинства. В некоторых случаях (государственная измена, заговор и иные действия, направленные на захват государственной власти) предусматривалась также конфискация имущества. В отношении же лиц, совершивших преступления против должностных лиц, выполняющих свои должностные обязанности, предусматривались санкции в виде лишения свободы на определенный срок, выплата штрафа в пользу пострадавшего лица. В тех же случаях, когда действия виновной стороны повлекли

смерть либо тяжкие телесные повреждения, то за содеянное преступника казнили, а в пользу пострадавшего либо его родственников выплачивался штраф в двойном размере согласно социальному положению, которое занимал пострадавший. Таким образом, нормы уголовного права Статута 1588 г. при определении санкции учитывали социальное положение потерпевшего, что указывает на закрепление на законодательном уровне сложившейся к тому времени сословной дифференциации общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Малиновский, И. А.** Учение о преступлении по Литовскому статуту / И. А. Малиновский. – Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1894. – 232 с.

2. **Ясинский, М. Н.** Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства : Исслед. канд. прав Михаила Ясинского / М. Н. Ясинский. – Киев : Унив. тип. (В.И. Завадского), 1889. – VIII, 210 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/687350> (дата обращения: 23.08.2024).

3. **Владимирский-Буданов, М. Ф.** Немцкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Санкт-Петербург, 1868. – [2], 302, IV, 2 с.

4. **Демченко, Г.** Наказаніе по Литовському Статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 2966 и 1588 гг.) / Г. Демченко. – Ч. 1. – Киев : Тип. Императорского Университета Св. Владимира, 1894. – 273 с.

5. **Леонтович, Ф. И.** Русская правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовского законодательства в круг истории русского права / Ф. И. Леонтович]. – Киев, 1865. – 92 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/362493> (дата обращения: 23.08.2024).

6. **Леонтович, Ф. И.** Спорные вопросы по истории руско-литовского права / Ф. И. Леонтович. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 58 с.

7. **Леонтович, Ф. И.** Источники русско-литовского права : Общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилеи / Ф. И. Леонтович. – Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1894. – [2], 71 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/417048> (дата обращения: 23.08.2024).

8. **Любавский, М. К.** Очеркъ истории Литовско-Русскаго государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста

хартий, выданных великому княжеству Литовскому и его областям / М. К. Любавский. – М. : Моск. худ. печатня, 1915. – 4, 401, III с. – URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/3650-lyubavskiy-mk-ocherk-istorii-litovsko-russkogo-gosudarstvadolyublinskoj-unii-vklyuchitelno-m-1915#mode/inspect/page/154/zoom/6> (дата обращения: 23.07.2024).

9. **Максимейко, Н. А.** Русская правда и литовско-русское право / Н. А. Максимейко. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. – 14 с.

10. **Юхо, І. А.** Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. А. Юхо. – Мн. : Беларусь, 1991. – 238 с.

11. **Юхо, Я. А.** Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мн. : Тэсей, 1992. – 270 с.

12. **Доўнар, Т. І.** Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т. І. Доўнар. – Мн. : БДУ, 2000. – 224 с.

13. **Колноокова, Т. Г.** Ответственность за причинение тяжких телесных повреждений по Статуту 1588 / Т. Г. Колноокова // Проблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі : матэр. Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо; Мінск, 18–19 сак. 2011 / рэдкал.: С. А. Балашэнка (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БГУ, 2011. – С. 157–160.

14. **Юльскі, Р. Е.** Институт множественности преступлений в уголовном праве феодальной Беларуси / Р. Е. Юльскі // Проблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі : матэр. Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо; Мінск, 18–19 сак. 2011 / рэдкал.: С. А. Балашэнка (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БГУ, 2011. – С. 164–165.

15. **Беляев, М. П.** Состав преступления в уголовном праве Великого княжества Литовского / М. П. Беляев, А. Н. Журов // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 2 (52). – С. 50–55.

16. **Місарэвіч, Н. В.** Магдэбургскае права на Беларусі : аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.01 / Місарэвіч Наталля Валянцінаўна. – Гродна, 2002. – 20 с.

17. **Мисаревич, Н. В.** Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 годов о правовом положении жителей городов с магдебургским правом / Н. В. Мисаревич // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки. – 2011. – № 6. – С. 109–112.

18. **Мисаревич, Н. В.** Статут Великого княжества Литовского 1588 года как выдающийся памятник политико-правовой мысли Беларуси / Н. В. Мисаревич // Белорусская политология : многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире. В 2 ч. Ч. 2 : тезисы докладов IV международной научно-практической конференции, Гродно, 13–14 мая 2010 г. / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; отв. ред. В. Н. Ватыль; ред. кол.: Н. Н. Гончаров, О. В. Лапа, В. Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 24–26.

19. **Сыс, С. В.** История развития законодательства Беларуси о классификации преступлений по уровню их общественной опасности / С. В. Сыс // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 2 (95). – С. 110–116.

20. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.

Поступила в редакцию 23.12.2025 г.

Контакты: nataliarytova2018@gmail.com
(Рытова Наталья Николаевна)

Rytova N. N. CRIMES AGAINST THE STATE AND THE ORDER OF EXERCISING POWER AND GOVERNANCE ON BELARUSIAN LANDS IN THE XVI–XVIII CENTURIES ACCORDING TO THE PROVISIONS OF THE STATUTE OF 1588

In Belarusian historical and legal science, a lot of attention has been paid to the study of the provisions of the Statute of 1588. Meanwhile, the norms of criminal law aimed at countering crimes against the state, the exercise of power and the order of administration have been overlooked. The issue of sanctions applied by legislators in the XVI–XVIII centuries against criminals for these types of crimes has also remained neglected. This article is aimed at studying the legal norms of the Statute of 1588, shedding light on the types of crimes against the state, the exercise of power, and the order of administration, as well as the penalties provided for them.

Keywords: crimes against the state, crimes against the exercise of power and governance, the Statute of 1588, types of punishments for crimes against the state, the order of the exercise of power and governance in the XVI–XVIII centuries.

УДК 94(476)“18”:930.2+323.23(476)(091):930.2

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНИКОВ ВО ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ОТЧЕТАХ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНАТОРОВ (конец 1870-х – начало 1880-х гг.)

Н. С. Моторова

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурного наследия
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

В статье рассмотрены сообщения о деятельности народников во всеподданнейших отчетах губернаторов Беларуси конца 1870-х – начала 1880-х гг. Отмечено, что первое упоминание о народниках присутствует во всеподданнейшем отчете могилевского губернатора А. С. Дембовецкого за 1878 г. В целом губернаторы сообщали о народнической пропаганде и указывали, что ее воздействию в наибольшей степени подвержена молодежь. Конкретные рекомендации по предотвращению антиправительственной пропаганды народников были сформулированы А. С. Дембовецким. Он предлагал направить основные усилия на семейное воспитание, образование и профессиональную подготовку молодых людей.

Ключевые слова: всеподданнейший отчет, губернатор, белорусские губернии, народники, пропаганда, деятельность.

Введение

Первые отчеты губернаторов о состоянии губерний стали составляться в начале XIX в. Однако у этих документов не было единого наименования и единообразного формуляра. Правила составления отчетов были изданы МВД в 1828 г. Их регламентация и закрепление всеподданнейшего характера были связаны с утверждением в 1837 г. «Общего наказа гражданским губернаторам» [1, с. 195, 202].

Дальнейшее изменение формы губернаторского отчета связано с изданием в 1870 г. «Высочайше утвержденных форм или программ для составления губернаторских отчетов». В соответствии с этим законодательным актом губернаторский отчет был разделен на всеподданнейший отчет, который представлялся императору и составлялся по единообразной программе. Статистический материал публиковался отдельно – в виде «Обзора губернии» [2].

Всеподданнейший отчет содержал разнообразные данные, позволявшие осветить все стороны жизни губернии. Его особое зна-

чение заключалось в том, что губернаторам было предоставлено право непосредственного доклада по нему императору [3, с. 239]. Это предопределило конфиденциальный характер всеподданнейшего отчета. При этом он позволял раскрыть взгляды губернатора на те или иные внутривластные явления.

Губернатор напрямую не участвовал в составлении всеподданнейшего отчета. Эту работу, а также сбор всех необходимых статистических материалов выполняли чиновники местных административных учреждений. Как подчеркивает А. С. Минаков, практически невозможно точно установить, кто именно составлял рабочий вариант отчета на основании поступивших в канцелярию губернатора сведений. Однако губернатор лично просматривал его, вносил замечания и уточнения, оставлял пометки. Только после этого принималось решение о подготовке окончательного текста всеподданнейшего отчета [1, с. 245].

В белорусских архивах сохранились лишь единичные всеподданнейшие отчеты (как правило, их черновые варианты). Это связано с тем, что закон не обязывал хранить их копии в канцеляриях губернаторов и губернских архивах [1, с. 248]. Практически полные комплекты всеподданнейших отчетов по губерниям хранятся в фондах высших и центральных государственных учреждений Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге. Их основная часть находится в фонде Комитета министров (ф. 1263), а с 1907 г. – в фонде Совета министров (ф. 1276). Отдельные экземпляры также представлены в фондах Департамента общих дел МВД (ф. 1284) и Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282).

При составлении всеподданнейших отчетов от губернаторов не требовалось уделять внимание политическим настроениям населения. Однако данный аспект затрагивался в тех случаях, когда главы местных администраций считали необходимым обратить внимание

императора на какие-то значимые явления. Благодаря этому материалы всеподданнейших отчетов могут быть использованы для всестороннего изучения общественно-политической жизни Беларуси, динамики общественных настроений. Конечно, как исторический источник, составлявшийся в среде губернской администрации, они обладали определенной субъективностью, но при этом отражали официальные взгляды представителей губернаторского корпуса на внутривластную ситуацию.

Несмотря на историческую ценность всеподданнейших отчетов, их материалы вводятся в научный оборот очень медленно. В советский период была опубликована статья Н.П. Дятловой «Отчеты губернаторов как исторический источник» [3], в которой была рассмотрена процедура их составления, изменение формы и содержания. В современной российской историографии данная проблема была затронута в монографии А. С. Минакова «Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.)» [1]. В ней автор проанализировал формуляр всеподданнейшего отчета, процедуру его составления и рассмотрения императором и Комитетом министров. Что касается всеподданнейших отчетов по белорусским губерниям, то одним из первых к их источниковедческому и научному анализу обратился российский исследователь А. И. Раздорский [4]. Он рассмотрел их печатные копии.

Таким образом, до настоящего времени содержание всеподданнейших отчетов по белорусским губерниям практически не изучалось, несмотря на то что в них представлены уникальные данные по общественно-политическому развитию Беларуси. На их основании можно раскрыть подходы губернской администрации к решению различных внутривластных проблем. В этой связи особый научный интерес представляет противодействие со стороны губернаторского корпуса деятельности нелегальных народнических организаций на территории Беларуси. Соответственно, цель данной статьи заключается в том, чтобы на основании анализа всеподданнейших отчетов выявить степень распространения народнической пропаганды в белорусских губерниях в конце 1870-х – начале 1880-х гг. и определить подходы белорусских губернаторов к ее пресечению.

Основная часть

В конце 1870-х гг. важным фактором, оказывавшим влияние на внутривластную ситуацию в Российской империи, стало народничество. Его распространение связано с деятельностью организации «Земля и воля», оформившейся в 1876–1877 гг. В результате внутренних разногласий о тактике дальнейшей борьбы в 1879 г. общество раскололось на «Черный передел» и более радикальную «Народную волю», использовавшую методы политического террора [5, с. 187, 252–253]. Конечно, губернаторы не имели четкого представления о процессах, разворачивавшихся в народнической среде, связанных с дискуссиями о методах борьбы, но их деятельность не могла оставаться незамеченной. Сообщения о ней можно найти во всеподданнейших отчетах по белорусским губерниям конца 1870-х – начала 1880-х гг.

Первые упоминания о народниках встречаются во всеподданнейшем отчете по Могилевской губернии за 1878 г. [6, л. 339]. В последующие годы они появляются также в отчетах минского и виленского губернаторов. Однако в них отсутствовали термины «народники», «народовольцы», а также названия «Земля и воля», «Народная воля». Вместо этого использовались определения, в которых делался акцент на социалистическом характере идеологии и антиправительственной деятельности этих нелегальных организаций. Так, А. С. Дембовецкий в 1878 и 1879 гг. сообщал о «социально-революционной партии», а в 1880 г. – о «социально-революционных стремлениях» [6, л. 339; 7, л. 717 об.; 8, л. 18 об.]. Минский губернатор А. И. Петров во всеподданнейшем отчете за 1879 г. говорил о «социально-революционной ситуации» и «злонамеренных лицах» [9, л. 106], а в 1880 г. – о «социально-революционной пропаганде» [10, л. 578]. Виленский губернатор Е. П. Стеблин-Каменский использовал более обтекаемое определение – «зловредные учения», которое встречается в его всеподданнейших отчетах за 1880 и 1881 гг. [11, л. 652 об.; 12, л. 143 об.].

Как показывает анализ всеподданнейших отчетов по белорусским губерниям за 1878–1884 гг., наиболее подробно деятельность народников и противодействие народнической пропаганде осветил в своих всеподданнейших отчетах А. С. Дембовецкий. Так, в 1878 г. он отмечал, что их сторонников в губернии было немного, однако на фоне громких террори-

стических актов они активизировались. Были зафиксированы их собрания и попытки организовать пропаганду народнических идей. В губернии начали поступать газеты и журналы революционного содержания. В этой связи губернатор положительно оценил введение закона от 1 сентября 1878 г., согласно которому полиция могла арестовывать лиц по подозрению в участии в политических преступлениях. В этом же отчете А. С. Дембовецкий, подчеркивая антиправительственный характер деятельности народников, приравнивал их к «польским мятежникам» – участникам восстания 1863–1864 гг. [6, л. 339 – 340 об.].

Основной социальной группой, подверженной влиянию пропаганды народников, была молодежь. Так, могилевский губернатор А. С. Дембовецкий отмечал, что в наибольшей степени их деятельность встречала поддержку со стороны учившейся и недоучившейся молодежи, в том числе и воспитанниц частного женского пансиона [7, л. 717 об. – 717 об.]. Позже (в 1881 г.) он подчеркивал, что пик распространения социально-революционных идей пришелся на 1877–1879 гг., причем только в среде определенной части молодежи [13, л. 335–335 об.]. Виленский губернатор Е. П. Стеблин-Каменский отмечал, что единичные случаи увлечения идеями народников были отмечены в среде еврейской молодежи [11, л. 652 об. – 653; 12, л. 143 об.]. А вот минский губернатор А. И. Петров указывал, что попытки нескольких «злонамеренных лиц» распространять свои идеи среди учащейся молодежи губернии не имели успеха [9, л. 106].

В абсолютном большинстве бесподданнейших отчетов губернаторы лишь констатировали существование проблемы народнической пропаганды и заверяли императора, что широкого распространения в их губерниях она не получила. При этом они воздерживались от конкретных предложений, направленных на ее решение. Это объяснялось личностными характеристиками каждого конкретного губернатора, его административным опытом и способностью проявлять инициативу. Среди губернаторского корпуса Беларуси в этом отношении исключение составил могилевский губернатор А. С. Дембовецкий.

Во всеподданнейшем отчете по Могилевской губернии за 1880 г. можно найти его предложения по предотвращению распространения социально-революционных идей среди молодежи. С одной стороны, губернатор поддерживал использование репрессивных мер, то есть

высылку за пределы губернии пропагандистов народнических идей. С другой стороны, А. С. Дембовецкий считал, что почва для их распространения была создана в результате ослабления религиозных и нравственных основ жизни общества, а потому предлагал уделить основное внимание семье и системе образования, сосредоточиться на воспитании подрастающего поколения. По мнению губернатора, в наибольшей степени влиянию социально-революционных идей были подвержены дети из семей мелких чиновников, купцов, мещан. Из этой среды выходили «преступные деятели крамоль» [8, л. 18 об. – 20 об.].

В данном контексте речь шла о городских жителях, которые в большей степени по сравнению с крестьянами были подвержены маргинализации в условиях разрушения традиционной социальной структуры и системы морально-нравственных ценностей по сравнению с сельской местностью А. С. Дембовецкий подчеркивал, что в городских семьях родители зачастую не уделяли достаточно времени воспитанию детей, у последних не было влиятельных морально-нравственных авторитетов, они росли сами по себе. На формирование их мировоззрения оказывали влияние случайно встреченные ими «испорченные люди», идеи, которые они восприняли из нелегальных изданий и периодической печати [8, л. 21].

В этой связи А. С. Дембовецкий считал необходимым уделить самое пристальное внимание двум основным социальным институтам – семье и школе. Однако, по его мнению, действовать здесь путем издания новых правовых норм было неразумно и неэффективно. Следовало пойти по пути сотрудничества государства с наиболее благонадежными социальными группами (духовенством, дворянством и чиновничеством) как главной опорой существовавшего государственного строя. «Только живой руководящий пример лиц, выходящих в общественном положении, только должное пастырское влияние и разумное слово духовного отца могут дать ту могущественную силу, которая в состоянии поднять падающий ныне уровень нравственности массы населения» [8, л. 21 об. – 22 об.]. Кроме того, А. С. Дембовецкий считал возможным, чтобы начальники требовали от своих подчиненных соблюдения высоких морально-нравственных норм и фактически контролировали их семейную жизнь [8, л. 22 об.].

С другой стороны, могилевский губернатор обращал внимание на то, что дети бедных

чиновников и непривилегированных социальных групп, поступив в средние учебные заведения, позже отчислялись из-за отсутствия денежных средств. Например, в Могилевской мужской гимназии этот показатель достигал одной трети. В результате такие недоучившиеся молодые люди формировали «элемент брожения», так как они не имели ни знаний, ни навыков, чтобы реализовать себя в какой-либо профессиональной или общественной деятельности [8, л. 23–24]. Для решения этой проблемы А. С. Дембовецкий ограничился предложениями, сформулированными в общих фразах. С одной стороны, он писал о необходимости реформировать систему среднего образования таким образом, чтобы лица, не закончившие гимназический курс, все же могли продолжить свое обучение в других учебных заведениях. Так в дальнейшем они могли бы принести пользу обществу. С другой стороны, А. С. Дембовецкий считал, что при переводе из класса в класс и при объявлении поощрения гимназистам нужно учитывать не только их успехи в учебе, но и поведение [8, л. 24–25]. Подводя итог своим рассуждениям на эту тему, могилевский губернатор подчеркивал, что «начала крамолы» заключались «в распушенности семьи, в недостатках школь», а эти два «проводящие воспитание фактора требуют особенно серьезного внимания» [8, л. 25–25 об.].

Несмотря на сообщения о пропаганде народников, губернаторы Беларуси в своих всеподданнейших отчетах подчеркивали, что абсолютное большинство населения поддерживало существовавший государственный строй и не разделяло социально-революционные идеи. На это, например, обращали внимание могилевский губернатор А. С. Дембовецкий (в 1878, 1879, 1880, 1881, 1882 гг.), гродненские губернаторы Н. М. Цеймерн (в 1879 г.) и А. Н. Потемкин (в 1883 г.), виленский губернатор Е. П. Стеблин-Каменский (в 1879, 1880 гг.), минский губернатор А. И. Петров (в 1880, 1881, 1882 гг.), витебский губернатор В. В. фон Валь (в 1881 г.) [6, л. 353; 7, л. 719 об.; 8, л. 18 об.; 10, л. 578; 11, л. 653; 13, л. 210 об., 334–334 об., 339 об.; 14, л. 188; 15, л. 580; 16, л. 448; 17, л. 201; 18, л. 494 об.; 19, л. 705].

К середине 1880-х гг. упоминания о народниках исчезли со страниц всеподданнейших отчетов губернаторов Беларуси. Это было обусловлено тем, что после убийства императора Александра II в 1881 г. основное ядро «Народной воли» было разгромлено, ее ак-

тивные члены были арестованы и казнены. На протяжении 1882–1884 гг. были арестованы и переданы суду оставшиеся на воле члены Исполнительного комитета «Народной воли» и ее Военного центра [5, с. 335–337, 341–344]. В результате террористическая и пропагандистская деятельность этой организации прекратилась.

Заключение

На основании анализа всеподданнейших отчетов по белорусским губерниям за 1878–1884 гг. было установлено, что деятельности народников уделяли внимание губернаторы трех губерний – Виленской, Минской и Могилевской. В их отчетах не использовались термины «народники», «народовольцы», а также названия нелегальных организаций «Земля и воля», «Народная воля». Речь шла о социально-революционной пропаганде или деятельности, а также о «злонамеренных лицах» и «зловредных действиях». Это можно объяснить тем, что губернаторы не имели представления о внутренних процессах, которые разворачивались в народнической среде, а также о дискуссиях по вопросам тактики политической борьбы.

В целом во всеподданнейших отчетах отсутствовали конкретные предложения по борьбе с народнической пропагандой. В качестве исключения можно назвать лишь позицию могилевского губернатора А. С. Дембовецкого. Он предлагал направить основное внимание на семейное воспитание и образование молодежи, обеспечить возможность получить профессию лицам, которые по материальным причинам не смогли завершить свое обучение в средних учебных заведениях. Таким образом, губернатор стремился предотвратить маргинализацию молодежной среды. А. С. Дембовецкий также считал необходимым обеспечить в этой сфере сотрудничество государства с наиболее лояльными социальными слоями – духовенством, чиновничеством и дворянством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Минаков, А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.) / А. С. Минаков. – Орел : ИД Орлик, Издатель Александр Воробьев, 2011. – 488 с.
2. Высочайше утвержденные формы для составления губернаторских отчетов : По-

ложение Комитета министров, 19 июня 1870 г., № 43502 // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2 : [в 55 т.]. – СПб., 1874. – Т. 45, отд-ние 1 : 1870. – С. 856–865.

3. Дятлова, Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник / Н. П. Дятлова // Проблемы архивоведения и источниковедения : материалы науч. конф. архивистов, Ленинград, 4–6 февр. 1964 г. ; Акад. наук СССР, Гл. арх. упр. при Совете министров СССР ; редкол.: В. В. Бедин (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1964. – С. 227–246.

4. Раздорский, А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты губернаторов литовско-белорусских губерний и генерал-губернаторов Северо-Западного края / А. И. Раздорский // Белорусский сборник: статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии / Рос. нац. б-ка, С.-Петерб. ассоциация белорусистов ; редкол.: В. Г. Гронский (пред.) [и др.]. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2021. – С. 93–102.

5. Троицкий, Н. А. Крестоносцы социализма / Н. А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 372 с.

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4043.

7. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4108.

8. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4179.

9. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4105.

10. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4175.

11. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4171.

12. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4239.

13. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4247.

14. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4100.

15. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4103.

16. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4242.

17. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4320.

18. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4324.

19. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4386.

Поступила в редакцию 16.10.2025 г.

Контакты: motorova@ro.ru (Моторова Надежда Сергеевна)

Motorova N. S. COVERAGE OF THE NARODNIKS' ACTIVITIES IN THE MOST HUMBLE REPORTS OF THE BELARUSIAN GOVERNORS (late 1870s – early 1880s)

The article examines information about the Narodniks' activities in the most humble reports of Belarusian governors from the late 1870s and early 1880s. It is noted that the first mention of the Narodniks appears in the most humble report of Mogilev Governor A.S. Dembovetsky for 1878. In general, the governors reported on the Narodniks' propaganda and noted that young people were particularly susceptible to its influence. Specific recommendations for preventing anti-government propaganda by the Narodniks were formulated by A.S. Dembovetsky. He suggested focusing on family upbringing, education, and professional training for young people.

Keywords: most humble report, governor, Belarusian provinces, Narodniks, propaganda, activity.

УДК 94(476) «1944–1945»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ НКВД ПО МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ 1944 – ИЮНЬ 1945 ГОДА)

А. Н. Тютюнков

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье осуществлена попытка анализа деятельности партийных органов управления милиции НКВД по Могилевской области в завершающий период Великой Отечественной войны. Исследованы роль и место милицеевских партийных организаций в налаживании деятельности правоохранительных органов сразу же после освобождения территории БССР. Автором делается вывод о том, что деятельность партийных организаций рассматривалась руководством управления милиции как действенный способ повышения эффективности работы ведомства в целом.

Ключевые слова: партийное бюро, партийная организация, управление милиции, НКВД по Могилевской области, политико-воспитательная работа.

Введение

Освобождение территории Могилевской области в июне 1941 года [1] сразу же сделало необходимою налаживание деятельности милиции, что в условиях активизации деятельности бандформирований [2, с. 190] было весьма актуальным. Также перед милицией остро встали трудности при выполнении традиционных для ведомства задач: охрана общественного порядка, пресечение и расследование уголовных преступлений, обеспечение соблюдения населением паспортного режима, санитарных правил, выявление и изъятие огнестрельного оружия и т. д. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на то, что рядом историков изучались вопросы восстановления деятельности органов внутренних дел на освобожденной территории БССР [2, с. 187], роль и место партийных организаций в данном процессе в отечественной историографии не получили своего освещения. Нижняя граница исследования определена освобождением Могилевской области, а верхняя – первыми днями мирной жизни после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 года).

Основная часть

С первых дней в налаживание деятельности управления милиции НКВД по Могилевской области (далее – управление милиции) активно включились партийные организации. Необходимо отметить, что свою работу партийная организация управления милиции начала накануне освобождения города. А это связано с тем, что в целях максимально быстрого восстановления освобожденной территории УНКВД по Могилевской области было создано в октябре-ноябре 1943 года после освобождения Кричева и сразу же после освобождения Могилева в июне 1944 года переехало в областной центр [3, с. 285].

Партийные органы управления милиции были представлены непосредственно партийной организацией и партийным бюро. Первое заседание партийной организации состоялось 14 июня 1944 года. На нем был рассмотрен вопрос выборов состава партийного бюро. Примечательно, что в состав партийного бюро вошли работники милиции, до войны уже служившие в УНКВД по Могилевской области: В. И. Сыромолотов, З. З. Кругман, Я. М. Глазштейнер, И. И. Галковский, А. А. Климовской [4].

До июня (включительно) 1945 года состоялось 11 собраний партийной организации (ежемесячно, за исключением августа 1944 года). На них было рассмотрено 22 вопроса. Условно их можно разделить на несколько групп. Семь (31,81%) вопросов были посвящены определению роли коммунистов в решении конкретных задач, стоящих перед парторганизацией. Например, 8 сентября 1944 года на повестку дня был вынесен прочитанный З. З. Кругманом «Доклад о задачах коммунистов в свете Постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 20.07.1944 об уборке урожая и заготовке с/х продуктов и задачах коммунистов в охране урожая» [5, л. 8], а 13 марта 1945 года – «Изучение речи тов. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 9 февраля 1946 года и наши задачи» [6, л. 101].

Важное внимание уделялось вопросам соблюдения дисциплины личным составом и состоянию партийной учебы (шесть вопросов, или 27,27%). Так, 30 ноября 1944 года было рассмотрено состояние учебы и дисциплины в гарнизоне, и в ходе собрания ряд должностных лиц были подвергнуты критике со стороны Фейгина за отсутствие должного внимания к воспитанию личного состава, принципиальной требовательности к подчиненным: «За последнее время в подразделениях имеется очень много нарушений, а воспитательная работа проводится плохо, она ограничивается только взысканиями. Лучшие люди не мобилизуются, и на хороших примерах не мобилизуется внимание отстающих. По учебе, особенно политической, усвояемость плохая, люди не любят учебы, а нач. отделов на это должного внимания не обращают» <...> «В работе отдела службы мало помогает офицерский состав. На допускаемые милиционерами нарушения не обращают внимание и не делают им замечаний» <...> «Хочу предупредить и по вопросу нарушения трудовой дисциплины – уход с работы раньше времени, опоздания на работу замечаются за многими. Этого я как руководитель учреждения в дальнейшем не потерплю. Отделу службы в вопросах учебы и дисциплины должны помочь все коммунисты и занять в этом авангардную роль» [7, л. 14об].

По итогам собрания был вынесен ряд решений, в том числе «...общее собрание обязывает всех коммунистов и комсомольцев-руководителей отделов и подразделений в первую очередь обеспечить повседневную должную требовательность к подчиненным, служить личным примером дисциплины и подтянутости. Улучшить качество проводимой учебы путем более глубокого и вдумчивого отношения к вопросам преподавания, увязывая это с вопросами текущей политики, иллюстрируя факт положительных и отрицательных моментов. Полит. массовую работу считать первоочередной, обеспечивающей качество всей служебно-оперативной работы» [7, л. 15].

Немаловажной функцией собраний партийной организации было и утверждение решений партийных бюро по вопросам объявления партийных взысканий. Так, в течение года собрание утвердило такие решения партбюро в отношении 8 членов и кандидатов в члены партии [7, л. 15, 6, л. 108, 8, л. 29об]. Ярким примером принципиального подхода могут служить высказывания коммунистов на партийном собрании от 13 марта 1945 года при

разборе дела работника милиции К.: «Тов. К. совершил грубейшее преступление – хулиганство дерзкое и подлежит исключению из партии» <...> «Я лично по поручению секретаря Партбюро проверил факт дерзкого хулиганства и недопустимого нарушения ревзаконности подтвердились. Мое предложение исключить из партии» <...> «К. исключить из партии» [6, л. 102].

В компетенции собрания партийной организации находился прием в члены КП(б)Б и кандидаты в члены КП(б)Б. Например, в ходе общего партийного собрания 19 мая 1945 года было рассмотрено 2 кандидата в члены КП(б)Б (Шаройкин и Кольчиго) и вынесены положительные решения о приеме их в партию [9, л. 37–38]. Остальные 7 (31,81%) вопросов касались текущей деятельности парторганизации, как то утверждение планов работы парторганизаций и иное.

Необходимо отметить, что для решения наиболее важных вопросов к участию в собрании партийной организации в ряде случаев привлекались не только члены партии и кандидаты в члены партии, но и работники милиции из числа членов ВЛКСМ и беспартийных работников [7, л. 14]. Так, 18 июля 1944 года на общем партийно-комсомольском собрании управления милиции под руководством А. А. Климовского при проработке статьи Председателя Совета народных комиссаров БССР П. К. Пономаренко «Освобождение Белоруссии» и рассмотрении задач коммунистов и комсомольцев о ликвидации последствий оккупации присутствовало членов КП(б)Б 28 человек, кандидатов в члены КП(б)Б – 5, комсомольцев – 5, беспартийных – 10 [10, л. 3–4].

Как следует из вышесказанного, на общих партсобраниях рассматривались наиболее важные вопросы, касающиеся всего личного состава подразделения. Партийная организация старалась максимально оперативно реагировать на возникающие проблемы в части соблюдения дисциплины личным составом управления милиции, мобилизовать партийный и комсомольский актив на эффективное решение поставленных задач, рассматривая политико-воспитательную работу как основное средство улучшения качества работы милиции в целом.

Первое заседание такого органа, как партийное бюро, состоялось также 14 июня 1944 года. На нем был рассмотрен вопрос выбора секретаря бюро и его заместителя. Единогласным решением секретарем был избран Кли-

мовских, а его заместителем – Галковский [11, л. 1]. Необходимо отметить, что в ходе анализа материалов деятельности данного органа партийного управления установлено, что в сферу интересов партбюро входила работа только с членами партийной организации.

Всего за исследуемый период было проведено 14 заседаний партбюро, на которых было рассмотрено 35 вопросов. При этом требуется отметить, что лишь пять (14,28%) вопросов являлись техническими, то есть связанными с утверждением планов работы партбюро. Основная масса (18 вопросов, или 51,42%) касалась качества исполнения должностных обязанностей и соблюдения требований дисциплины конкретными работниками милиции (выступили с отчетами 27 человек). Как правило, данные вопросы рассматривали в виде докладов о работе вверенных подразделений с последующим обсуждением и принятием решений. Так, на заседании партбюро от 13 сентября 1944 года отчитывались три начальника городских отделений милиции, подразделения которых накануне были подвергнуты проверке [12, л. 6–8]. Основные претензии к ним были именно как к коммунистам со стороны начальника политического отдела майора милиции Клугмана: «...В городе грязь, в местах общественного пользования процветает хулиганство, на улицах процветает торговля, с нарушителями светомаскировки борьбы не ведется» [12, л. 6]. В принятом решении было предложено повторное рассмотрение состояния дел в городских отделениях и в случае неустранения недостатков – принятие решения о мерах воздействия на начальников отделений по «партийной линии» [12, л. 8]. Практиковались и персональные отчеты о работе и партийной учебе членов партии. Так, 18 апреля 1945 года отчитывались двое работников милиции, которым были поставлены конкретные задачи по улучшению своей работы [13, л. 26–27]. Решения бюро носили конкретный характер: «...Партбюро считает предупредить тов. К., что если он в течение месяца не наведет должного порядка и не улучшит качество службы во взводе, к нему будут приняты строгие меры партийного воздействия. Обязать коммунистов т. Фейгина и т. Хмельникова усилить повседневное руководство над службой взвода и создать такие условия, которые бы полностью исключили возможность каких-либо нарушений в несении службы» [13, л. 27].

Рассматривались дела о нарушении дисциплины членами и кандидатами в члены

партии (6 вопросов, 12 человек). Например, 3 января 1945 года на заседание были вынесены персональные дела сразу шести коммунистов и кандидатов в члены партии, по итогам рассмотрения которых были наложены партийные взыскания [14, л. 15–17]. Не проходило мимо партийного бюро и поведение членов и кандидатов в члены партии в быту. Так, 18 апреля 1945 года было рассмотрено заявление супруги о том, что ее муж М. не выплачивает деньги на содержание дочери, на что было принято решение «указать тов. М. на его непартийное поведение и отношение к своей семье и обязать впредь регулярно высылать деньги на воспитание своей дочери, а также оформить развод с б. женой» [13, л. 26об].

В компетенцию партбюро также входило и распределение партийных поручений. Например, 9 марта 1945 года 29 членам и кандидатам в члены партии было поручено исполнять следующие функции вне своих основных должностных обязанностей: технический секретарь партбюро (Скупов), агитаторы в подразделениях и среди категорий населения (Волянко, Яковлев, Орехов, Быков, Тетченко, Прудников, Криволапов, Войтенков, Сергунин, Зуев, Лысенко, Корнеев, Шаройкин), руководитель изучения кандидатами в члены партии Устава партии (Голубец), внештатные инструкторы политотдела (Кокаев, Кузин, Бернада, Рабушкин, Лемешев, Пухов), руководитель агитколлектива (Хмельников), руководитель работой общества «Динамо» (Ковлаев), инструктор по работе с иждивенцами (Фокина), руководитель художественной самодеятельности (Рейнгольд), редакторы стенгазет подразделений (Фейгин, Волков, Лаберко, Мороз) [15, л. 22–22об].

Таким образом, партийное бюро занималось решением оперативных задач в сфере управления партийной организацией, рассматривало дела о проступках членов и кандидатов в члены партии, их профессиональную деятельность сквозь призму их авангардной роли в добросовестном исполнении должностных обязанностей и требования быть примером в соблюдении дисциплины.

Заключение

Таким образом, партийные организации управления милиции видели свою роль в проведении политико-воспитательной работы с личным составом как важнейшем условии повышения качества работы милиции в целом. Члены и кандидаты в члены партии рассма-

тривались как категория работников милиции, являющаяся примером в деле добросовестного исполнения должностных обязанностей и соблюдения требований служебной дисциплины. Принадлежность к партийной организации рассматривалась как оказание чести для наиболее достойных работников милиции и приобретение не выгод, а дополнительных обязанностей как при поведении на службе, так и в быту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 75 лет освобождения Беларуси – Часть 2 – Освобождение Могилева // Могилевский областной исполнительный комитет. – URL: https://mogilev-region.gov.by/page/65_let_osvobozhdeniya_belarusi_-_chast_2_-_osvobozhdenie_mogileva (дата обращения: 18.06.2025).

2. *Мурашко, А. И.* Восстановление органов внутренних дел на освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории Белорусской ССР / А. И. Мурашко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 2. – С. 186–191.

3. Солдаты Могилевской милиции : научно-популярное издание / сост.: Д. Н. Понуждаев [и др.]; под общ. ред. С. И. Сергея. – Могилев : УПК П «Могилевская областная укрупненная типография имени Спиридона Соболя», 2004. – 456 с.

4. Список личного состава УНКВД Могилевской области по состоянию на май месяц 1941 года // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 1–54.

5. Протокол общего партийного собрания УМ НКВД от 08.09.1944 года // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (далее – ГАООМГО). – Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–11.

6. Протокол общего открытого собрания парторганизации при управлении милиции УНКВД Могилевской области от 13.03.1945 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 101–103об.

7. Протокол открытого собрания парторганизации при УМ УНКВД Могилевской области от 30.11.1944 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 14–15.

8. Протокол общего собрания парторганизации при УМ УНКВД Могилевской области от 15.01.1945 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–29.

9. Протокол общего партийного собрания

первичной парторганизации при УМ УНКВД Могилевской области от 19.05.1945 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 37–40.

10. Протокол общего партийно-комсомольского собрания первичной парторганизации при областном управлении милиции УНКВД Могилевской области от 18.07.1944 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4.

11. Протокол заседания партийного бюро областного управления милиции УНКВД Могилевской области от 14.06.1944 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

12. Протокол заседания партийного бюро от 13.09.1944 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–8.

13. Протокол заседания партийного бюро при управлении милиции Могилевской области от 18.04.1945 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–27.

14. Протокол заседания парт.бюро УМ УНКВД по Мог. обл. от 03.01.1945 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–17об.

15. Протокол заседания парт.бюро при УМ УНКВД от 09.03.1945 года // ГАООМГО. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–22об.

Поступила в редакцию 20.11.2025 г.

Контакты: sgd@institutemvd.by (Тютюнкoв Алексей Николаевич)

Tyutyunkov A. N. ACTIVITIES OF THE PARTY MANAGEMENT APPARATUS OF THE NKVD MILITIA IN THE MOGILEV REGION DURING THE FINAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (JUNE 1944 – JUNE 1945)

The article attempts to analyze the activities of the party management bodies of the NKVD militia in the Mogilev region during the final period of the Great Patriotic War. The role and place of militia party organizations in establishing the activities of law enforcement agencies immediately after the liberation of the territory of the BSSR are studied. The author concludes that the activities of the party organizations were considered by the leadership of the militia directorate as an effective way to increase the efficiency of the department as a whole.

Keywords: party bureau, party organization, militia directorate, NKVD of the Mogilev region, political and educational work.

УДК 342.7: [364.442:355] (476) «19»

ПРАВОВЫЯ АСНОВЫ САЦЫЯЛЬНАЙ ПАДТРЫМКІ ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ЛАКАЛЬНЫХ КАНФЛІКТАЎ І ВОІНАЎ- ІНТЭРНАЦЫЯНАЛІСТАЎ У БССР У 2-й ПАЛОВЕ ХХ СТАГОДДЗЯ

І. А. Марцынкевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дактарант

Віцебскі дзяржаўны ордэна Дружбы народаў медыцынскі ўніверсітэт

*Артыкул прысвечаны вывучэнню развіцця
правовых механізмаў, якія забяспечвалі сацыяль-
ную падтрымку ваеннаслужачых, удзельнікаў
лакальных ваенных канфліктаў і воінаў-інтэр-
нацыяналістаў у пасляваенны перыяд. Аналізу-
юцца асноўныя тэндэнцыі ў фарміраванні за-
канадаўства, накіраванага на прадастаўленне
ім сацыяльнай дапамогі, разглядаюцца змены
ў нарматыўна-прававой базе ў сувязі з грамад-
ска-палітычнымі рэформамі ў вывучаемы перы-
яд.*

Ключавыя словы: сацыяльнае забеспячэн-
не, сацыяльная дапамога, права, удзельнікі ва-
енных канфліктаў, лакальныя канфлікты, воі-
наў-інтэрнацыяналісты, БССР.

Уводзіны

Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны, з 2-й паловы 1940-х гг., СССР прымаў актыўны ўдзел у правядзенні розных міжнародных вайсковых і гуманітарных аперацый за межамі краіны. З гэтага часу савецкія ўзброеныя сілы праводзілі цэлы шэраг місій на розных кантынентах. Спецыфіка іх дзейнасці прадугледжвала высокія патрабаванні да адбору вайскоўцаў, па выніках якога праходзіла канчатковае размеркаванне ваеннаслужачых па розных рэгіёнах і кірунках. У далейшым іх дзейнасць таксама адрознівалася высокай ступенню сакрэтнасці і часцей за ўсё праходзіла з выкарыстаннем псеўданімаў і фіктыўных імёнаў. Такія меры гарантавалі бяспеку падчас правядзення аперацый, але разам з тым пасля звальнення з вайсковай службы часта ўзнікалі цяжкасці з атрыманнем ільгот, выплат і іншай сацыяльнай падтрымкі, паколькі фактычна ўдзельнікамі ваенных дзеянняў яны не лічыліся і іх прававы статус заставаўся нявызначаным.

Асноўная частка

Распрацоўка заканадаўства, якое рэгламентавала іх прававы статус, пачалася толькі ў 1983 г., калі былі ўведзены пасведчанні ўдзель-

нікаў баявых дзеянняў, якія прыраўноўвалі ваеннаслужачых, што ўдзельнічалі ў лакальных ваенных канфліктах, да ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 69].

Да гэтага часу, паводле сакрэтнай Пастановы ЦК КПСС і СМ СССР 17 студзеня 1983 г. «Аб ільготах вайскоўцам, працоўным і службоўцам, якія знаходзіліся ў складзе абмежаванага кантынгенту савецкіх войскаў на тэрыторыі Дэмакратычнай Рэспублікі Афганістан, і іх сем'ям», вайскоўцам, якія прайшлі ваенную службу ўстаноўлены тэрмін, у выслугу гадоў для прызначэння пенсіі адзін месяц службы залічваўся за тры. Большасць норм закона былі прысвечаны тым, хто атрымаў кантузіі, раненні і захворванні падчас службы, а таксама іх сем'ям [2, с. 286]. Важнай асаблівасцю дакумента стала ўвядзенне ў юрыдычны абарот паняцця «інтэрнацыянальны абавязак». Гэта дазволіла істотна наблізіць катэгорыю тых вайскоўцаў, хто знаходзіўся ў Афганістане, да «вайскоўцаў, якія прымалі ўдзел у баявых дзеяннях у краінах, дзе вяліся баявыя дзеянні» [3, с. 80]. Аднак калі для ўдзельнікаў вайны ў Афганістане статут удзельніка баявых дзеянняў прысвойваўся аўтаматычна, для іншых часта гэта было спалучана з цяжкасцю доказы свайго знаходжання ў «гарачай кропцы», абумоўленай дадатковай засакрэчанасцю звестак [4].

Згодна з пастановай вайскоўцы, звольненыя са службы ў Афганістане, атрымлівалі права на першачарговае забеспячэнне жыллой плошчай, а тая, хто ў выніку баявых дзеянняў атрымалі 1-ю групу інваліднасці, – на забеспячэнне жыллой плошчай па-за чаргой. Акрамя таго, удзельнікі Афганскай вайны атрымлівалі права на пазаконкурснае паступленне ў вышэйшыя і сярэднія спецыяльныя навучальныя ўстановы і пераважнае права на паступленне ў прафесійна-тэхнічныя навучальныя ўстановы і на курсы для навучання адпаведным прафесіям; права на выкарыстанне чарговага штогадовага адпачынку ў зручны для іх час, а таксама на атрыманне дадаткова-

га адпачынку без захавання зароботнай платы тэрмінам да 2-х тыдняў на год; пераважнае права на забеспячэнне па месцы працы пуцёўкамі ў санаторыі, прафілакторыі і дамы адпачынку, а таксама на ўступленне ў садаводчыя таварыствы (кааператывы). Пры гэтым правы на льготы, прадугледжаныя гэтай пастановай, прадастаўляліся ваеннаслужачым, рабочым і служачым, якія выконвалі інтэрнацыянальны доўг, але не раней за 1 снежня 1979 г. [5].

Чарговым крокам у прадастаўленні льгот воінам-інтэрнацыяналістам стала Пастанова Саўміна СССР 26 ліпеня 1984 г. У адпаведнасці з ёй права на пазачарговае забеспячэнне пратэзаваннем і аўтамабілем «Запарожац» з ручным кіраваннем, пры наяўнасці адпаведных медыцынскіх паказанняў, атрымалі ваеннаслужачыя, якія набылі інваліднасць у ходзе баявых дзеянняў, пры выкананні іншых абавязкаў воінскай службы на тэрыторыі Дэмакратычнай Рэспублікі Афганістан або ў іншых краінах [6].

9 жніўня 1988 г. была прынята Пастанова «Аб дадатковых мерах па паляпшэнні матэрыяльна-бытавых умоў асоб, якія выконвалі інтэрнацыянальны абавязак у рэспубліцы Афганістан, і іх сем'яў». Згодна з дакументам Саветам Міністраў саюзных і аўтаномных рэспублік, а таксама выканкамам было даручана разгледзець пытанне аб устанавленні персанальных пенсій інвалідам Афганістана або членам сем'яў ваеннаслужачых, якія загінулі ў ДРА. Акрамя таго, інвалідам, якія навучаліся ў ВНУ і ССНУ, прызначалася пенсія ў памеры 100 руб., «пры знаходжанні гэтых студэнтаў і навучэнцаў на поўным дзяржаўным забеспячэнні выплачваць ім стыпендыю ў вышэйшых навучальных установах у памеры 40 руб.» [7].

Асобам, якія атрымалі інваліднасць у Афганістане і навучаліся ў ваенных вучылішчах, належала выплачваць стыпендыі з павышэннем на 20 руб., а тым, хто знаходзіўся на поўным дзяржаўным забеспячэнні, – на 30 руб. Адпаведныя органы абавязваліся працаўладкоўваць былых вайскоўцаў, якія «выконвалі інтэрнацыянальны абавязак у Рэспубліцы Афганістан, пасля звальнення іх з сапраўднай ваеннай службы». Быў усталяваны парадак аплаты працы былых вайскоўцаў за час навучання ў аб'яднаннях, на прадпрыемствах, у арганізацыях і ўстановах. Так, пры асваенні новай прафесіі ім павінны былі выплачваць 100 % тарыфнай стаўкі рабочага за ўвесь перыяд навучання, а пры перападрыхтоўцы, атрыманні

другой прафесіі або перакваліфікацыі – захоўваць на ўвесь перыяд навучання з адрывам ад работы сярэдняю зароботную плату па існуючай прафесіі і кваліфікацыі.

Былым удзельнікам Афганскай вайны прадастаўляўся беспрацэнтны крэдыт на будаўніцтва дамоў жыллёва-будаўнічых кааператываў, а сагнанне працэнтаў па раней выддзеных на гэтыя мэты крэдытах спынялася. Разам з тым сем'і загінуўшых у Афганістане вайскоўцаў і працоўных, якія мелі патрэбу ў жыллі, павінны былі забяспечыцца ім да 1989 г. Маці загінуўшых у Афганскай вайне салдат па дасягненні 50-летняга ўзросту атрымлівалі права на пенсію па прычыне страты кармільца.

Жонкам ваеннаслужачых, якія загінулі ў Афганістане, давалася пераважнае права на атрыманне па месцы работы пуцёвак у пансіянаты для сумеснага адпачынку з дзецьмі, а таксама на атрыманне пуцёвак для дзяцей у піянерскія лагеры. Гэтая ж норма распаўсюджвалася на іншых асоб, на ўтрыманні якіх знаходзіліся дзеці загінуўшых вайскоўцаў [2, с. 288].

Прававая катэгорыя «воін-інтэрнацыяналіст» была ўведзена толькі ў 1988 г. Гэта канчаткова аддзяліла ўдзельнікаў ваенных канфліктаў на тэрыторыі іншых дзяржаў ад удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Пасля афіцыйнай публікацыі згаданай пастановы правы на льготы для ветэранаў вайны ў Афганістане афіцыйлізаваліся, аднак па-ранейшаму не афішаваліся для шырокага кола грамадства [3, с. 81].

У 1989 г. завяршыўся вывад савецкіх войскаў з Афганістана. У гэтым ваенным канфлікце Беларусь страціла 771 чалавек, каля 30 тыс. беларусаў прынялі ў ім удзел 23 лютага 1989 г. [8]. Пастановай Савета Міністраў БССР было прынята рашэнне аб стварэнні пры выкананнях усіх узроўняў камісіі з ліку дэпутатаў, прадстаўнікоў грамадскасці і былых воінаў-інтэрнацыяналістаў. Ім даручалася на працягу двух месяцаў правесці праверку матэрыяльна-бытавых умоў жыцця кожнага воіна-інтэрнацыяналіста і сям'і загінуўшага, дапамагчы ў атрыманні ўстаноўленых ільгот, аказаць дапамогу ў вырашэнні сацыяльна-бытавых патрэб. Па выніках праверкі абавязальныя матэрыялы абследавання па абласцях і г. Мінску, а таксама тыя, якія патрабуюць рашэння рэспубліканскіх органаў, было прадпісана прадставіць да 15 мая 1989 г. у Камісію пры Прэзідыуме Вярхоўнага Савета БССР. У яе склад увайшлі намеснік старшыні Дзяржпла-

на БССР С. С. Лінг, першы намеснік міністра аховы здароўя БССР К. М. Анішчанка, першы намеснік міністра жыллёва-камунальнай гаспадаркі БССР Ю. К. Волчак, дэпутат Вярхоўнага Савета БССР Р. Ф. Дуброўская і інш.

Пастаянным камісіям па ахове здароўя і сацыяльным забеспячэнні, жыллёва-камунальнай гаспадарцы і бытавым абслугоўванні, па справах моладзі, па пытаннях працы і побыту жанчын, аховы мацярыштва і дзяцінства Вярхоўнага Савета БССР і адпаведным пастаянным камісіям мясцовых Саветаў народных дэпутатаў было рэкамендавана ўзяць пад кантроль сем'і загінуўшых у Афганістане і садзейнічаць ім у вырашэнні сацыяльна-бытавых пытанняў [9 с. 138-139].

Чарговай мерай, накіраванай на падтрымку воінаў-інтэрнацыяналістаў і іх сем'яў, стала прыняцце 14 ліпеня 1989 г. пастановы Савета Міністраў БССР аб дадатковых ільготах для воінаў-інтэрнацыяналістаў і членаў сям'і ваеннаслужачых, якія загінулі ў Рэспубліцы Афганістан. Згодна з дакументам вайскоўцы, якія праходзілі ваенную службу ў Савецкай Арміі і ВМФ, КДБ СССР і МУС СССР, на тэрыторыі Рэспублікі Афганістан, а таксама членам сямей ваеннаслужачых, загінуўшых або памерлых у выніку раненняў, кантузіі або калецтва, якія атрымалі ў баявых дзеяннях або пры выкананні іншых абавязкаў вайскавай службы, дазвалялася бясплатнае карыстанне аўтобусам, тралейбусам, трамваем, а ў сельскай мясцовасці – аўтобусамі на прыгарадных і міжгародніх маршрутах у межах адміністрацыйнага раёна па месцы жыхарства.

Падставай для бясплатнага карыстання гарадскім пасажырскім транспартам для вайскоўцаў, якія праходзілі службу на тэрыторыі Афганістана, з'яўлялася пасведчанне аб праве на льготы аўтобусамі ў сельскай мясцовасці або дакумент аб праве на льготы з адпаведным укладышам [10, л. 31], гарадскім пасажырскім транспартам і аўтамабілямі ў сельскай мяс-

цовасці для членаў сем'яў ваеннаслужачых, якія загінулі або памерлі ў выніку раненняў, кантузіі або калецтваў, атрыманых у баявых дзеяннях або пры выкананні іншых абавязкаў воінскай службы, – пасведчанне, выдадзенае выканкамамі раённых і гарадскіх Саветаў дэпутатаў.

Члены сем'яў ваеннаслужачых, якія загінулі ў выніку раненняў, кантузіі або калецтваў, атрыманых у ходзе баявых дзеянняў або пры выкананні абавязкаў ваеннай службы на тэрыторыі Рэспублікі Афганістан, уключаліся ў склад утрыманцаў загінуўшых або памерлых асоб, якім у сувязі з названымі абставінамі прадастаўляліся выплаты пенсійнага характару. Да гэтай катэгорыі адносіліся бацькі, муж (жонкі), якія не ўзялі паўторны шлюб, а таксама дзеці, якія не мелі ўласнай сям'і або мелі сям'ю, аднак сталі інвалідамі да дасягнення паўналецця.

У адпаведнасці з нарматыўнымі прадпісаннямі, якія дзейнічалі ў 1989–1990 гг., абласным і гарадскім выканаўчым камітэтам было даручана забяспечыць замену легкавога аўтамабіля маркі «Запарожац» з ручным кіраваннем інвалідам з ліку ўдзельнікаў баявых дзеянняў у Афганістане. Дадзеную замену прадугледжвалася ажыццявіць бясплатнай перадачай аўтамабіля іншай катэгорыі, які адпавядае медыцынскім паказанням, з кампенсацыйнай кошту ў межах кошту мадэлі ЗА3-1102 [10, л. 32].

Для рэалізацыі гэтага палажэння па абласцях быў сфарміраваны падрабязны спіс воінаў-афганцаў, атрымаўшых інваліднасць, якім у 1989–1990 гг. планавалася замена аўтамабіля з ручным кіраваннем маркі «Запарожац» на легкавы транспарт іншага вытворцы, агульная колькасць якіх складала 107 чалавек.

У далейшым сацыяльная падтрымка ў адносінах да ўдзельнікаў воінаў-інтэрнацыяналістаў працягвалася. Так, 9 жніўня 1988 г. на падставе пастановы Савета Міністраў СССР

Брэсцкая вобласць	Віцебская вобласць	Гомельская вобласць
1. Гапановіч Г. В.	1. Афер А. М.	1. Аніскавец М. У.
2. Жагальскі В. Г.	2. Баранаў А. М.	2. Грышачкін В. Л.
3. Ляўша М. З.	3. Броўка Г. А.	3. Захаранка Ю. В.
4. Лемеза А. М.	4. Брадзягін С. В.	4. Каламакін Е. Я.
5. Лукашэвіч А. М.	5. Уладзіміраў С. А.	5. Макаранка І. М.
6. Альшэўскі В. М.	6. Галавачоў В. М.	6. Макаранка Г. І.
7. Сакалоў В. В.	7. Грынкін А. Л.	7. Панцэлеў А. І.
8. Трубчык В. М.	8. Дзідзёнак І. М.	8. Чэпik І. І.
9. Чэмкароў В. М.	9. Жогаль Ф. П.	9. Шаршакоў Б. В.

10. Шкулёў М. С.	10. Калашнікаў Е. В.	10. Шырчанка Н. В.
	11. Клосёў В. А.	11. Шуляк В. А.
	12. Ключын Г. А.	
	13. Кавалёнак А. П.	
	14. Куклін І. В.	
	15. Кухарэнка І. Л.	
	16. Міраносаў А. В.	
	17. Новікаў А. А.	
	18. Рублёў І. І.	
	19. Сенцораў С. В.	
	20. Сініца А. Ф.	
	21. Чуць В. В.	
Гродзенская вобласць	Мінская вобласць	Магілёўская вобласць
1. Вяселька Г. У.	1. Бандарчык П. М.	1. Бібянкоў А. М.
2. Вітко А. А.	2. Вырва А. П.	2. Бухавец Г. В.
3. Гарбачык А. А.	3. Дзідзюля В. Н.	3. Вальчук П. М.
4. Замкаў С. М.	4. Дрозд І. І.	4. Гарбузаў А. П.
5. Запанёнак І. Г.	5. Кулак Н. Н.	5. Герашчанка Н. М.
6. Камянецкі С. В.	6. Мухаратаў Е. С.	6. Дамарацкі В. М.
7. Кузьмінскі А. Ф.	7. Петрашэвіч П. В.	7. Ермакоў Г. К.
8. Машчанскі С. М.	8. Пракопчык А. В.	8. Іваноў М. Ф.
9. Мікша Л. С.	9. Русак М. М.	9. Казлоў М. І.
10. Нелепка А. Б.	10. Сільвановіч В. Н.	10. Лук'янаў С. С.
11. Няўмейчаў В. П.	11. Смолік А. А.	11. Маёраў А. В.
12. Арлоўскі В. С.	12. Субач П. М.	12. Міхайлаў І. А.
13. Радзівончык П. П.	13. Хадаговіч А. В.	13. Петрачэнка Ю. В.
14. Улас Ф. А.	14. Яскевіч В. А.	14. Старкоў В. В.
15. Янгурэвіч Р. В.		15. Целяхаў В. А.
		16. Шарстнёў С. М.
		17. Шпакаў А. М.
г. Мінск		
1. Бабенка В. І.		
2. Быкаў М. Ф.		
3. Высоцкі Г. А.		
4. Гелаш М. В.		
5. Дземідовіч Ю. В.		
6. Іваноў В. М.		
7. Кляйменычаў Д. С.		
8. Капарыха М. Ф.		
9. Курдзюкоў В. М.		
10. Лукашэвіч А. М.		
11. Ляшэнка А. С.		
12. Міхалап У. В.		
13. Мельнік А. В.		
14. Нічыпарук Б. А.		
15. Палазнік В. В.		
16. Студзянцоў А. В.		
17. Хамякоў Ю. І.		
18. Цап У. П.		
19. Шэлег О. Я.		
Усяго: 107		

ад «Аб дадатковых мерах па паляпшэнні матэрыяльна-бытовых умоў асоб, якія выконвалі інтэрнацыянальны абавязак у Рэспубліцы Афганістан, і іх сем'яў» і ЦК КП(б)Б ад 27 лютага 1989 г. Саветам Міністраў БССР было прынята рашэнне, што членам сем'яў ваеннаслужачых, якія загінулі пры выкананні інтэрнацыянальнага абавязку ў Афганістане, прызначаліся персанальныя пенсіі рэспубліканскага значэння, якія ўстанаўліваліся, у выглядзе выключэння, для ваеннаслужачых-інвалідаў (незалежна ад стажу работы да прызыву ў Савецкую Армію). Іх памеры склалі 160 рублёў у месяц для 1-й групы, 150 рублёў – 2-й групы і 110 рублёў у месяц для 3-й групы.

Для дасягнуўшых 50-гадовага ўзросту маці і жонак загінуўшых ваеннаслужачых выплаты прызначаліся на ўзроўні пенсій, якія яны атрымлівалі на падставе страты кармільца па лініі органаў сацыяльнага забеспячэння або Міністэрства абароны СССР. Разам з тым іх памер павінен быў складаць не менш за 80 рублёў у месяц, а пры дасягненні пенсіённага ўзросту – у максімальным памеры пенсіі персанальнага значэння. Дзецям загінуўшых пры выкананні інтэрнацыянальнага абавязку таксама былі прызначаны пенсіі па страце карміцеля па лініі органаў сацыяльнага забеспячэння або Міністэрства абароны СССР, але не менш за 60 рублёў на кожнае дзіця [11, с. 162-163].

Заклучэнне

Такім чынам, сістэма прадастаўлення сацыяльнай падтрымкі ўдзельнікам лакальных канфліктаў і воінам-інтэрнацыяналістам у БССР у другой палове ХХ ст. характарызавалася працяглым і складаным працэсам фарміравання, што было абумоўлена як эканамічнымі, так і грамадска-палітычнымі фактарамі. Пачатак вайны ў Афганістане абумовіў неабходнасць у прадастаўленні льгот і сацыяльнай падтрымкі новай катэгорыі – удзельнікам лакальных канфліктаў. Праца ў гэтым напрамку ішла няпроста, спачатку закранула толькі воінаў-інтэрнацыяналістаў, а потым удзельнікаў іншых лакальных ваенных канфліктаў. Фактычна, можна лічыць, што з пачатку выдачы пасведчання ўдзельнікаў баявых дзеянняў у 1983 г. з'явілася новая вялікая катэгорыя вайскоўцаў, якім давалася дзяржаўная сацыяльная падтрымка. Гэта стала важным звязом сацыяльнага забеспячэння, паколькі вялікая колькасць вайскоўцаў атрымала юрыдычныя падставы хаця б на мінімальныя выплаты і льготы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе / А. В. Кузнецова-Тимонова. – Мн. : Беларуская навука, 2017. – 354 с.
2. *Агеев, А. А.* Российское законодательство в отношении ветеранов боевых действий в Афганистане: проблемы, особенности, перспективы / А. А. Агеев // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2012. – № 2–1. – С. 286–287.
3. *Данилова, Н. Ю.* Военнослужащие, войны-интернационалисты, ветераны: динамика правового статуса / *Н. Ю. Данилова* // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 77–85.
4. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Белорусские войны-интернационалисты: на примере ветеранов войны в Анголе (1975–1992) / А. В. Кузнецова-Тимонова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 85–87.
5. О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории демократической республики Афганистан, и их семьям : постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР, 17 января 1983 г., № 59–27. – URL: https://allbusiness.ru/BPravo/DocumShow_Do umID_32907.html (дата обращения: 23.08.2025).
6. О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, 26 июля 1984 г., № 812. – URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-zakony/x5w.htm> (дата обращения: 29.07.2025).
7. О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий лиц, выполнявших интернациональный долг в республике Афганистан, и их семей : постановление Совета министров СССР, 9 августа 1988 г., № 989. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14958.htm (дата обращения: 07.09.2025).
8. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: <https://mintrud.gov.by/printv/ru/news-ru/view/15-fevralja-2024-goda-otmechaetsja-35-ja-godovschina-vyvoda-sovetskix-vojsk-iz-afganistana-7973-2024/> (дата обращения: 28.09.2025).
9. О создании при исполкомах всех уровней комиссии из числа депутатов, пред-

ставителей общественности и бывших воен-интернационалистов, 5 марта 1989 г. // Сборник законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР 5 марта 1989 г. – 1986 – № 7 (1957). – Ст. 138-139.

10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1535.

11. О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий лиц, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан, и их семей, 27 февраля 1989 г. // Сборник законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР 25 марта 1989 г. – 1986 – № 9 (1959). – Ст. 162-163.

Паступіў у рэдакцыю 23.12.2025 г.

Кантакты: janka.m@mail.ru (Марцынкевіч Іван Анатольевіч)

Martsynkevich I. A. LEGAL BASIS OF SOCIAL SUPPORT FOR PARTICIPANTS IN LOCAL CONFLICTS AND INTERNATIONALIST SOLDIERS IN THE BSSR IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

The article is devoted to the study of the development of legal mechanisms that ensured social support for military personnel, participants in local military conflicts, and internationalist soldiers in the post-war period. The main trends in the formation of legislation aimed at providing them with social protection are analyzed, and changes in the regulatory and legal framework in connection with socio-political changes in the studied period are considered.

Keywords: social security, social assistance, law, participants in military conflicts, local conflicts, internationalist soldiers, BSSR.

УДК 329.15:324(476)

УЧАСТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ В ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Н. Бураков

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В. В. Ясев

кандидат политических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлен анализ деятельности Коммунистической партии Беларуси по участию в выборах Президента Республики Беларусь посредством выдвижения своих представителей в участковые избирательные комиссии, а также наблюдателей, осуществляющих контроль за ходом проведения голосования. Обоснован тезис о КПБ как действенном институте гражданского общества, который обеспечивает избирательные права граждан.

Ключевые слова: политическая партия, Коммунистическая партия Беларуси, выборы Президента Республики Беларусь, участковая избирательная комиссия.

Введение

Политическая партия, как общественное объединение, содействующее выражению политической воли граждан и участвующее в выборах, является одним из основных институтов политической системы, которая оказывает влияние на формирование и работу государственных органов власти. Согласно ст. 8 Закона Республики Беларусь «О политических партиях» одной из основных задач общественного объединения выступает участие в управлении государством через своих представителей, которое достигается посредством участия в выборах [1]. Эта задача обеспечивается путем выдвижения своих членов в органы государственной власти и местного самоуправления, а также посредством осуществления в качестве общественного контроля за ходом проведения голосования, подсчета голосов и определения итогов выборов.

© Бураков В. Н., Ясев В. В., 2026

Публикация подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках проекта «Коммунистическая партия Беларуси в строительстве социально ориентированного государства (2025–2027), номер договора Г25-105.

В условиях становления многопартийной системы Коммунистическая партия Беларуси (КПБ) с момента своего восстановления на учредительном съезде в ноябре 1996 г. подтвердила статус наиболее опытного и действенного общественного объединения, которое активно участвует в формировании законодательных и представительных органов власти, а также в выборах Президента Республики Беларусь. Являясь преемником КПБ-КПСС, компартия провозгласила своей главной целью обеспечение принципов народовластия, социальной справедливости, социального равенства и социализма. Во многом идеология КПБ сходится с принципами политики Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В частности, это строительство белорусской модели социально ориентированной экономики с сильной государственной властью. Поэтому Коммунистическая партия Беларуси выступает в поддержку политики действующего Главы государства и принимает активное участие в выборах Президента Республики Беларусь.

Основная часть

На выборах Президента Республики Беларусь в сентябре 2001 г. в составе 168 территориальных избирательных комиссий, куда вошли 2179 человек, представители от политических партий насчитывали 67 человек. Из них 27 являлись членами Коммунистической партии Беларуси, что составило 40% от всех политических партий [2, с. 475]. Значительное количество членов компартии заняли и среди 21,8 тыс. наблюдателей, направленных общественными объединениями и трудовыми коллективами в избирательные комиссии и на участки для голосования при проведении выборов. Не менее значительным было участие КПБ в составе 7,5 тыс. представителей общественных объединений в работе 6585 участко-

вых комиссий на выборах Президента Республики Беларусь в марте 2006 г.

Однако выборы 2000-х гг. показали, что влияние политических партий в обществе было невысоким. В частности, удельный вес общественных объединений в составе территориальных избирательных комиссий 2006 г. составил 2,6%, в составе участковых комиссий – 10,2% [3]. При этом, согласно социологическим опросам, рейтинг КПБ постепенно снижался (сентябрь 2000 г. – 2,9%, апрель 2002 г. – 3,6%, середина 2004 г. – 3,6%, январь 2005 г. – 1,4%, апрель 2005 г. – 2,3%) [4, с. 103; 5, с. 10].

В этих условиях Коммунистическая партия Беларуси предприняла ряд мер по активизации своей деятельности и расширению влияния на электорат. В частности, в июле 2006 г. была осуществлена попытка воссоединения Коммунистической партии Беларуси и Партии коммунистов Белорусской, проводилось разъяснение политической платформы партии посредством выступлений в СМИ.

Выборы Президента Республики Беларусь в декабре 2010 г. проводились по обновленному избирательному законодательству, что в значительной мере способствовало дальнейшей демократизации избирательного процесса и повышению роли общественных объединений в политической жизни страны. Для проведения выборов было сформировано 6346 участковых комиссий с численным составом 70,8 тыс. человек. Из них 1769 являлись представителями 10 политических партий, из которых 545 человек (31%) были членами КПБ. Следует учесть удельный вес представительства других политических партий: Республиканская партия труда и справедливости – 428 человек (24%), Белорусская социально-спортивная партия – 406 (23%). На остальные 7 партий приходилось 22% мест [6].

Для контроля за ходом и подсчетом голосов было аккредитовано 39,6 тыс. национальных наблюдателей. Из них 5,1 тыс. человек представляли 14 политических партий, из которых 1160 были членами КПБ (23% от всех партий). Второе место по количеству наблюдателей заняла Белорусская социально-спортивная партия – 979 человек (19%), на третьем – Республиканская партия труда и справедливости, которая делегировала 891 наблюдателя (17%). На остальные 11 партий приходилось 41% мест с незначительной долей участия каждой из них [6].

Таким образом, Коммунистическая партия Беларуси в 2010-е гг. являлась наиболее

активной и организованной среди политических партий республики. Деструктивные силы пытались доминировать на политической арене, но ими не было предложено целостной программы, альтернативной проектам А. Г. Лукашенко. Поэтому КПБ, поддерживая действующего Президента Республики Беларусь, целенаправленно и системно двигалась к усилению своего влияния на электорат.

Для проведения выборов Президента Республики Беларусь в октябре 2015 г. было сформировано 6129 участковых комиссий в составе 67185 человек. Из них 2936 членов (4,4%) являлись представителями 8 политических партий. В их составе 735 (25%) были членами КПБ. Следует отметить, что по количеству вошедших в состав участковых комиссий КПБ оказалась на втором месте. Наибольшее представительство обеспечила Республиканская партия труда и справедливости – 926 человек (32%), третье место фактически разделили Белорусская социально-спортивная партия (635 человек) и Аграрная партия (610 человек) [7].

Для контроля за ходом и подсчетом голосов по выборам Президента Республики Беларусь было аккредитовано 43,5 тыс. наблюдателей, из которых 6632 (15%) представляли 15 политических партий. Из них 2089 человек (31%) являлись членами компартии Беларуси. На втором месте по представительству оказалась Республиканская партия труда и справедливости – 1344 (20%), на третьем – Белорусская аграрная партия 995 (15%). Белорусская социально-спортивная партия, которая ранее входила в тройку лидеров, была представлена 583 наблюдателями (9%). Оставшиеся 25% распределились между остальными 11 партиями [8]. Таким образом, КПБ значительно увеличила свое представительство в избирательных институтах и прочно вошла в число политически активных партий.

9 августа 2020 г. состоялись очередные выборы Президента Республики Беларусь. Они проходили в условиях политического кризиса, вызванного попытками оппозиционных сил совершить «цветную революцию». Для проведения выборов были сформированы 5723 участковых комиссий, в состав которых вошли 63,3 тыс. человек, из которых 3723 человек (6%) являлись представителями 9 политических партий. Как и в период предыдущей электоральной кампании второе место по представительству заняла КПБ – 926 человек (25% от всех политических партий), наиболь-

шее представительство сохранила Республиканская партия труда и справедливости – 1256 (34%) человек, третье место фактически разделили Белорусская аграрная партия – 574 и Белорусская социально-спортивная партия – 544 человека [9]. На остальные партии пришлось 11% мест.

Для контроля за ходом и подсчетом голосов по выборам Президента Республики Беларусь было аккредитовано 53,8 тыс. национальных наблюдателей, из которых 3264 человека представляли все действующие в стране 15 политических партий. Из них 1254 человека (38%) было зарегистрировано от КПБ. Остальные партии распределились с большим отрывом между собой. На втором месте – Республиканская партия труда и справедливости, направившая 743 человека (22%), на третьем – Объединенная гражданская партия – 357 мест (11%). Традиционно активная Белорусская аграрная партия оказалась на 7 месте, делегировав 108 наблюдателей (3%) [10].

26 января 2025 г. состоялись очередные выборы Президента Республики Беларусь. К этому времени в стране действовали 4 политические партии. Коммунистическая партия Беларуси не только приняла активное участие в работе участковых комиссий и общественном контроле за голосованием, но и поддержала инициативу первого секретаря ЦК КПБ С. А. Сыранкова баллотироваться в Президенты Республики Беларусь.

В состав 5325 участковых комиссий вошли 56,5 тыс. человек, из которых 5544 (9,8%) представляли политические партии. Из них на первом месте оказалась самая многочисленная на этот момент Белорусская партия «Белая Русь», которая делегировала 3129 членов (56% от политических партий). Второе и третье место фактически разделили Республиканская партия труда и справедливости – 1065 человек (19%) и Коммунистическая партия Беларуси – 1027 человек (16%), на четвертом месте со значительным отрывом оказалась Либерально-демократическая партия Беларуси – 323 члена (9%) [11].

Для контроля за ходом и подсчетом голосов по выборам Президента Республики Беларусь было аккредитовано 44,3 тыс. наблюдателей, из которых 4901 человек (11%) представляли политические партии. Из них 2626 человек (54%) были зарегистрированы от Белорусской партии «Белая Русь», 1232 наблюдателя (25%) представляли Коммунистическую партию Беларуси, 679 (14%) – Респу-

бликанскую партию труда и справедливости и 364 человека – Либерально-демократическую партию Беларуси [12].

Следует отметить, что Коммунистическая партия Беларуси впервые за все избирательные кампании поддержала выдвижение кандидатом в Президенты Республики Беларусь представителя от партии. 23 декабря 2024 г. Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь зарегистрировала первого секретаря ЦК партии С. А. Сыранкова кандидатом в Президенты Республики Беларусь, за выдвижение которого было собрано 125,6 тыс. подписей избирателей.

Программа кандидата С. А. Сыранкова декларировала преемственность курса действующего Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, построение общества социальной справедливости, интересы человека труда и социалистические преобразования. В ней говорилось, что КПБ как партия, выдвигая своего кандидата в Президенты, идет на выборы не вместо, а вместе с Президентом А. Г. Лукашенко [13].

По итогам выборов 26 января 2025 г. Президентом Республики Беларусь был избран А. Г. Лукашенко, за кандидатуру которого было подано более 5,1 млн голосов избирателей (86,82%). Следует отметить высокий удельный вес избирателей, которые проголосовали за кандидата С. А. Сыранкова – 189740 голосов (3,21%). Он набрал наибольшее количество голосов среди других кандидатов, представлявших политические партии: председатель Либерально-демократической партии О. С. Гайдукевич – 119272 голоса (или 2,02%), председатель Республиканской партии труда и справедливости А. Н. Хижняк – 102789 голосов (или 1,74%), беспартийный кандидат А. А. Конопацкая – 109760 голосов (или 1,86%) [14].

Коммунистическая партия Беларуси признала итоги выборов и победу на них А. Г. Лукашенко, отметив, что многие коммунисты открыто за него голосовали и настроены на дальнейшее конструктивное сотрудничество с главой государства и со всеми органами государственной власти в части реализации ключевых положений программы компартии по углублению социалистических преобразований. В то же время выборы Президента Республики Беларусь 2025 г. показали, что удельный вес избирателей, отдавших голоса за кандидата от КПБ, более чем в 30 раз превышал численность ее членов. Это свидетельствует о том, что идеология и программа Коммунисти-

ческой партии Беларуси соответствуют представлениям о стратегии и пути развития значительного количества белорусских граждан.

Заклучение

Таким образом, Коммунистическая партия Беларуси выступает действенным институтом гражданского общества и оказывает влияние на процессы общественно-политической жизни страны. Участие политической партии в выборах Президента Республики Беларусь в качестве членов избирательных комиссий и наблюдателей обеспечивает контроль за соблюдением избирательных прав граждан. Выдвижение КПБ кандидата в Президенты Республики Беларусь в 2025 г. подтверждает высокий уровень организации и зрелость политической платформы данного общественного объединения.

В целом выборы Президента Республики Беларусь, наряду с выборами законодательных и представительных органов, способствуют формированию политических сил в партийной системе, расширению взаимодействия политических партий с государственными и общественными институтами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О политических партиях : Закон Респ. Беларусь от 5 окт. 1994 г. № 3266-ХІІ : в ред. от 14 февр. 2023 г. № 251-3. – ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 1.11.2025).

2. История белорусской государственности : в 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома Н. В. Смехович ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Мн. : Беларуская навука, 2020. – 759 с. : ил.

3. Сведения о составе участковых комиссий по выборам Президента Республики Беларусь // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-elections-prb2006-sved3.pdf> (дата обращения: 05.12. 2025).

4. **Котляров, И. В.** Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Мн. : ФУ Аинформ, 2009. – 319 с.

5. Республика Беларусь накануне президентских выборов 2006 г.: серия информационно-аналитических записок. – URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/cde/060303.pdf> (дата обращения: 7.12.2025).

6. Выборы Президента Республики Беларусь в 2010 году // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/elections-prb-book.pdf> (дата обращения: 2.10.2025).

7. Сведения о составе участковых комиссий по выборам Президента Республики Беларусь // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/elections-prb2015-elect9.pdf> (дата обращения: 14.10.2025).

8. Сведения о наблюдателях, аккредитованных комиссиями по выборам Президента Республики Беларусь // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/elections-prb2015-elect3.pdf> (дата обращения: 23.11.2025).

9. Сведения о составе участковых избирательных комиссий // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/files/2020/stat14.pdf> (дата обращения: 23.11.2025).

10. Сведения о наблюдателях, аккредитованных избирательными комиссиями // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/files/2020/stat6.pdf> (дата обращения: 14.10.2025).

11. Сведения о составе участковых комиссий // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/files/Pdf/2024/stat15.pdf> (дата обращения: 14.10.2025).

12. Сведения о наблюдателях, аккредитованных комиссиями // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/files/Pdf/2024/stat6-7.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

13. Программа кандидата в президенты Республики Беларусь Сергея Александровича Сыранкова // Коммунистическая партия Беларуси. – URL: <https://comparty.by/news/programma-kandidata-v-prezidenty-respubliki-belarus-sergeya-aleksandrovicha-syrankov/> (дата обращения: 20.10.2025).

14. Сообщение Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь Об итогах выборов Президента Республики Беларусь в 2025 году // Центральная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://rec.gov.by/uploads/files/Pdf/2024/Soobsenie.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

Поступила в редакцию 12.12.2025 г.

Контакты: burakov@m.msu.by (Бураков Виктор Николаевич), yasev@m.msu.by (Ясев

Владимир Викторович)

Burakov V. N., Yusev V. V. PARTICIPATION OF THE COMMUNIST PARTY OF BELARUS IN THE PRESIDENTIAL ELECTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article provides an analysis of the Communist Party of Belarus' activities in participating in the presidential elections of the Republic of Belarus by nominating its representatives to precinct election commissions, as well as observers who monitor the voting process. The article substantiates the thesis that

the Communist Party of Belarus is an effective civil society institution that ensures the electoral rights of citizens.

Keywords: political party, Communist Party of Belarus, presidential elections of the Republic of Belarus, precinct election commission.

УДК 94(476)

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И КНР В 2015–2025 гг.

Жень Цзин

аспирант кафедры истории и философии

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются развитие сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в сфере образования. Автор раскрывает механизмы взаимодействия между странами на разных уровнях: от начальной до высшей школы. В статье показаны значительные результаты, достигнутые сторонами в распространении языка и культуры, научных исследованиях, а также обмене преподавателями и студентами. Одновременно предлагаются варианты путей дальнейшего углубления связей между странами. Делается вывод, что взаимодействие Беларуси и Китая может служить примером для сотрудничества Китая со странами «Пояса и Пути» в сфере образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: государственная политика в сфере образования, сотрудничество Китая и Беларуси, распространение языка и культуры, высшее образование, формирование кадров, совместные научные исследования.

Введение

С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. сотрудничество Китая со странами «Пояса и Пути» в сфере образования стало важной областью для продвижения общественно-культурного опыта и укрепления международных связей. Взаимодействие между Китаем и Беларусью развивалось стремительно и принесло значительные результаты, став образцом для сотрудничества в сфере образования. С момента установления дипломатических отношений между Беларусью и КНР их отношения постоянно поступательно развивались, в 2016 г. они вышли на уровень «всеобъемлющего стратегического партнерства на основе взаимного доверия и взаимной выгоды», в 2022 г. отношения между странами повысились до уровня «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства», что обеспечило прочную политическую основу для сотрудничества двух стран в сфере образования. При стратегическом руковод-

стве и личном внимании глав государств связи между Беларусью и Китаем в сфере образования постоянно углублялись, сформировав модель сотрудничества с ясными целями, конкретными планами и четкими механизмами.

В настоящее время при сотрудничестве Беларуси и Китая в сфере образования созданы многоуровневые платформы для взаимодействия. Подкомитет по сотрудничеству в сфере образования при Межправительственном совете по сотрудничеству между Беларусью и Китаем регулярно проводит заседания, на которых обсуждаются вопросы повышения качества образования в обеих странах; Ассоциация университетов Беларуси и Китая вступила в стадию практической деятельности, сосредоточив внимание на шести ключевых направлениях – цифровые технологии, передовое машиностроение, биологические науки и др., а также создала шесть кластеров сотрудничества университетов Беларуси и Китая для эффективной интеграции ресурсов и взаимного дополнения преимуществ; Белорусско-китайский центр фундаментальных научных исследований, возглавляемый Пекинским университетом и Белорусским государственным университетом, организует совместные научные исследования, подготовку научных кадров, научные конференции и технологическое сотрудничество.

Целью статьи является системное исследование модели развития сотрудничества Китая и Беларуси в сфере образования в 2015–2025 гг.

Основная часть

Правовая основа для сотрудничества Беларуси и Китая в сфере образования основывается на «Соглашении между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере образования», подписанном 10 мая 2015 г. в Минске во время государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь [1]. В рамках этого соглашения образовательные ведомства двух стран регулярно

проводят консультации для координации вопросов сотрудничества. Кроме того, условия для глубокого развития сотрудничества в сфере образования формируются в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Успешное развитие сотрудничества Беларуси и Китая в сфере образования обусловлено личной поддержкой глав государств. Президент Республики Беларуси А. Г. Лукашенко и Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно встречались для разработки стратегического плана по развитию и углублению всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства между Беларусью и Китаем, а также определения направлений сотрудничества в различных областях, включая сотрудничество в сфере образования [2].

В своем выступлении на церемонии вручения стипендий Посла Китая в Республике Беларусь в 2025 году заместитель министра образования Беларуси В. В. Долженков отметил: «Беларусь придает большое значение распространению и продвижению китайского языка. В июле текущего года Министерство образования Беларуси утвердило «Стратегию преподавания и развития китайского языка в образовательных учреждениях Республики Беларусь до 2030 года». На уровне среднего образования для учеников 3–11 классов доступны китайские учебники и сопутствующие электронные ресурсы. Национальный образовательный портал Беларуси создал специальный раздел, посвященный китайскому образованию и культуре, целью которого является создание официальной цифровой платформы для продвижения изучения китайского языка

и культурных обменов». Разработка и реализация этой стратегии демонстрируют, что Беларусь включила преподавание китайского языка в национальную образовательную систему, что свидетельствует о том, что сотрудничество двух стран в сфере образования вступило в стадию системного и глубокого развития.

Республикой Беларусь и КНР в сфере образования созданы многоуровневые и трехмерные механизмы сотрудничества, включающие:

1) Межправительственное сотрудничество: в частности, Подкомитет по сотрудничеству в сфере образования при Межправительственном совете по сотрудничеству между Китаем и Беларусью, который планирует и координирует направления сотрудничества, решает возникающие в процессе сотрудничества проблемы.

2) Межуниверситетское сотрудничество: «Ассоциация университетов Беларуси и Китая», созданная в ноябре 2023 г. и ставшая важной платформой для сотрудничества университетов двух стран. По состоянию на октябрь 2025 г. в нее вошли 28 китайских и 35 белорусских университетов, подписано более 170 межвузовских соглашений, а количество совместных образовательных и исследовательских проектов увеличилось с 9 до 20;

3) Механизмы прямого сотрудничества между вузами: университеты двух стран подписывают двусторонние соглашения для реализации конкретных проектов, таких как совместное обучение, обмен преподавателями, научное сотрудничество [3].

Таблица 1 – Основные механизмы и платформы сотрудничества Беларуси и Китая в сфере образования

Типы механизмов сотрудничества	Основные представители	Дата создания	Основные функции
Межправительственные механизмы сотрудничества	Подкомитет по сотрудничеству в сфере образования при Межправительственном совете по сотрудничеству между Беларусью и Китаем	2015 г.	Координация политики, макропланирование, решение проблем
Механизмы Ассоциации университетов	Ассоциация университетов Беларуси и Китая	2023 г.	Координация сотрудничества между вузами, интеграция ресурсов, организация проектов
Механизмы прямого сотрудничества между вузами	Университеты Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Пример: Китайско-белорусский центр гуманитарных обменов на базе БГУ, БГЛУ и Пекинского университета иностранных языков	2025 г.	Культурное взаимодействие, академический обмен, подготовка специалистов и совместное использование образовательно-интеллектуальных ресурсов

Сотрудничество в области языка и культуры между Беларусью и Китаем основывается в основном на деятельности Институтов и классов Конфуция. 21 июня 2006 г. состоялась церемония подписания договора между Департаментом по международному распространению китайского языка КНР и Белорусским государственным университетом о совместном создании первого в Республике Беларусь Института Конфуция. БГУ является ведущим высшим образовательным учреждением Беларуси, а также одним из двух белорусских университетов, в которых в то время преподавался китайский язык. Институт Конфуция БГУ создал совместно с Пекинским университетом языков и культуры. Его целью было заявлено продвижение и распространение китайского языка и культуры, а также содействие культурным и образовательным обменам и сотрудничеству между двумя странами [4].

Всего в Беларуси создано 7 Институтов Конфуция и 2 класса Конфуция, во многих школах организованы центры китайского языка и культуры. Эти образовательные структуры расположены во всех областях и ориентированы на учеников разных возрастных групп. Они не только осуществляют преподавание китайского языка, но и активно проводят мероприятия по культурному обмену.

Институт Конфуция при Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова образован совместно с Хэйхэским университетом в октябре 2024 г. и стал седьмым Институтом Конфуция, созданным Китаем в Беларуси. В 2025 г. институт начал прием слушателей и получил статус первого международного центра по проведению экзаменов по китайскому языку в Могилевской области.

В Беларуси серьезное внимание уделяется распространению и продвижению китайского языка. В июле 2025 г. Министерство образования утвердило «Стратегию преподавания и развития китайского языка в образовательных учреждениях Республики Беларусь до 2030 года», согласно которой ученики 3–11 классов средних школ обеспечиваются китайскими учебниками и сопутствующими электронными ресурсами. В рамках данной стратегии преподавание китайского языка включено в национальную образовательную систему Беларуси, что создает уникальные возможности для изучения китайского языка.

Преподавание китайского языка в Беларуси осуществляется путем создания локализо-

ванной системы обучения, которая включает разработку китайской учебной литературы, адаптированной к применению в учебном процессе в белорусских учреждениях образования. Национальный образовательный портал Беларуси разработал специальный информационно-образовательный ресурс «Беларусь і Кітай: традыцыі і сучаснасць» с целью создания официальной цифровой платформы для продвижения изучения китайского языка и культурных обменов.

Большое внимание уделяется формированию педагогических коллективов, в которые, помимо белорусских, привлекаются и преподаватели из Китая. На церемонии вручения стипендий Посла КНР в Республике Беларусь в 2025 г. 10 школ и 10 преподавателей получили награды в номинациях «Образцовое учреждение образования по преподаванию китайского языка 2025 года» и «Лучший преподаватель китайского языка в Беларуси 2025 года», что свидетельствует о формировании в Беларуси высококачественного педагогического коллектива по преподаванию китайского языка. Посол Китая в Беларуси Чжан Вэньчуань отметил: «Язык является мостом для общения между людьми, а также носителем информации и эмоций. Владение иностранными языками помогает людям понять различные культуры и, следовательно, глубже познать мир» [2; 3].

Кроме развития преподавания языков, Беларусь и Китай проводят мероприятия по культурному обмену посредством различных платформ. В мае 2025 г. официально был открыт «Китайско-белорусский центр гуманитарных обменов», созданный совместно с Пекинским университетом иностранных языков, Белорусским государственным университетом и Белорусским государственным лингвистическим университетом. Цель центра – продвижение сотрудничества университетов в таких областях, как язык, культура, история, образование, искусство и др. Это важный шаг для развития культурных обменов между Беларусью и Китаем, обеспечивающий институциональную гарантию для взаимного изучения культур двух стран.

Кроме того, Беларусь и Китай углубляют взаимопонимание посредством проведения различных культурных мероприятий. Например, во время церемонии вручения стипендий Посла КНР белорусские и китайские студенты представили яркие выступления, включающие традиционные танцы и национальные песни

обеих стран. Подобные культурные мероприятия не только обогащают формы общения, но и усиливают чувство культурной идентичности молодежи двух стран по отношению друг к другу [2].

В Китае исследования в сфере белорусско-китайского сотрудничества также получили серьезное развитие. На сегодняшний день в КНР создано 12 центров исследований Беларуси и 3 учебных заведения, где реализуется специализация по белорусскому языку. Это способствует формированию профессиональных кадров, которые на системной основе изучают белорусскую историю, политику, экономику и культуру.

В сфере высшего образования и науки важнейшей платформой для развития сотрудничества является «Ассоциация университетов Беларуси и Китая» (далее – «Ассоциация»), созданная в ноябре 2023 г. при содействии Министерства образования КНР и Министерства образования Республики Беларусь. Деятельность Ассоциации координируют с китайской стороны Даляньский политехнический университет – белорусский – Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. При образовании Ассоциации в нее вошли 45 китайских университетов и 41 белорусский университет. Ее цель заключается в продвижении академической мобильности и развитии научного сотрудничества между двумя странами, а также создание новой модели международного сотрудничества в сфере образования.

Сотрудничество в рамках «Ассоциации университетов Беларуси и Китая» стремительно развивается и приносит значительные результаты. В октябре 2025 г. в Минске состоялось третье пленарное заседание Ассоциации, в котором приняли участие почти 200 представителей из белорусских и китайских университетов. На заседании университеты – члены Альянса подписали Совместную декларацию об углублении сотрудничества в развитии высшего образования между Беларусью и Китаем, в которой определено, что университеты двух стран будут углублять связи при проведении научных исследований и культурных обменов. Между китайскими и белорусскими университетами было подписано 10 двусторонних соглашений о сотрудничестве. Университеты договорились проработать механизмы кластерного взаимодействия по шести ключевым направлениям: цифровые технологии, передовое машиностроение, биологические науки, политика и управление, диалог цивилизаций,

изучение белорусского и китайского языков, а также региональное сотрудничество. Данная модель позволяет университетам обеих стран развивать связи в конкретных областях на основе своих преимуществ и особенностей, достигая более эффективной интеграции ресурсов [5].

Взаимодействие Беларуси и Китая при проведении научных исследований является важным компонентом сотрудничества в сфере образования. Создано несколько совместных платформ для научных исследований. Например, в рамках «Белорусско-китайского центра фундаментальных научных исследований» Пекинский университет и БГУ проводят совместные научные исследования, ведут подготовку научных кадров, организуют научные конференции. Создание данной платформы ознаменовало переход сотрудничества Беларуси и Китая в сфере научных исследований от ситуативного сотрудничества отдельных ученых к формированию устойчивых и комплексных связей между университетами двух стран. Другим примером результативного научного сотрудничества в высшей школе является «Совместная лаборатория промышленного оборудования и приборов «Один пояс, один путь»», созданная Даляньским политехническим университетом и БГУ [6]. Работа совместной лаборатории сосредоточена на сфере промышленного оборудования и приборов, что является важным проявлением углубления сотрудничества двух стран в сфере научно-технических инноваций, а также предоставляет новую модель сотрудничества между сферами промышленности и образования двух стран. Создание этих совместных платформ для научных исследований способствовало обмену и сотрудничеству между исследователями Беларуси и Китая, облегчило обмен и интеграцию научных ресурсов, а также предоставило мощную поддержку научно-техническим инновациям в обеих странах. В рамках «Ассоциации университетов Беларуси и Китая» количество совместных образовательных и исследовательских проектов между университетами увеличилось с 9 до 20, что свидетельствует о постоянном углублении и расширении научного сотрудничества.

Кроме крупных программ совместных научных исследований, университеты обеих стран также организуют различные мероприятия по научному обмену. В июне 2025 г. в Национальном детском технопарке в Минске состоялся Молодежный форум Беларуси и Китая, в котором приняли участие более 200

преподавателей, молодых ученых и студентов из 47 университетов, включая Пекинский университет, Пекинский педагогический университет, Белорусский государственный университет, Белорусский государственный линг-

вистический университет и др. Форум представил платформу для обмена идеями между молодыми учеными обеих стран, способствуя развитию научных связей, выработке новых научных идей и направлений исследований.

Таблица 2 – Основные области и результаты сотрудничества Беларуси и Китая в высшем образовании

Области сотрудничества	Основные формы сотрудничества	Представительные совместные проекты	Результаты сотрудничества
Сотрудничество между вузами	Ассоциации университетов, двусторонние соглашения	Ассоциация университетов Беларуси и Китая	Подписано более 170 межвузовских соглашений
Научное сотрудничество	Совместные лаборатории и исследовательские центры	Белорусско-китайский центр фундаментальных научных исследований, Совместная лаборатория промышленного оборудования и приборов «Один пояс, один путь»	20 совместных исследовательских проектов
Формирование кадров	Совместное обучение и академическая мобильность	Стипендия Посла КНР в Республике Беларусь, Государственная стипендия для обмена	Более 11 000 китайских студентов проходят обучение в Республике Беларусь
Научные обмены	Научные конференции и форумы	Молодежный форум Беларуси и Китая	В форуме приняло участие более 200 молодых ученых
Общественно-культурные обмены	Культурологические исследования, сотрудничество в области языка	Центр культурных обменов Китая и Беларуси, Центр исследований Беларуси	В Китае создано 12 исследовательских центров в сфере белорусоведения

Мобильность студентов является одним из важных показателей эффективности сотрудничества в сфере образования. Постоянное расширение взаимного обучения за рубежом между Беларусью и Китаем отражает глубокое развитие и возрастающую привлекательность сотрудничества двух стран в сфере образования. Согласно официальной статистике Министерства образования Республики Беларусь к концу 2024 г. общее количество китайских студентов, обучающихся в Беларуси, составило более 11 000 человек. Эти данные свидетельствуют о том, что Беларусь стала важным направлением для китайских студентов, обучающихся за рубежом. Китайские студенты выбирают Беларусь за высокое качество образования, безопасную и комфортную окружающую среду. В Беларуси есть несколько университетов с длительной историей обучения иностранных студентов, подкрепленной передовыми методиками в преподавании и известными своими научными достижениями. Например, Белорусский государственный университет, Белорусский государственный технический университет и другие высшие

учебные заведения. Кроме того, хорошие двусторонние отношения и перспективы развития после окончания обучения в Беларуси также являются важными факторами, привлекающими китайских студентов [7, с. 21].

Стабильно увеличивается и количество белорусских студентов, обучающихся в Китае. Согласно статистике, в 2023–2024 учебном году в КНР обучалось 1242 белорусских студента, что на 106 человек больше, чем в предыдущем. Хотя общее количество белорусских студентов меньше, чем количество китайских студентов, обучающихся в Беларуси, тенденция к росту очевидна, что свидетельствует о признании белорусскими студентами качества китайского высшего образования и уверенности в перспективах развития Китая. Для продвижения мобильности студентов две страны предоставляют различные виды стипендиальной поддержки. Кроме обмена стипендиями между правительствами Беларуси и Китая, некоторые провинции и университеты Китая создали собственные программы стипендий. Посольство Китая в Беларуси также установило стипендию Посла Китая (с

момента ее первого учреждения в 2016 г. 338 белорусских студентов получили эту награду). Посредством стипендий обеспечивается финансовая поддержка студентов, обучающихся в другой стране, и продвигается академическая мобильность.

Важным компонентом сотрудничества в сфере образования и ключевым направлением повышения качества образования является обмен преподавателями, который Беларусь и Китай осуществляют в различных формах для профессионального развития педагогических коллективов.

Китай направляет преподавателей для работы в Институтах Конфуция, классах и центрах китайского языка и культуры в Беларуси для преподавания китайского языка. Как отмечалось выше, на церемонии вручения стипендий Посла Китая в 2025 г. 10 преподавателей получили награду в номинации «Лучший преподаватель китайского языка в Беларуси 2025 года» [2]. Среди награжденных были как китайские преподаватели, направленные в Беларусь, так и белорусские преподаватели китайского языка.

Беларусь и Китай реализуют программы совместного обучения на бакалавриатском и магистерском уровне. Эта модель интегрирует высококачественные образовательные ресурсы обеих стран, предоставляя студентам более богатый опыт обучения и более широкие перспективы развития.

Учитывая потребности промышленного сектора, университеты и предприятия взаимодействуют при подготовке технических кадров. Например, совместная лаборатория промышленного оборудования и приборов «Один пояс, один путь» не только предоставляет платформу для научного сотрудничества, но и создает условия для формирования кадров, позволяя студентам получать доступ к передовым научным исследованиям и промышленной практике [3].

Важны также краткосрочные академические обмены и индивидуальные студенческие проекты. Университеты организуют для студентов летние и зимние языковые лагеря, краткосрочные курсы и других виды обучения. Такие мероприятия, как Молодежный форум Беларуси и Китая, Весенний фестиваль студентов Беларуси и Китая и др. предоставляют студентам возможности для краткосрочных обменов, способствуют развитию взаимопонимания и дружбы [7, с. 36].

Республика Беларусь и КНР активно со-

трудничают по разработке механизмов гарантии качества образования. «Ассоциация университетов Беларуси и Китая» посредством кооперативного кластерного сотрудничества установила общие стандарты качества и системы оценки в конкретных областях для гарантии качества подготовки кадров. Кроме того, образовательные ведомства двух стран подписали соглашение о взаимном признании дипломов, направленное на создание благоприятных условий для мобильности студентов и совместного обучения.

Тем не менее, хотя Беларусь и Китаю в сфере образования удалось достигнуть значительных результатов, все еще существуют проблемные моменты, которые необходимо решить. Например, в настоящее время сотрудничество Беларуси и Китая в сфере образования в основном сосредоточено в сфере высшего образования, в то время как сотрудничество на уровнях начального образования и профессионального образования развивается относительно слабо. Есть точки роста и по наполнению содержания сотрудничества. Так, проводится большое количество мероприятий по распространению языка и культуры, а также обменов между вузами, в то время как научные связи развиваются более медленными темпами.

Сотрудничество в сфере образования требует стабильного финансирования. В настоящее время взаимодействие Беларуси и Китая в сфере образования в основном зависит от государственного финансирования и выделения финансовых средств университетами, при этом источники финансирования относительно единообразны, а механизмы диверсифицированного инвестирования отсутствуют.

Между Беларусью и Китаем существуют различия в культурных традициях, образовательных концепциях, моделях преподавания и других аспектах, которые могут привести к недопониманию при сотрудничестве. Языковые барьеры также являются проблемой, которую нельзя игнорировать: хотя преподавание китайского языка в Беларуси развивается стремительно, все еще не хватает профессиональных кадров, владеющих китайским языком. Аналогично в Китае относительно мало кадров, хорошо знающих белорусский язык и культуру.

Решение вышеобозначенных проблем возможно, *во-первых*, путем усиления координации образовательной политики и взаимного признания академических квалификаций и

дипломов, конвертации кредитов, согласования стандартов гарантии качества. *Во-вторых*, при продолжении углубления взаимосвязей в высшем образовании, необходимо усилить сотрудничество в сферах начального и профессионального образования [5]. *В-третьих*, продвигать модель интеграции по формуле «образование + технологии + производство», учитывающей потребности индустриального сектора обеих стран, внедрение научно-технических инноваций и подготовку кадров. *В-четвертых*, необходимо совершенствовать механизмы инвестирования ресурсов с участием различных сторон, таких как правительство, университеты, общество и др., добившись стабильной финансовой поддержки для сотрудничества в сфере образования. *В-пятых*, подготовить больше профессиональных кадров, владеющих языком и культурой другой страны. Важно оказывать поддержку академической мобильности как социальной основе сотрудничества в сфере образования. Как отметил Посол Китая в Беларуси Чжан Вэньчуань, «я надеюсь, что студенты станут практиками единства знаний и действий, наследниками дружбы между Китаем и Беларусью, а также участниками в развитии эпохи». *В-шестых*, шире использовать возможности цифровой трансформации в образовании и усилить сотрудничество двух стран в сфере цифрового образования. Китай активно продвигает цифровизацию образования и создаёт крупнейшую в мире цифровую платформу образовательных ресурсов – Национальную платформу общественного обслуживания по интеллектуальному образованию, доступ к которой имеют пользователи из более чем 200 стран и регионов. Китай и Беларусь могут делиться цифровыми образовательными ресурсами и опытом, совместно применять искусственный интеллект в образовании, разрабатывать и внедрять инновационные методы обучения и воспитания [7, с. 92].

Заклучение

В 1992–2025 гг. Республика Беларусь и Китайская Народная Республика в сфере образования сформировали всестороннюю и многоуровневую модель сотрудничества, которая стала одной из важнейших основ для «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства» между двумя странами.

Во-первых, на основе межправительственного соглашения о сотрудничестве в сфере образования, подписанного в 2015 г.,

Беларусь и Китай сформировали многоуровневые механизмы взаимодействия, включая Межправительственный совет по сотрудничеству, Подкомитет по сотрудничеству в сфере образования, Белорусско-китайскую ассоциацию университетов и др., обеспечивающие институциональную базу для успешного взаимодействия в образовательной сфере.

Во-вторых, изучение китайского языка и культуры в Беларуси, белорусского языка и культуры в Китае достигло значительных результатов. В Беларуси создано 7 Институтов Конфуция и 2 класса Конфуция, преподавание китайского языка включено в национальную образовательную систему; разработана «Стратегия преподавания и развития китайского языка в образовательных учреждениях Республики Беларусь до 2030 года». Одновременно в Китае создано 12 центров исследований Беларуси, сформирована двусторонняя интерактивная система распространения языков и культур.

В-третьих, углубилось сотрудничество Китая и Беларуси в сфере высшего образования. «Ассоциация университетов Беларуси и Китая» объединяет 63 университета, подписано более 170 межвузовских соглашений, а также реализовано 20 совместных образовательных и исследовательских проектов. В рамках Ассоциации создан механизм кластерного сотрудничества и достигнута эффективная интеграция образовательных ресурсов университетов двух стран [8]. Кроме того, масштабы мобильности студентов между Китаем и Беларусью постоянно расширяются: к концу 2024 г. в Беларуси обучалось более 11 000 китайских студентов, а в Китае – 1242 белорусских студента [9].

Сотрудничество Беларуси и Китая в сфере образования может быть в дальнейшем углублено в таких областях, как научно-технические инновации и модернизация промышленности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Министерство образования Китайской Народной Республики. Китай и Республика Беларусь подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере образования. 11 мая 2015 г. // Министерство образования Китайской Народной Республики : [сайт]. – URL: // http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/201505/t20150511_187972.html (дата обращения: 15.10.2025).

2. Посол Чжан Вэньчуань принял участие в церемонии вручения стипендий Посла Китая в 2025 году. 4 ноября 2025 г. // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь : [сайт]. – URL: https://by.china-embassy.gov.cn/sssgxwdt/202511/t20251104_11746586.htm (дата обращения: 05.11.2025).

3. **Ван Цзюйюй.** Кооперация в сфере образования между Китаем и Беларусью в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: история, нынешнее состояние и перспективы / Ван Цзюйюй // Хэнаньское образование. Высшее образование. – 2018. – № 7. – С 88.

4. В Минске состоялась церемония подписания письма о намерениях между Nanban и Белорусским государственным университетом о совместном создании Конфуциусовского института. 13 июля 2006 г. // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики : [сайт]. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/1206x2_678912/200607/t20060713_9330496.shtml (дата обращения: 01.10.2025).

5. Ассоциация университетов Китая и Беларуси выпустила совместную декларацию об углублении сотрудничества в высшем образовании. 21 октября 2025 г. // China Daily : [сайт]. – URL: <http://ex.chinadaily.com.cn/exchange/partners/82/rss/channel/cn/columns/j3u3t6/stories/WS68f752aaa310c4deea5ed7e8.html> (дата обращения: 07.07.2025).

6. Ассоциация университетов Китая и Беларуси выпустила совместную декларацию об углублении практического сотрудничества в сфере образования и научных исследований между двумя странами. 22 октября 2025 г. // Сетевой портал новостей Китая : [сайт]. – URL: <http://www.chinanews.com.cn/sh/2025/10-22/10502856.shtml> (дата обращения: 22.10.2025).

7. **Смоляков, Д.** Сосредоточение на сотрудничестве Беларуси и Китая в высшем образовании / Д. Смоляков. – Пекин : Китайские социальные науки, 2020. – 118 с.

8. Создание механизма кластерного сотрудничества Ассоциации университетов Китая и Беларуси. 22 мая 2024 г. Газета Северного Синьцзяна : [сайт]. – URL: <http://www.imline.cn/news/jiaoyu/2024/052212B622024.html> (дата обращения: 11.12.2024).

9. Посол Чжан Вэньчуань дал интервью газете «Белорусский педагог». 5 сентября 2025 г. Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь : [сайт]. – URL: https://by.china-embassy.gov.cn/ambas/fangtan/202509/t20250905_11703402.htm (дата обращения: 27.09.2025).

Поступила в редакцию 06.01.2026 г.

Контакты: renjing1351@qq.com (Жень Цзин)

Ren Jing. DEVELOPMENT OF COOPERATION IN THE SPHERE OF EDUCATION BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PRC IN 2015–2025

The article examines the development of cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China in the field of education. The author reveals the mechanisms of interaction between the two countries at various levels, from primary to higher education. The article demonstrates the significant results achieved by the parties in the dissemination of language and culture, scientific research, as well as teacher and student exchanges. At the same time, options for further deepening ties between the countries are proposed. It is concluded that the interaction between Belarus and China can serve as an example for China's educational cooperation with the "Belt and Road" countries within the framework of the "One Belt, One Road" initiative.

Keywords: state policy in the field of education, cooperation between China and Belarus, dissemination of language and culture, higher education, personnel development, joint scientific research.

УДК 1(091)+128

УЧЕНИЕ ПЛОТИНА КАК ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СПАСЕНИЯ

Н. В. Еремеева

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ORCID 0009-0003-3986-739X

Данная статья представляет историко-философский анализ учения Плотина в свете современных исследований, обнаруживающих сходство мысли Плотина и гностицизма. Делается краткий обзор предшествующей античной традиции, эксплицируется бытование в ней парадигмы спасения посредством целенаправленного воспитательного процесса с целью самосовершенствования человека. Дается обоснование онтологической и этической концептуализации спасения в философии Плотина. Делается вывод о практической направленности философии Плотина, ее недискурсивном характере, неразрывном синтезе рефлексивного, мистического и нравственно-пропедевтического элементов его учения.

Ключевые слова: Плотин, неоплатонизм, спасение, сотериология, единое, обожение, гностицизм.

Введение

Учение Плотина считают «своим», и не без основания, и христианская патристика, и спекулятивная мистика, в последние годы появились исследования, обнаруживающие близость философии Плотина и гностической традиции. Такая интеллектуальная ситуация, по мнению историков философии, например, Дж. Реале и Д. Антисери, лежит в особенной мультикультурной атмосфере эллинистического мира эпохи Плотина. Центрами духовной жизни, кроме Рима, стали города Востока, прежде всего, Александрия, унаследовавшая греческий дух теоретико-созерцательного пафоса восхождения от видимого к невидимому, дух старой философии, «*theoros*» [1, с. 216]. Встреча Востока и Запада ознаменовалась также и распространением восточных религий и синкретических ориенталистских культов, наподобие культа бога Тота-Гермеса Трисмегиста, в котором, как и в тексте «Халдейских оракулов», прослеживаются тенденции к иерархическому построению универсума и пред-

почтению гнозиса как особого вида познания [1, с. 239–240]. Параллели учения Плотина с гностицизмом особенно заинтересовали исследователей после открытия корпуса текстов Наг-Хаммади. Все большее распространение в современной истории философии получает версия об учении Плотина как разновидности гностицизма, например, у А. Мазура (Mazur), который подчеркивает схожесть духовного климата среди гностиков и учеников Плотина, их аскетизм и молитвенное сосредоточение, признает обоюдное наличие систематической медитативной техники [2, с. 148]. Также общим местом является тезис, что в учении Плотина нет ничего, чего не было бы уже у Платона, но столь же важно отметить, что некоторые идеи последнего получили в неоплатонизме особенное развитие. Исследователи неоплатонизма в большинстве своем признают, что особенное внимание Плотин уделял теургической составляющей, организованной в своеобразный ступенчатый «путь восхождения», соответствующий иерархическим представлениям о строении мира. Можно утверждать, что уже у Плотина онтологические интуиции Платона становятся основой программы спасения. Впоследствии в неоплатонических школах диалоги Платона даже были осмыслены как «сотериологический канон» для изучения и медитации – выводы ряда исследователей, в частности Д. С. Курдыбайло с опорой на Л. Г. Вестеринка, указывают на такое восхождение при изучении платоновских диалогов, и, соответственно, дополнение рационального познания мистическими практиками [3, с. 119]. Исходя из вышесказанного, целью настоящей статьи является экспликация так называемой «проблемы Плотина», где в качестве решения будет предложен ответ на вопрос, какую же концепцию бытия и мышления – философскую или религиозную – исповедовал сам Плотин.

Основная часть

Нарастающее в обществе ощущение кризиса Римской империи, внутреннее, не осознаваемое [4, с. 4], но от этого не менее неотвратимое, породило феномен, объединяющий в себе понимание человека как эсхатологического центра борьбы добра и зла, синкретизм и монотеистические тенденции, дуализм и онтологический драматизм. Этот феномен современный исследователь античной философии Р. Светлов определил как гнозис. Не боясь богословских коннотаций, связывающих гнозис с ересью, и даже подчеркивая это, он причисляет к гностической идеологии трех мыслителей, превосходящих свою эпоху, определяющих дальнейшую судьбу великих учений – платонизма и христианства – Климента Александрийского, Оригена и Плотина [4, с. 13–17]. По иронии судьбы, все трое были пламенными борцами с гностической ересью, даже язычник Плотин, чье учение формировалось в противостоянии с нею [5, с. 31–34], все трое подчеркивали различие между пагубным ложным гнозисом и гнозисом истинным, все трое приложили руку к раскрытию «тайного» учения Платона посредством рафинированной экзегетики логоса, в то же время разводя по разные стороны баррикад христианский, сектантский и языческий мютоc.

Классический античный метод постижения бытия, *theoria*, представлен у Плотина в наиболее чистом виде [6, с. 141]. Считать ли теорию интуицией тождества бытия и мышления в его онтологическом, гносеологическом и этическом смыслах [6, с. 148] или же мистическим особым типом познания божественного, мысленным соприкосновением с ним, не мышлением, строго говоря, а созерцанием и совместным бытием [7, с. 93] – реальная проблема историко-философских исследований. От того, как понять высказывание Парменида «Мыслить и быть – одно есть», зависит и концептуальное выстраивание историко-философского исследования. Если вслед за радикальным Э. Брейе считать концепцию ума «гибельной» для греческого рационализма, приходится признать и пропасть, зияющую между интеллектуальным морализмом, например Эпиктета со стоическим *amor fati*, и Плотининовым исчезновением индивидуального сознания в мистическом единении с сущим [8, с. 190]. Философское созерцание умпостигаемой триады Единого-Ума-Души в данной трактовке обращается в ритуальную практику самопознания со значительной примесью гно-

стического учения о спасении [2, с. 152]. Тем не менее задолго до гностиков в античности существовала философская парадигма спасения, которая определяла самосознание индивида, культуру и социум как открытие и развертывание целенаправленного процесса к завершению, в смысле самосовершенствованию, человека. В диалоге Платона «Алкивиад I» с непреложной ясностью провозглашается учение о необходимости поиска человеком своей природы, о незавершенности и неполноте наличного бытия, о необходимости овладения своей подлинностью и умения правильно обращаться с собой [9, 119b]. Платоновское прочтение знаменитого «познай самого себя» объединяет и религиозно-мифологическую, и логико-символическую, и социально-политическую семантику, формируя универсальное представление о совершенстве, полноте, в которой, по мысли В. Библихина, весь человек, весь род человеческий [10, с. 64] размещается сразу и целиком. Именно у Платона учение о спасении приобретает методологические черты. Методологический и дидактический подход Платона очевиден, что и дает последователю Плотина Ямвлиху Халкидскому (III–IV вв.) возможность сформировать представление о расположении основных диалогов «божественного Платона» в «сотериологическом каноне», порядке, предназначенном для изучения в школе [3, с. 107]. Познать себя – значит обрести созерцание идей, обнаружить то место, в котором единичные вещи собираются в качестве общего, ибо только единое позволяет заглянуть в свой нрав, а это можно сделать лишь внутри эйдосов [11, с. 110]. В. Библихин, обнаруживающий в «Алкивиаде» и Мишеля Фуко, и феноменологическую интенцию, с удивлением (и восхищением) говорит – в этом месте человек исчезает, он становится ничто [10, с. 85], ибо искать путь к наивысшему совершенству [9, 124c], отыскать самого себя [9, 129b] – это пропасть (10, с. 85). Онтологичность истины, рождение души, самой себя понимающей [1, с. 98] – нам, наследникам византийского Востока, этот поворот генетически понятен, даже если и не приемлем.

Плотин не оставил четкого описания пути восхождения к полноте, к единому. Историки философии расходятся во мнениях и в отношении причин, побудивших Плотина фиксировать свое учение в письменном виде, что он, впрочем, так и не делал систематически. Полемически ли направленные, порожденные ли необходимостью отразить личный мисти-

ческий опыт, описывающие ли ритуалы теургической практики, Эннеады, классически расположенные Порфирием, представляют собой одну из первых реконструкций порядка мистического восхождения [12, с. 8]. Связь заботы о себе с философией пролегает через самопознание, а с философской концептуализацией спасения – через познание своей истинной вечной сущности [12, с. 33]. Обретение этой сущности, то есть, по факту, обретение утраченного бессмертного начала, достигается – и здесь «проблема Плотина» решается не в пользу гностицизма [2, с. 150] – удалением всех преград и посредников между взыскующим и единым. Как подчеркивает М. Фуко, в философии эллинистической и римской эпохи происходит значимый сдвиг в парадигме техники себя – вместо способа бытия субъекта в самоцель превращается сам субъект, а ведущим методом становится не мышление, а недискурсивное преобразование самим субъектом способа собственного бытия. Как следствие, особое внимание получают катартические практики [13, с. 201–202]. Так, одна из реконструкций Платинова пути восхождения включает в себя такие этапы, как катарсис, мистическое откровение высшего Я, аутофания, единение с собой, аннигиляция высшего Я и, наконец, единение в слиянии с единым [2, с. 149]. В позднеантичных школах это значило, что ученики должны строго соблюдать последовательность прохождения ступеней научения, требующих соответствующего интеллектуального и духовного уровня [14, с. 170], и первое, чему следует научиться, – добродетелям, призванным очистить и подготовить индивида к дальнейшим шагам, и правильному пониманию эстетики прекрасного. Этика понималась Плотинем в большей степени онтологически: «Мы – из неделимого свыше и того, что делится в телах», потому и «природа той нашей души не будет ответственна за зло, которое совершает и претерпевает человек» [15, I, 1, 8–9, с. 86–87]. Эта истинная природа души видна философским зрением, от всего же прочего необходимо отделиться, причем, утверждает Плотин, коль скоро возникновение – это уже отход от единства и простоты, то возникновение души суть ее нисхождение, которое необходимо преодолеть [15, I, 1, 12, с. 90–91]. При этом и душа, и ум, и, конечно, единое уже являются в нас, тем не менее, нам необходимо восходить к ним [15, I, 1, 13, с. 92], совершая внутреннее путешествие. Подобным же образом объясняет Плотин и мудрость. С

одной стороны – как соотнесение с истинно сущим умом, с другой – как чистейшее в человеческом мышлении [15, I, 3, 5–6, с. 145–146]. Можно согласиться, что здесь особенно отчетливо проявляется понимание философии как образа жизни, непрестанного духовного упражнения, практики, способной полностью изменить бытие человека [14, с. 192]. Онтологическое понимание этики у Плотина ярко иллюстрируется и рассуждением о счастье, обретаемом в жизни «первой и совершенной», то есть, в едином начале [15, I, 4, 3–4, с. 164–165].

Распознать божественное в себе должен каждый, но не каждый способен это сделать, как сетовал еще Платон. Спасение принадлежит избранным, но призыв к необходимости спасения обращен ко всем – М. Фуко называет это неестественной игрой формы [13, с. 138–140] – эта всеобщность призыва не является изобретением христианства. Развитие сектантства, не обязательно как исповедания той или иной ереси, что в греческом смысле не имело еще негативной коннотации, но подразумевало только многообразие философских школ и направлений [16, с. 11], отражало напряжение между универсальностью и привилегией занятия собой. Философский пафос этой открытости-избранности спасения, суровой привлекательности преодоления собственного несовершенства постепенно утрачивается в связи с «обмирщением» философии, с превращением философов в советников по не связанным с философией вопросам [13, с. 164–165]. На пустом месте, освобожденном философами, и появляется сектантство с его представлениями о спасении по факту принадлежности к «избранным» [5, с. 72–73], и гнозис с чрезмерной перегрузкой познавательного акта, напрямую, как считают его приверженцы, ведущего к истине [13, с. 29]. На этом фоне учение Плотина о душах-амфибиях, живущих в двух городах одновременно, горнем и дольном, в идеале устроаемом наподобие горного [17, IV, 4, 15, с. 155], выглядит странной полумерой, избеганием окончательного вердикта о спасении, отодвигающем его в область вероятного. Поиски собственной истинной природы оказываются не таким уж легким приключением, не имеют простых решений и рецептов на все времена, ибо мы обречены на состояние, когда мы – не мы [5, с. 71] нигде, ни наверху, ибо «там» мы не удерживаемся, ни внизу, ибо «здесь» мы не подлинны. Но дидактика Плотина и заключается в установлении требования неусыпной практики не-

дикурсивного поиска, неинтеллектуального созерцания, подобного монашеским бдениям. Если мы готовы смотреть на Плотина как на философа спасения, приходится признать, что сугубо рационалистическое толкование его философского метода становится тем более анахронизмом, чем более открываются параллели и полемика его учения – при всех трудностях и даже ошибках толкования – с современными ему религиозными системами. Главная же его задача при этом как философа это объяснение духовной, сверхрациональной природы человека и соотношения духовного и рационального уровней бытия [18, с. 58–59].

Спасение невозможно только посредством комментирования текстов. «Нам нужно бежать отсюда», недвусмысленно заявляет Плотин. Почему и куда? Потому что здесь, в этом мире, зло, и душа желает его избежать. Куда? К божественному единому. Как? Способ манифестирован еще Платоном – уподобляясь божественному, обоживаясь. Каким образом достигается обожение? Нужно стать при помощи рассудительности справедливыми и благочестивыми и «всецело пребывать в добродетели» [15, I, 2, 1, с. 111]. Всякие добродетели хороши, но очистительные признаются выше гражданских, ибо если первые способствуют, то вторые дают возможность душе поворачиваться к благу [15, I, 2, 4, с. 117–118]. Добродетели имеют двоякую природу. Они знаки-подобия той первоосновы, из которой берут начало, но они и архетипы, которые указывают нам на божественное [15, I, 2, 2, с. 114], ибо добродетель «есть то, что в душе произошло от парадигмы» [15, I, 2, 6, с. 121]. В итоге следование добродетелям приведет к полному отделению, отрешению от жизни даже хорошего и справедливого человека, каковая, по мнению Плотина, менее достойна и должна быть оставлена ради уподобления богам [15, I, 2, 7, с. 123]. Постигание прекрасного также подлежало первоочередному рассмотрению наряду с этикой и в той же мере являлось онтологией субъекта спасения. Общей идеей опусов Плотина о красоте является призыв к уподоблению благу чтобы узреть благо – исток и начало красоты [15, I, 6, 9, с. 240–241]. И действительно, спасение не гарантировано, хотя единое присутствует повсюду, являясь залогом единства всего бытия, но при этом внутренний человек есть потенция, а не акт [4, с. 121]. Призыв к теозису, путь аскезы открыт для каждого, ведь и цель и исток восхождения – единое, абсолютно про-

стое – наше «собственное» внутреннее начало, никогда не исчезающее. Напротив, исчезает все неподлинное, когда мы молчаливо ожидаем, подготовленные к благодати [4, с. 122].

Очевидно, что рационализация и философская категоризация созерцательного опыта Плотина приводит к антиномическим тупикам, решение которых может быть долгим и сложным, как в построениях Гегеля или эстетике А. Ф. Лосева [19, с. 5 и далее], или простым и радикальным, как разрубание гордиева узла. Подобным образом поступают Э. Брейе или П. Адо, объявляя ведущей именно практическую составляющую античной философии. Тем не менее тот историко-философский факт, что для античных мыслителей в целом равно значимыми были и рефлексивный, и практический, и мистический элементы учения, уже непреодолим. Философская мысль античности со времен Парменида предполагает работу с бытием в смысле упорядочивающей абстракции, которая, будучи выражена в мире, в космосе, упорядочивает и человека, вырывая его из хаоса [11, с. 107]. Можно согласиться с тем, что гносеологическая функция знания уступает здесь место преобладающей «пропедევтической миссии» [20, с. 97] философии в деле формирования человека, и реализация практической составляющей в технологии себя становится столь же необходимой как в отношении познания, так и в отношении педагогики и практики благой жизни [13, с. 61–62].

Заключение

Подводя итог сказанному о «проблеме Плотина», следует подчеркнуть, что его учение о восхождении к полноте и единому не является сугубо религиозным, но остается в русле недискурсивной философии. Ключом к иерархическому строению универсума и запутанной «мифологии» исхождения-возвращения у Плотина может стать практика созерцания абсолютно простого в опыте постижения целокупного бытия, поскольку целью философствования для Плотина являлась трансформация человека в онтологически более высокое состояние. Обращение к наследию Плотина также способствует пониманию античной философии в целом как практической философской программы спасения посредством выхода за пределы собственного несовершенства и обретения своей подлинной природы. Философскую концепцию спасения Плотина можно назвать онтологической, предполагающей истоком блага преизбыток

полноты бытия, и справедливой будет мысль, что и вся практика античной философии это прежде всего спасение – от или из небытия парменидовского толка, надежно запертого в клетку рационально обоснованного несуществования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Реале, Дж.** Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. Т. 1. Античность / Дж. Реале, Д. Антисери; пер. с итал. С. А. Мальцева; под ред. Э. В. Соколова. – СПб. : Петрополис, 1997. – 323 с.

2. **Носачев, П. Г.** Плотин – гностик? Рец. на : Mazur A. J. The Platonizing Sethian Background of Plotinus's Mysticism. Leiden : Brill, 2021. 337 p. / П. Г. Носачев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. – 2022. – № 104. – С. 147–152.

3. **Курдыбайло, Д. С.** О принципе составления канона Ямвлиха / Д. С. Курдыбайло // Философский журнал. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 106–123. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-4-106-123

4. **Светлов, Р. В.** Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика / Р. В. Светлов. – СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1996. – 232 с.

5. **Адо, П.** Плотин, или простота взгляда / П. Адо; пер. с фр. Е. Штофф. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. – 143 с.

6. **Доброхотов, А. Л.** Категория бытия в классической западноевропейской философии / А. Л. Доброхотов. – М. : Издательство Московского университета, 1986. – 248 с.

7. **Хлебников, Г. В.** Некоторые аспекты философского мистицизма Античности (Мистицизм как фокальная точка философии) / Г. В. Хлебников // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2009. – № 1. – С. 86–110.

8. **Брейе, Э.** Философия Плотина / Э. Брейе; вступ. ст., сост., пер. с фр. А. С. Гагонина. – СПб. : Владимир Даль, 2012. – 392 с.

9. **Platonos, Alcibiades I** (Πλάτωνος, Ἀλκιβιάδης I) / Platonis Oper.; vol.1-5. V. 2; ed. J. Burnet, – Oxford : Clarendon Press, 1900 (repr. 1967). – P. 103–135 // Платоновское философское общество PLATO NODIE. – URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet.htm> (дата обращения 1.09.2025)

10. **Бибихин, В. В.** Поиск своего в «Ал-

кивиаде» Платона / В. В. Бибихин // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 63–88.

11. **Мамардашвили, М. К.** Лекции по античной философии / М. К. Мамардашвили; под ред. Ю. П. Сенокосова. – М. : Аграф, 1999. – 216 с.

12. **Светлов, Р. В.** Пространство самопознания (Плотин. Первая Эннеада) / Р. В. Светлов // Плотин. Первая Эннеада; пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2004. – С. 5–39.

13. **Фуко, М.** Герменевтика субъекта : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. Г. Погоняло. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.

14. **Адо, П.** Что такое античная философия / П. Адо; пер. с фр. В.П. Гайдамака. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.

15. **Плотин.** Первая Эннеада / Плотин; пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2004. – 320 с.

16. **Винрих, Л.** Изменчивый образ инакомыслия: ересь в раннехристианский период / Л. Винрих // Вестник ПСТГУ II : История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 4 (59). – С. 9–27.

17. **Плотин.** Четвертая Эннеада / Плотин; пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2004. – 320 с.

18. **Гагонин, А. С.** Эмиль Брейе : Философия как способ жить / А. С. Гагонин // Брейе, Э. Философия Плотина; вступ. ст., сост., пер. с фр. А. С. Гагонина. – СПб. : Владимир Даль, 2012. – С. 5–92.

19. **Рыбаков, Н. С.** Об основных категориях неоплатонизма / Н. С. Рыбаков // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 15. – С. 3–10.

20. **Хлебников, Г. В.** Сократ и платонизм, аристотелизм, скептицизм, неоплатонизм как философские теологии и техники теозиса человека (Аналитический обзор) / Г. В. Хлебников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия : Реферативный журнал. – 2006. – № 2. – С. 97–144.

Поступила в редакцию 22.12.2025 г.

Контакты: nataliavladimirovna5v@yandex.ru (Еремеева Наталья Владимировна)

Eremeeva N. V. PLOTINUS'S TEACHING AS A PHILOSOPHICAL CONCEPT OF SALVATION

The article presents a historical and philosophical analysis of Plotinus's teachings in light of modern research that reveals similarities between Plotinus's thought and Gnosticism. A brief overview of the preceding ancient tradition is given, and the existence in it of the paradigm of salvation through a purposeful educational process with the aim of human self-improvement is explicated. A justification is given for the

ontological and ethical conceptualization of salvation in the philosophy of Plotinus. A conclusion is made about the practical orientation of Plotinus' philosophy, its non-discursive nature, and the inseparable synthesis of the reflexive, mystical, and moral-propaedeutic elements of his teaching.

Keywords: Plotinus, Neoplatonism, salvation, soteriology, the One, deification, Gnosticism.

УДК 316.42:37.015.31:502/504(510)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

У Циаци

аспирант

Институт философии НАН Беларуси

В настоящее время устойчивое развитие стало постоянным трендом международной повестки. В этом контексте Китай рассматривает экологическое образование как важный инструмент социального развития. Представленная статья сфокусирована на анализе влияния политики экообразования на социальное развитие Китая на национальном и международном уровнях. Международное сотрудничество играет все более важную роль в процессе реализации китайской экологической цивилизации.

Ключевые слова: экологическое образование, устойчивое развитие, социальное развитие, экологическая цивилизация.

Введение

С древних времен человечество волнует многообразие аспектов экологической устойчивости. В последнее десятилетие возрастающая опасность глобального потепления вывела экологическую проблематику на новый уровень. Ближайшая перспектива катастрофических изменений подталкивает человечество к поиску новых подходов в решении проблемы гармоничного взаимодействия человека и природы. На этом этапе сфера образования вновь обретает значение одного из наиболее важных инструментов рационализации и коррекции общественного и индивидуального поведения людей в отношении экологической безопасности и отдельных сфер, и мира в целом.

Таким образом, государственная политика Китая сфокусирована на сфере образования и нацелена на усиление поддержки науки, технологий и образования, и особенно экологического образования, в рамках реализации национального проекта экологической цивилизации [1].

Представленная статья призвана раскрыть цели, условия и результаты реализации политики КНР в области развития экологического образования. Достижение указанной цели сообразуется с ответом на следующие вопросы: 1) Как экообразование становится одним из

важных механизмов реализации устойчивого развития в КНР? 2) На каком этапе находится современное экообразование в КНР? и 3) Какую роль играет международное сотрудничество в процессе совершенствования качества китайского экологического образования?

Основная часть

Благодаря стараниям ООН в последние 20 лет в мире активно внедряется образование в области устойчивого развития (ОУР). Вместе с тем распространены несколько отличающихся интерпретаций целей и задач экологических дисциплин. Российский ученый А. В. Агбедахин утверждает, что ОУР требует систематической или специальной интеграции, включения или актуализации важнейших вопросов и концепций устойчивого развития во всех формах и уровнях преподавания и обучения. К таким вопросам относятся изменение климата, продовольственная безопасность, снижение экологических поисков и управление ими, биоразнообразие, сокращение бедности, устойчивое производство и потребление, проблемы деградации земель, сохранения качества воды и общественного здоровья, исчезновение видов растений и животных, управление отходами и эффективность использования ресурсов [2]. Его коллега, А. Насибулина считает, что ОУР скорее является инструментом ценностной социально-экономической модернизации, учитывающим культурные особенности локальных сообществ [3]. Ценностная модернизация может рассматриваться и в контексте воспитательной функции образования. В. С. Хетагурова и И. Ю. Яковлева, [4] Ван Кун и Ван Вэньхун [5] полагают, что основной целью ОУР является развитие человеческого потенциала посредством расширения экологической повестки и усиления значимости инноваций. В этой связи Н. К. Василики, [6], Б. П. Комб, [7] и Ван Цяолин [8] полагают, что образование является наиболее важным инструментом для изменения мировоззрения и ценностей людей в глобальном масштабе,

а потому обладает огромным потенциалом с точки зрения решения актуальных проблем, стоящих перед человечеством.

Одним из ответвлений рассмотренной интерпретации экообразования может считаться экологическая этика, которая набирает особую популярность в китайской академической среде. Чжоу Чуаньюн считает, что экообразование заключается в применении принципов и знаний экологии к нравственному воспитанию и улучшению качества учащихся [9]. Ученый Чжан Чэнью обращает внимание на различия экологических проблем, с которыми сталкивается эко-образование, и отмечает, что перед лицом одних и тех же экологических проблем существуют разные способы их решения в зависимости от особенностей местной культуры, а также уровня экономического и социального развития государства и общества [10].

В целом ОУР и экообразование рассматриваются ученым сообществом в качестве важного инструмента реализации устойчивого развития в экономическом, социальном и экологическом аспектах. С одной стороны, экообразование способствует преодолению дилеммы роста населения и распределения природных ресурсов. С другой стороны, повышает уровень человеческого потенциала, совершенствуя общественные ценности, знания и навыки.

Экообразование в Китае. В 1992 году китайское правительство провело первую национальную конференцию по экообразованию и обнародовало «Десять основных контрмер для охраны окружающей среды и развития Китая». В этом документе впервые были увязаны понятия «окружающая среда» и «развитие» [11]. В 1994 году Правительство КНР обнародовало «Повестку дня Китая на XXI век», в соответствии с которой университеты обязались предусматривать в учебной программе дисциплины по экологии. В 1996 году в КНР обнародован «Национальный план действий по экологической пропаганде и образованию на 1996–2010 гг.», в котором упоминалась реализация проекта «зеленых университетов». Данный проект был призван стать локомотивом разработки и продвижения экологического образования в том числе и в качестве примера успешной реализации экологической устойчивости в конкретном университетском кампусе [12]. В 2006 году Министерство образования Китая выпустило два документа по энергосбережению и сокращению выбросов при строительстве инфра-

структуры университетов: «Рекомендации по созданию университета, ориентированного на сохранение природы» и «Рекомендации по проведению в университетах мероприятий по энергосбережению и сокращению выбросов». На примере Университета Цзянсу можно проследить реализацию данных документов, где при строительстве кампуса были внедрены технологии солнечной энергетики, закрытого цикла использования водных ресурсов и электрический транспорт [13].

Важно отметить, что в ранний период внедрения экологического образования Китай в первую очередь сконцентрировался на теоретическом осмыслении предстоящих преобразований в областях охраны окружающей среды и сокращения загрязнений. В последующем теория уступила место социальной практике. С 2003 года ежегодно проводится научно-популярная акция по охране окружающей среды в сельской местности, в рамках которой студенты-добровольцы распространяют среди фермеров информацию об охране окружающей среды, продвигая принципы устойчивого производства и экологического образа жизни. Данная акция уже охватила 20 000 деревень, 120 000 студентов и более 2 000 000 фермеров [14]. Другой пример: в 2015 году две команды студентов Университета Цинхуа внедрили технологии солнечной энергии в провинции Сычуань в целях решения проблемы нехватки электричества в отдаленных районах. Одновременно были внедрены «зеленые» технологии переработки воды в целях обеспечения питьевой водой фермеров провинции Шаньси [15].

На волне успехов внедрения экологических стандартов в повседневную жизнь общества остро встал вопрос искоренения социальных дисбалансов и обеспечения сходного уровня экологической устойчивости в различных регионах КНР. В рамках новых приоритетов в 2018 г. правительство Китая обнародовало «Стратегический план возрождения и развития села», а в 2021 году – «Мнение по содействию качественному развитию общественных культурных услуг». Данные документы были направлены на формирование условий для выравнивания социально-культурных стандартов жизни городского и сельского населения страны. Например, в деревне Линтоу в округе Гуанчжоу был создан специализированный парк черного чая, который представляет собой культурно-производственный комплекс, сочетающий в себе сбор и производство чая, сохранение ремесленных традиций древней

провинции Линнань, туристическую привлекательность и научно-исследовательскую составляющую образовательного процесса. Другой пример – внедрение интернет-технологий и экологических стандартов в целях искоренения бедности. Компания Алибаба запустила проект «Интернет + бедность» [16], в котором предоставлены технологии обучения и создания онлайн-торговой площадки для фермеров.

Помимо реализации национальных проектов в области экообразования, Китай прилагает усилия по улучшению взаимодействия между властями, предприятиями, общественными организациями и отдельными людьми. Например, во многих провинциях и больших городах реализуется инициатива по продвижению низкоуглеродного поведения в повседневной жизни общества. В рамках акции за ответственное экологическое поведение население получает купоны, которые можно обменять на потребительские товары и услуги [17].

В целом можно заключить, что, с одной стороны, проводимая политика направлена на преодоление проблем региональных дисбалансов развития Китая, с другой стороны, усиливается и общая осведомленность общества об экологической проблематике благодаря синхронизации работы государства с университетами, СМИ, общественными организациями и предприятиями. На данном этапе остро возник вопрос совершенствования качества образования. Одним из важнейших инструментов в этом направлении видится международное сотрудничество, которое может обеспечить эффективный обмен опытом, взаимное обучение и реализацию совместных исследований. В этой связи вопрос интернационализации китайского экообразования является одним из постоянных приоритетов реализации государственной политики в области высшего образования, а также целей развития конкретных учреждений высшего образования в КНР.

Интернационализация экообразования в КНР. Интернационализация высшего образования представляет собой двунаправленный процесс: «Совершенствование качества образования является основой международной интеграции, в то время как интеграционный процесс выступает пространством совершенствования качества образования» [18]. Иными словами, цель совершенствования качества образования недостижима без международной кооперации, а международная кооперация продвигает и усиливает международную

интеграцию. Вместе с тем интернационализация рассматривается эффективным инструментом социально-экономической модернизации развитых и развивающихся государств, воздействующим на институциональное и социально-культурное развитие общества посредством образовательной деятельности [19]. В этом контексте Китай активно работает над созданием международной сети экообразования, прилагая все больше усилий на пути международного сотрудничества, исходя из растущих требований граждан к улучшению качества жизни.

В последние годы повышение качества экообразования стало одним из приоритетов национального развития Китая. Министерство образования КНР последовательно опубликовало ряд рекомендаций, направленных на ускорение работы в данном направлении. Среди изданных документов важно упомянуть «Рекомендации по комплексному повышению качества высшего образования» (2012 г.), «Рекомендации по ускорению строительства высшего образования и комплексному улучшению возможностей подготовки кадров» (2018 г.) и «Модернизация образования в Китае 2035» (2019 г.), которые направлены на создание международной платформы образовательного обмена, а также совместных исследовательских институтов в области экологии. Например, в рамках отмеченных директив Университет Тунцзи совместно с программой ООН по окружающей среде создал Институт устойчивой окружающей среды (IESD), который в 2006 г. запустил магистерскую, а в 2008 г. аспирантскую программы по экологическому менеджменту и устойчивому развитию [20]. Данный проект подготовил 595 студентов из 96 стран мира, большинство из которых были представителями африканских стран, особенно нуждающихся в улучшении экологической устойчивости [21].

В рамках реализации указанных рекомендаций также были образованы сеть китайских зеленых университетов (2011 г.), ассоциация зеленых кампусов Китая (2016 г.) и альянс образования экологической цивилизации китайских университетов (2018 г.). На международном уровне многие китайские университеты вступили в Азиатско-Тихоокеанскую образовательную сеть в области устойчивого развития (ProsPER.Net). Сеть ежегодно организует научные конференции по устойчивому развитию и осуществляет ряд совместных проектов, которые затрагивают такие темы, как

экономика замкнутого цикла, изменение климата, устойчивое развитие городов и снижение загрязнения окружающей среды в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Международная сеть стала связующим звеном между Китаем и другими странами в области экологического образования.

В 2012 г. ООН учредила Глобальную сеть университетов по окружающей среде и устойчивому развитию (GUPES). В рамках этой сети китайские университеты реализуют проекты технического сотрудничества в Африке [22]. Например, Технологический университет Хубэй и Университет Венда в Южной Африке достигли соглашения о совместном создании Института Конфуция по зеленым технологиям, что послужит расширению модернизационных возможностей развивающихся стран Африки.

Перечисленные примеры свидетельствуют об эффективных усилиях по совершенствованию качества экообразования в Китае, в том числе и благодаря усилению его влияния в развивающихся странах. С другой стороны, эти усилия повышают осведомленность китайского общества об экологической проблематике и способствуют социально-экономической модернизации КНР. Благодаря усилению интернационализации существенно улучшается качество китайского экообразования и одновременно усиливается интеграция КНР со странами-партнерами, что улучшает социально-экологические условия на национальном и региональном уровнях.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что экообразование стало важным инструментом по глобальному продвижению целей устойчивого развития. В связи с этим китайские власти реализуют ряд стратегий, направленных на развитие экообразования в стране и его всестороннюю интернационализацию. Благодаря реализации таких проектов, как «Зеленый университет» и «Возрождение и развитие села» экологическое образование реализуется на практике, происходит всестороннее внедрение экологического знания в жизнь государства и общества, что улучшает качество жизни и искореняет географические дисбалансы развития КНР. Вместе с этим благодаря интернационализации улучшается качество экообразования, усиливается международная интеграция и кооперация КНР, эффективно укрепляются университетские, национальные

и международные связи, что способствует продвижению экологического знания в региональном и глобальном масштабах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 段从宇. 中国式现代化进程中教育、科技、人才三者关系的科学识辨与正确处理 / 段从宇, 胡礼群, 张逸闲 // 教育科学. – 2023. – Vol. 39, № 2. – P. 48–55. = Дуань Цунью. Научная идентификация и правильное использование взаимосвязи между образованием, технологиями и талантами в процессе китайской модернизации / Цунью Дуань, Лицзюнь Ху, Исянь Чжан // Педагогическая наука. – 2023. – Т. 39, № 2. – С. 48–55.
2. Sustainable development, Education for Sustainable Development, and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Emergence, efficacy, eminence, and future / A. V. Agbedahin // Sustainable Development. – 2019. – Vol. 27, № 4. – P. 669–680.
3. Education for sustainable development and environmental ethics / A. Nasibulina // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2015. – № 214. – P. 1077–1082.
4. Ecological education as a basis for an ecological culture of the Russian society / V. S. Khetagurova, I. I. Yurievna, G. A. Bryukhanova [et al.] // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2015. – Vol. 6, № 1. – P. 78–89.
5. 王坤. 基于《地球宪章》的可持续发展教育价值观研究 / 王坤, 房文红 // 教育学报. – 2013. – Vol. 9, № 4. – P. 55–60. = Ван Шен. Исследование образовательных ценностей для устойчивого развития на основе «Хартии Земли» / Шен Ван, Вэньхун Фан // Журнал образования. – 2013. – Т. 9, № 4. – С. 55–60.
6. Education for sustainable development: A systemic framework for connecting the SDGs to educational outcomes / V. Kioupi, N. Voulvoulis // Sustainability. – 2019. – Vol. 11, № 21. – P. 6104.
7. The United Nations decade of education for sustainable development (2005–2014): Learning to live together sustainably / B. P. Combes // Applied Environmental Education and Communication. – 2005. – Vol. 4, № 3. – P. 215–219.
8. 王巧玲. 可持续发展教育十年: 别国经验与中国模式 / 王巧玲 // 中国德育. – 2015. – № 17. – P. 18–23. = Ван Цяолин. Десять лет образования для устойчивого развития: опыт других стран и китайская модель / Цяо

лин Ван // Китайское нравственное воспитание. – 2015. – № 17. – С. 18–23.

9. 周传勇. 高校生态文明教育的主体性构建 / 周传勇, 蔡玉帅 // 世纪桥. – 2008. – № 6. – P. 119–120. = Чжоу Чуаньюн. Конструирование субъектности в экологическом цивилизационном образовании в колледжах и университетах / Чуаньюн Чжоу, Юшуай Ци // Мост Века. – 2008. – № 6. – С. 119–120.

10. 张晨宇. 生态文明教育融入高等教育的历史、现状与未来 / 张晨宇, 于文卿, 刘唯贤 // 清华大学教育研究. – 2021. – Vol. 42, № 2. – P. 59–68. = Чжан Ченю. Образование в области экологической цивилизации интегрировано в историю, текущую ситуацию и будущее высшего образования / Ченю Чжан, Вэньцин Юй, Вэйсянь Лю // Образовательное исследование университета Цинхуа. – 2021. – Т. 42, № 2. – С. 59–68.

11. 田友谊. 中国环境教育四十年: 历程、困境与对策 / 田友谊, 李婧玮 // 江汉学术. – 2016. – Vol. 35, № 6. – P. 85–91. = Тянь Юй. Сорок лет экологического образования в Китае: история, дилеммы и меры противодействия / ЮйТянь, Цзинвэй Ли // Цзянханьский академический. – 2016. – Т. 35, № 6. – С. 85–91.

12. 姚素洁. 生态文明教育与“绿色大学”建设研究 / 姚素洁, 孟伟 // 齐鲁师范学院. – 2017. – Vol. 32, № 2. – P. 46–51. = Яо Суцзе. Исследования в области экологического цивилизационного образования и строительства «зеленого университета» / Суцзе Яо, Вэй Мэн // Журнал Педагогического университета Цилу. – 2017. – Т. 32, № 2. – С. 46–51.

13. 孙嘉格. 基于绿色发展理念的绿色大学建设研究 / 孙嘉格 // 创新创业理论与实践. – 2020. – Vol. 3, № 23. – P. 79–81. = Сунь Цзяге. Исследование по строительству зеленых университетов на основе концепции зеленого развития / Цзяге Сунь // Исследования и практика теории инноваций и предпринимательства. – 2020. – Т. 3, № 23. – С. 79–81.

14. Кампания по популяризации науки об охране окружающей среды, проводимая студентами-волонтерами колледжей, в тысячах деревьев : [сайт]. – Пекин, 2003–2023. – URL: <https://baike.baidu.com/item> (дата обращения: 21.10.2023).

15. Отчет по социальной практике студентов Университета Цинхуа за 2017 год : [сайт]. – Пекин, 2017–2023. – URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1180/54726.htm> (дата обращения: 21.10.2023).

16. 张凤莲. 文化精准扶贫成果与乡村文化振兴有效衔接的逻辑机理与路径选择 / 张凤莲, 赵迎芳 // 山东社会科学. – 2023. – № 3. – P. 5–13. = Чжан Фэнлянь. Логический механизм и выбор пути для эффективной связи между результатами культурного целевого снижения уровня бедности и возрождением культуры в сельской местности / Фэнлянь Чжан, Инфан Чжао // Социальные науки Шаньдуна. – 2023. – № 3. – С. 5–13.

17. 景司琳. “双碳”目标下我国碳普惠制的探索与实践 / 景司琳, 张波, 臧元琨, 孙新宇 // 中国环境管理. – 2023. – Vol. 15, № 5. – P. 35–42. = Цзин Силинь. Изучение и применение на практике системы углеродного ВСП Китая в рамках цели «удвоения выбросов углерода» / Силинь Цзин, Бо Чжан, Юанькунь Цзан, Синью Сунь // Экологический менеджмент Китая. – 2023. – Т. 15, № 5. – С. 35–42.

18. *Смоляков, Д. А.* Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы / Д. А. Смоляков. – Мн.: Беларуская навука, 2020. – 223 с.

19. *Смоляков, Д. А.* Проблема внешнего влияния в контексте международного образовательного сотрудничества: социально-философский аспект / Д. А. Смоляков // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 95–101.

20. Establishing transdisciplinary minor programme as a way to embed sustainable development into higher education system: Case by Tongji University, China / Q. Jia, Y. Wang [et al.] // International Journal of Sustainability in Higher Education. – 2019. – Vol. 20, № 1. – P. 157–169.

21. 2021 IESD Annual Report : [сайт]. – Шанхай, 2021–2023. – URL: <https://unep-iesd.tongji.edu.cn/iesden/wublication/list.htm> (дата обращения: 08.11.2023).

22. Университет Ланьчжоу успешно тестирует сельскохозяйственную технологию засушливых земель, чтобы помочь улучшить продовольственную безопасность в Африке : [сайт]. – Ланьчжоу, 2015–2023. – URL: <https://sklgaе.lzu.edu.cn/info/1045/1994.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

Поступила в редакцию 19.06.2025 г.
Контакты: 1114845956@qq.com (У Цзиаци)

Wu Jiaqi. THE INFLUENCE OF ENVIRONMENTAL EDUCATION POLICY ON SOCIAL DEVELOPMENT IN MODERN CHINA

At present, sustainable development has become a constant trend on the international agenda. In this context, China regards environmental education as an important tool for social development. The article focuses on the

analysis of the impact of environmental education policy on China's social development at both national and international levels. International cooperation plays an increasingly important role in the process of implementing China's ecological civilization.

Keywords: environmental education, sustainable development, social development, ecological civilization.

УДК 821.131.1.09Петрарка(082.22)+82(474.5/476ВКЛ).09»15»

УПЛЫЎ ТВОРЧАСЦІ Ф. ПЕТРАРКІ НА ЛІТАРАТУРУ ВКЛ XVI СТАГОДДЗЯ

У. І. Чарота

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік аддзела беларускай літаратуры XX і XXI стст.

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальная акадэмія навук Беларусі

Артыкул прысвечаны праблеме рэцэнцыі творчасці Ф. Петраркі літаратурай ВКЛ XVI ст. Высветлена, што засваенне яго літаратурнай спадчыны адбывалася ў форме цытавання (паэма «Wiek Ludzki» (1584) С. Кулакоўскага, «Адказ клірыка Астрожскага Іпацію Пацею» (1598)). Названыя аўтары надавалі вытрымкі на польскай і царкоўнаславянскай мовах з лацінамоўных твораў Ф. Петраркі (тракат «De remediis utriusque fortunae» і ліст [XIX]. «Fran. Petrarca amico, S. Periculum egresso gratulatur & ut caveat hortatur» («Evasisti, erupisti, enatasti, evolasti...»)). Пытанне, адкуль цытаты транілі ў творы С. Кулакоўскага і клірыка Астрожскага: непасрэдна з выданняў літаратурнай спадчыны італьянскага пісьменніка або праз крыніцы-пасрэдніцы, застаецца адкрытым.

Ключавыя словы: рэцэнцыя, цытата, С. Кулакоўскі, «Wiek Ludzki», «Адказ клірыка Астрожскага Іпацію Пацею» (1598).

Уводзіны

Да найбольш значных з’яў сусветнага мастацтва слова належаць, бясспрэчна, творы Франчэска Петраркі (італ. Petrarca Francesco, лац. Petrarca Franciscus; 1304–1374). Яго заслугі перад еўрапейскай культурай і яго ўнёсак у скарбніцу сусветнай літаратуры цяжка пераацаніць. Спадчына гэтага італьянскага гуманіста асэнсоўваецца даследчыкамі ўсяго свету ў розных аспектах, уключаючы прысутнасць у нацыянальных літаратурах. Дадзены артыкул мы вырашылі прысвяціць даследаванню праблемы рэцэнцыі творчасці Франчэска Петраркі літаратурай Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст. і высветліць, у якіх формах адбывалася засваенне спадчыны італьянскага пісьменніка ў названы перыяд і да якіх менавіта яго твораў звярталіся мастакі слова ВКЛ.

Асноўная частка

Адразу ж адзначым, што некаторыя даследчыкі бяздоказна сцвярджалі, што Фран-

цыск Скарына і Мікола Гусоўскі былі знаёмы з паэзіяй ўрадженца Фларэнтынскай рэспублікі. Відаць, на іх меркаванні ў значнай ступені паўплывала тое, што і беларускі першадрукар, і паэт-лацініст некаторы перыяд свайго жыцця правялі ў Італіі.

Напрыклад, гісторык і публіцыст Адам Станкевіч у манаграфіі «Doktar Franciśak Skaryna – pieršy drukar biełaruski (1525–1925)» пісаў: «Nieśmiarotny Dante, ślaŭny Petrarka, Bokkaćio i inš. wialikija paety – patryjoty soniećnaj Italii, pradwieśniki humanizmu, twarcy nieśmiarotnych literaturnych tworaŭ u ŭywoj narodnaj mowie, byli dobra wiedamy Skarynie i śluŭyli bahatymi ŭzorami da jaho kulturnapraświetnaj dziejalnaści» [1, s. 17], аднак ён не патлумачыў, на падставе чаго прыйшоў да такіх высноў. У манаграфіі «Николай Гусовский» (1984) літаратуразнавец Я. І. Парэцкі спачатку адзначае: «На наш погляд... аўтар паэмы пра зубра мог чэрпаць... і з твораў Дантэ, Петраркі, Бакача, якімі захапляліся светлыя розумы таго часу» [2, с. 29] (тут і далей пераклад з рускай, польскай, лацінскай моў на беларускую наш. – У. Ч.). А далей на гэты конт у яго яшчэ больш катэгарычныя сцвярджэнні: «У любым выпадку, не дыдактычная паэзія, а такія творы, як “Боская камедыя” ці санеты Петраркі, узбагачалі ўяўленне, спрыялі роздумам Гусоўскага аб людзях і іх лёсах» [2, с. 30]; «Геній такіх творцаў, як Дантэ, Петрарка, натхніў паэта на пераасэнсаванне з’яў і падзей навакольнага свету» [2, с. 38]. Сваю думку, што паэт-лацініст XVI ст. «мог чэрпаць» з твораў Ф. Петраркі, Я. І. Парэцкі абгрунтоўвае наступным: у «Песні пра зубра» аўтар «...выказаўся з’едліва адносна “непадкупнасці” папы Адрыяна VI, верагодна, таму, што пранікся антыпапскай традыцыяй Дантэ і Петраркі» [2, с. 34]. Як ні дзіўна, толькі гэтага Я. І. Парэцкаму аказалася дастаткова, каб сцвярджаць пра знаёмства М. Гусоўскага са спадчынай аўтара «Канцаньер». Іншых доказаў у яго кнізе няма.

Больш прадметную гаворку пра прысутнасць твораў Франчэска Петраркі на беларускіх землях і рэцэпцыю яго літаратурнай спадчыны можна весці на матэрыяле пазнейшага часу.

Так, у 1584 г. была надрукавана без указання месца выдання і выдаўца паэма «Wiek Ludzki. Albo krotkie opisanie wieku czlowieczego. Jako jest odmienny / pelen rozmaitych affektow y przyrodzonych przymiotow / a co za powinności czlowiekowi / w każdym stanie iego są z mędcow naznaczone» [3, к. 1] («Век чалавечы, альбо Кароткае апісанне чалавечага веку: які ён зменлівы, поўны разнастайных пачуццяў і прыродных уласцівасцей, і якія павіннасці чалавеку ў кожным яго стане мудрацы прыпісваюць» (пер. з пол. А. Бразгунова) [4, с. 289]) Станіслава Кулакоўскага (Калакоўскага) (Kołakowski Stanisław; другая палова XVI ст. – пасля 1612). Гэты твор айчынныя літаратуразнаўцы прылічваюць да ярскравых узораў маральна-дыдактычнай паэзіі Вялікага Княства Літоўскага [4, с. 29–30; 5, с. 292]. Даследчык С. В. Кавалёў выказаў

*...ieśli kto ma śliczną piękność /
Żeby się starał aby iey nie szpecila złość /
Ale żeby się y zwnątrz przyozdabiał cnotą /
Która iego urodzie będzie szatą złotą.
A ieśli zaś kto szpetny / więc swą nie urodę /
Zdobić cnotą / nauką / poki ma pogodę*
[3, к. 6v].

Далей ідуць наступныя радкі:

*Czego tu y Petrarcha poświadcza statecznie /
chwaląc ozdobę cnoty z nauką społecznie /
Mówiąc : Lepiej iest gładkim stać się niż urodzić /
Bo gładkość zwierzchnia zwykła wielu w błąd zawodzić :
A zwłaszcza białogłowy / w obyczaiu maią /
Że w piękności tej zwierzchney szczęście pokładaią.
Lecz trwalsza iest ozdoba którą cnota rodzi /
Bo ta w sławę pocziwą / y w Niebo nas wwoździ* [3, к. 6v–7].

Падрадкоўны пераклад:

Што яму і Петрарка пацвярджае пастаянна,
Услаўляючы маральную чысціню разам з навукай,
Кажучы: Лепей прыгожым зрабіцца, чым нарадзіцца,
Бо прыгажосць знешняя звычайная многіх у зман уводзіць.
А асабліва жанчыны звычай маюць,
Што ў прыгажосці гэтай знешняй шчасце бачаць.
Але больш трывалая прыгажосць, якую дабрадзеінасць нараджае,
Бо яна да добрай славы і ў Неба нас вядзе.

цалкам лагічнае меркаванне наконт таго, што паэма выйшла з друку ў Вільні, таму што там убачылі свет і тры наступныя кнігі С. Кулакоўскага («Wóz niebieski albo Elegie o trzech cnotach teologicznych i czterech kardynalnych» (1586), «O prawdziwey szczęśliwości y błogosławieństwie» (1593), «Cathemerinon Księstwa Śluckiego z żaobliwym lamentem na pośpieszną śmierć sławnej pamięci książąt śluckich: Jerzego, Jana Siemiona y Aleksandra, ostatnich dziedzicow» (1593)) [5, с. 293, 303]. Няма патрэбы спыняцца і тлумачыць, пра што апублікаваны ў 1584 г. паэтычны твор, бо яго назва гаворыць сама за сябе. З загатоўка вынікае таксама, што ў паэме аўтар карыстаўся вопытам «мудрацоў» і абавіраўся на іх выказванні, разважаючы пра розныя перыяды жыцця чалавека.

Так, напрыклад, пішучы пра «маладосць, падобную да лета» [3, к. 6], у другой частцы твора С. Кулакоўскі прыгадвае выпадак са старажытнагрэчаскім філосафам Сакратам, калі ён сказаў юнакам паглядзецца ў люстэрка і пасля гэтага павучаў іх:

*...той, хто мае пекнасць прыгажосці,
Хай яе не паскудзіць брудам лютой злосці,
А знутры пекнасць цела цнотай аздабляе,
І яна – нібы шаты золатам – зазьяе;
Непрывабны адчаю хай не падаецца,
А да цноты й навукі як маза імкнецца*
(Пер. А. Бразгунова) [4, с. 307].

У выніку пошукавай працы і аналізу тэкстаў на італьянскай і лацінскай мовах, якія складаюць літаратурную спадчыну Франчэска Петраркі, мы прыйшлі да высновы, што тут аўтар маральна-дыдактычнай паэмы «Век чалавечы...» спасылаецца на напісаны на лацінскай мове трактат у форме дыялогаў «De remediis utriusque fortunae» («Пра сродкі супраць зменлівасці лёсу»; 1366). Доказам гэтаму, у прыватнасці, служыць даслоўная вытрымка з названай працы італьянскага мысліцеля: фраза «Leprieu iest gladkim stać się niż urodzić» – не што іншае, як польскамоўны эквівалент выслоўя пачынальніка гуманістычнай культуры Адраджэння, якое ў арыгінале гучыць наступным чынам: «Pulchrius est pulchrum fieri quam nasci» (Lib. II, Dialog. I. «De deformitate corporis») [6, p. 126] (Літаральны пераклад: «Лепей прыгожым зрабіцца, чым нарадзіцца» (Кн. 2, Дыялог 1. «Пра непрыгожасць цела»)). У кантэксце ўсёй рэплікі Розуму (Ratio) на пытанне Смутку (Dolor), чаму прырода стварыла яго непрыгожым, сэнс гэтага выказвання становіцца больш зразумелым: Ф. Петрарка аддае перавагу набытай унутранай прыгажосці, а не прыроднай знешняй. Ён сцвярджае, што краса душы застаецца з чалавекам у старасці, падчас хваробы, у труне, у магіле («...ea forma... tecum esset in senio, in grabatulo, in feretro, in sepulchro...») [6, p. 126]. Гэтая ж думка гучыць і ў другім дыялогу першай кнігі «De forma corporis eximia» («Пра надзвычайную прыгажосць цела»), дзе Ф. Петрарка сцвярджае: «...animae pulchritudo multo suavior certiorque quam corpori... Illam optare, illi operam impendere dignum erat, quam nec dies longa detereret, nec morbus extingueret, nec mors irpsa...» [6, p. 9] (Пераклад: «...прыгажосць душы намога больш прывабная і трывалая, чым цела... Варта яе жадаць, для яе [дасягнення] намаганні прыкладаць, якую ні час не сатрэ, ні хвароба не знішчыць, ні сама смерць...»). У трактаце «Пра сродкі супраць зменлівасці лёсу», як і ў іншых творах, італьянскі гуманіст запэўнівае, што «...няма нічога больш слаўнага, чым дабрадзейнасць...» («...gloriosum nihil nisi virtus...») [6, p. 126]), і што праз дабрадзейнасці, якія аздабляюць душу, адкрываецца шлях да яе ўзвышэння («...honestandi animi materiam assurgendique aditum per virtutes aperit») [6, p. 126]).

На думку Ф. Петраркі, знешняя ж прыгажосць толькі перашкаджае тым, хто імкнецца трымацца дабрадзейнасці і хоча ўзнесціся душою ўвысь («Habes velum oculis, laqueum pedibus, alis viscum, haud facile seu

vera discernere, seu virtutem sequi poteris, seu in altum evolare animo...») [6, p. 9]); «...мімалётны і кволы дар прыроды, мала каму яна прынесла карысць, многіх прывяла да пагібелі, нікому не была дадзена для шчасця і сапраўднай славы» («Forma fugax & fragile naturae donum, paucis ad utilitatem, multis ad perniciem, nulli ad salutem veramque gloriam data est») [6, p. 125]); «Многім прыгажосць шкодзіць, усім прыносяць клопаты, а некаторых... у грэх уводзіць» («Multis forma nocuit, cunctos exercuit, quosdam... in culpam trusit») [6, p. 126]).

Як можна заўважыць, стаўлеўне да знешняй і ўнутранай прыгажосці ў Ф. Петраркі і С. Кулакоўскага падобнае. Прымаючы пад увагу наяўнасць цытаты з трактата «Пра сродкі супраць зменлівасці лёсу» ў паэме «Век чалавечы...», лагічна будзе дапусціць, што гэтае супадзенне канцэпцый прыгожага ў чалавеку абодвух аўтараў не выпадковае, а вынік знаёмства мясцовага аўтара з творам італьянскага гуманіста. Тады атрымліваецца, што аўтар паэмы запазычыў з трактата італьянца тэа думкі, якія адпавядалі яго ўласным поглядам, і перадаў іх сваімі словамі. Заўважым: на падставе працываных вышэй радкоў з паэмы «Век чалавечы...» не ўяўляецца магчымым вызначыць, якое выданне трактата «Пра сродкі супраць зменлівасці лёсу» магло быць у С. Кулакоўскага і ці чытаў ён гэтую працу італьянскага мысліцеля ў арыгінале або ў перакладзе (на момант публікацыі маральна-дыдактычнай паэмы ў 1584 г. твор Ф. Петраркі быў ужо надрукаваны па-чэшску, па-французску, па-нямецку, па-італьянску, па-іспанску).

Здавалася б, на гэтым у даследаванні дадзенага факта рэцэпцыі можна было б паставіць кропку. Аднак, ведаючы, што цытаты з твораў італьянскіх пісьменнікаў часам траплялі ў творы мясцовых аўтараў праз крыніцы-пасрэдніцы [гл. напр.: 7, с. 47–48], мы дапусцілі падобную сітуацыю і ў гэтым выпадку. Ці не мог С. Кулакоўскі азнаёміцца з фрагментам трактата «Пра сродкі супраць зменлівасці лёсу» праз якую-небудзь маральна-дыдактычную працу або фларылегій (зборнік выпісак з твораў антычных і сярэднявечных аўтараў)?

Нашу ўвагу прыцягнуў трактат «Vita honesta, sive virtutis: quomodo quisque vivere debeat, omni aetate, omni tempore, et quolibet loco, erga Deum et homines» («Сумленнае жыццё, або цнатлівае: як кожны павінен жыць у кожным узросце, ва ўсе часы і ў любым месцы ў адносінах да Бога і людзей»; Кёльн, выд. 1527) Германа Шотэна (ням. Hermann Schotten,

лац. *Hermannus Schottennius Hesus*; каля 1503–1546). Да 1584 г. гэтая праца перавыдавалася ў розных гарадах Заходняй Еўропы больш за дзесяць разоў. Акрамя таго, з 1541 да 1555 г. у Кракаве ўобычлі свет шэсць выданняў трактата Германа Шотэна на лацінскай мове, а ў канцы XVI ст. з’явіўся і яго пераклад на польскую мову [8, s. IV–V]. У раздзеле «*De Adolescentia*» («Пра маладосць») чытаем: «*Nam ut inquit Fran: Petrarcha, in li. de adversa fortu. Pulchrius est pulchrum fieri, scilicet scientia & virtute: quam pulchrum nasci, scilicet corpore*» [9, p. 38–39]. Як бачым, Герман Шотэн указвае крыніцу, а словы Петраркі дапаўняе сваімі тлумачэннямі: «Лепей прыгожым зрабіцца, г. зн. навучкай і дабрадзейнасцю, чым нарадзіцца, г. зн. целам». Наогул мы заўважылі, што ў «Другой частцы веку чалавечага» С. Кулакоўскі спасылаецца на тых жа «мудрацоў», да якіх апелюваў і аўтар «*Vita honesta, sive virtutis*» у раздзеле «*De Adolescentia*»: 161–165 радкі з «Паслання да Пізонаў» («Навука паэзіі») Гарацыя (Квінт Гарацый Флак; 65–8 да н.э.); словы з камедыі «Дзяўчына з Андраса» («Андрыянка») Тэрэнцыя (Тэрэнцій Публій Афр; каля 195–159 да н.э.); выслоўе старажытнагрэчаскага філосафа Фалеса (Талеса) з Мілета (каля 625 – каля 547 да н.э.); «Геркулесаў прыклад», прыведзены Цыцэронам (Марк Тулій Цыцэрон; 106–43 да н.э.) у першай кнізе трактата «Аб абавязках»; 139 радок з паэмы «Сродкі ад каханья» («Лекі ад каханья») Авідзія (Публій Авідзій Назон; 43 да н.э. – каля 18 н.э.); 435–439 радкі з 12-й кнігі гераічнай паэмы «Энеіда» Вергілія (Публій Вергілій Марон; 70–19 да н.э.) [9, p. 37–41]. Акрамя таго, Герман Шотэн згадвае пра звычай рымлян (пра нашэнне на шыі булы ў дзяцінстве, прэтэксты (аб’ямаванай пурпурам белай тогі) хлопчыкамі), піша пра тое, якія настаўленні юнакам даваў Сакрат, што «...толькі вучоныя і мудрыя па-сапраўднаму багатыя» [9, p. 36, 39] і г.д. На наш погляд, гэтага больш чым дастаткова, каб выказаць здагадку, што пры стварэнні маральна-дыдактычнай паэмы «Век чалавечы...», прынамсі другой яе часткі, С. Кулакоўскі карыстаўся адным з выданняў трактата «*Vita honesta, sive virtutis*» Германа Шотэна.

У дадзеным выпадку, на нашу думку, немагчыма даць адназначны адказ на пытанне, адкуль цытата з «*De remediis utriusque fortunae*» («Пра сродкі супраць зменлівасці лёсу») Ф. Петраркі трапіла ў паэму С. Кулакоўскага: непасрэдна з трактата італьянскага пісьменніка або праз якую-небудзь крыніцу-пасрэдніцу, у тым ліку не выключана, што і

праз адно з выданняў працы Германа Шотэна.

Завяршаючы размову пра рэцэпцыю творчасці Ф. Петраркі літаратурай ВКЛ у XVI ст., згадаем, што ў такім помніку палемічнай рэлігійнай літаратуры, як «Отпись (Отвѣтъ) на Листъ въ Божѣ велебного отца Ипатія, Володимерского і Берестейского епископа, до ясне освещеного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского – О залецанью и прехваляньню Восточной церкви з Заходным костелом унѣи або згоды, въ року 1598 писаний», клірык Астрожскі, каб апісаць жахлівае ў маральным і духоўным планах становішча спраў у Католическай царкве, падае пераклад на царкоўнаславянскую мову ўрыўка з ліста [XIX]. «*Fran. Petrarcha amico, S. Periculum egresso gratulatur & ut caveat hortatur*» («*Evasisti, erupisti, enatasti, evolasti...*») (са зборніка «*Liber sine titulo*» або «*Liber sine nomine*»); «Пытаемо: на когд, съ плачѣмъ пишучи, нарекаль оный вашъ славный писарь [«Петрарха въ книгахъ листовъ. – У. Ч.] в’ тѣе слова: “и хтожь охолодитъ утисненный свѣт’, хтѣ до першого стѣну приведѣтъ утисненное мѣсто? Хтѣ превротный обычай направитъ, хтѣ распорошѣные овцы згромодитъ, хтѣ пастыри блудячіе скараѣтъ, хтѣ наведѣтъ, хтѣ натягнетъ до клюбѣи своей? И не будѣтъ же конца своволенству и злѣостямъ”» [10, стб. 426].

Заклучэнне

Такім чынам, мы высветлілі, што некаторыя даследчыкі бяздоказна сцвярджалі, што Францыск Скарына і Мікола Гусоўскі былі знаёмы з літаратурнай спадчынай Франчэска Петраркі. Відаць, іх меркаванні грунтаваліся перш за ўсё на тым, што і беларускі першадрукар, і паэт-лацініст некаторы перыяд свайго жыцця правялі ў Італіі. Калі гаварыць пра канкрэтныя факты рэцэпцыі творчасці італьянскага гуманіста, то ў канцы XVI ст. яе «засваенне» адбывалася ў форме цытавання (паэма «*Wiek Ludzki*» (1584) С. Кулакоўскага, «Адказ клірыка Астрожскага Іпацію Пацею» (1598)). Звернем увагу на тое, што названыя аўтары падавалі вытрымкі на польскай і царкоўнаславянскай мовах з лацінамоўнай спадчыны Франчэска Петраркі (трактат «*De remediis utriusque fortunae*» і ліст [XIX]. «*Fran. Petrarcha amico, S. Periculum egresso gratulatur & ut caveat hortatur*» («*Evasisti, erupisti, enatasti, evolasti...*»)). Пытанне, адкуль цытаты трапілі ў творы С. Кулакоўскага і клірыка Астрожскага: непасрэдна з выданняў літаратурнай спадчыны італьянскага пісьменніка або праз крыніцы-пасрэдніцы, застаецца адкрытым.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Stankiewiĭ, Ad.* Doktor Franciŝak Skaryna – pierŝy drukar biełaruski (1525–1925) / Ad. Stankiewiĭ. – Wilnia : Wyd. «Krynicy», 1925. – 59 s.

2. *Порецкий, Я. И.* Николай Гусовский / Я. И. Порецкий ; науч. ред. З. Ю. Копыцкий. – Минск : Наука и техника, 1984. – 92 с.

3. *[Kolakowsky, S.J.]* Wiek Ludzki. Albo krotkie opisanie wieku czlowieczego. Jako jest odmienny / pełen rozmaitych affektow u przyrodzonych przymiotow / a co za powinności czlowiekowi / w kaźdym stanie tego są z mędrcom naznaczone / [S. Kolakowsky]. – [B.m. : b.w.], 1584. – [10] k.

4. Славянамоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы ; [уклад., прадм. і камент. А. У. Брагунова ; рэдкал.: В. А. Чамярыцкі (старшыня) [і інш.]]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 901 с. – (Помнікі даўняга пісьменства Беларусі).

5. *Кавалёў, С.* Штамтоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу : [манагр.] / С. Кавалёў. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 375 с.

6. *Petrarcha, F.* Opera quae extant omnia : [in 4 t.] / F. Petrarcha [Petrarca]. – Basileae : excud. Henrichus Petri, [1554]. – [14] f., 1375, [84] p.

7. *Чарота, У. І.* Італьянская літаратура на беларускіх землях у XVI–XX стагоддзях / У. І. Чарота ; НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т літаратуразнаўства імя Янкі Купалы ; [наук. рэд. С. С. Лаўшук]. – Мінск : Беларус. навука, 2025. – 158 с.

8. *Schotten, H.* O snocie, abo żywocie czlowiekowi przystojnym / H. Schotten ; wydał S. Ptaszycki. – W Krakowie : W Druk. C. K. Univ. Jagiellońskiego, 1891. – VII, 95 s.

9. *Schottennius Hessus, H.* Vita honesta, sive virtutis quomodo quisque vivere debeat,

omni aetate, omni tempore, et quolibet loco, erga Deum et homines / H. Schottennius Hessus. – Cracoviae : Apud Hieronymum Scharffenberg, 1549. – [95] s.

10. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : [в 39 т.]. – Пб. : [Сенат. тип.], 1872–1927. – Т. 19 : Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3 / [сост. и изд. под ред. П. Гильтебрандта]. – 1903. – XIII с., 1308 стб., 104, 91 с.

Паступіў у рэдакцыю 06.10.2025 г.

Кантакты: vladimir.charota@gmail.com
(Чарота Уладзімір Іванавіч)

Charota U. I. THE INFLUENCE OF F. PETRARCH'S WORKS ON THE LITERATURE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 16TH CENTURY

The article is devoted to the problem of reception of Petrarch's works in the literature of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century.

It has been found out that the assimilation of his literary heritage occurred in the form of quotations (the poem «Wiek Ludzki» (1584) by S. Kolakowski, «The Response of Cleric Ostrozhszkij to Hypatius Pociiej» (1598)). These authors provided excerpts in Polish and Church Slavonic from the works written by Petrarch in Latin (the treatise «De remediis utriusque fortunae» and letter [XIX]. «Fran. Petrarcha amico, S. Periculum egresso gratulatur & ut caveat hortatur» («Evasisti, erupisti, enastasi, evolasti...»)). The question of whether the quotations entered the works of S. Kolakowski and Cleric Ostrozhszkij directly from the editions of the Italian writer's literary heritage or through intermediary sources remains open.

Keywords: reception, quotation, S. Kolakowski, «Wiek Ludzki», «The Response of Cleric Ostrozhszkij to Hypatius Pociiej» (1598).

УДК 811.161.3'367

СІНТАКСІЧНЫЯ ДАМІНАНТЫ АКТУАЛІЗАЦЫЙНАЙ ПРОЗЫ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ КАНЦА ХХ – ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ)

В. М. Шаршнёва

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры славянскай філалогіі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова
ORCID 0009-0006-8092-356X

У артыкуле даецца характарыстыка парцэляцыі і стылістычных фігур, заснаваных на выкарыстанні сінтаксічнага паралелізму і рознага тыпу паўтараў, як сінтаксічных дамінант індывідуальнага аўтарскага стылю. Сцвярджаецца, што сінтаксічныя дамінанты з'яўляюцца надзвычай выразнымі складнікамі актуалізацыйнай ("рубленай", парадыгматычнай) прозы, характэрнай для сучасных пісьменнікаў. Робяцца высновы адносна таго, што дамінантныя парцэляцыя, анафара, эпіфара, кампазіцыйны стык, сімплака пераўтвараюць сінтаксіс з нейтральнага сродку перадачы інфармацыі ў актыўны інструмент эмацыянальнага і энсаванага маніпулявання чытацкай увагай.

Ключавыя словы: дамінанта, сінтаксічны, індывідуальны аўтарскі стыль (ідыястыль), мастацкі, актуалізацыйная ("рубленая", парадыгматычная) проза, парцэляцыя, анафара, эпіфара, кампазіцыйны стык, сімплака.

Уводзіны

Ідэя функцыянавання дамінанта прайшла ў лінгвістыцы тры этапы. Першапачаткова паняцце дамінанты звязвалася з ключавым паняццем на пэўным адрэзку маўлення, потым стала асновай для тэорыі тэма-рэматычнага члянэння тэксту, яшчэ пазней пачало ўспрымацца як асноўнае ў тэорыі фарміравання індывідуальна-аўтарскага стылю. Дамінанты ідыястылю вызначаюцца як пэўныя спецыфічныя рысы, якія становяцца характэрнымі для канкрэтнага аўтара, фарміруюць манеру яго маўлення, вылучаючыся на фоне нейтральнага, агульнапрынятага стылю. На думку Р. Якабсона, дамінанта – гэта кампанент мастацкага твора, які факусіруе, абумоўлівае і трансфармуе асобныя кампаненты, а таксама "спецыфікуе мастацкі твор" [1, с. 326]. Дамінанта вызначаецца не толькі паўтаральнасцю ў тэксце, высокай частатай ужывання, перавагай у шэрагу іншых ідыястылявых асаблівасцей, але і рэалізацыяй пэўных імпліцытных сэнсаў.

Імкненне навукоўцаў-лінгвістаў выявіць дамінанты маўленчай структуры асобнага мастацкага твора (або шэрагу твораў асобнага аўтара), якія фарміруюць унікальнасць яго стылявой арганізацыі, тлумачыцца тым, што ўжыванне моўных сродкаў у тэксце падпарадкавана творчаму, індывідуальна-аўтарскаму стылю, які выяўляецца не толькі ў тым, што з моўных сродкаў выкарыстоўваецца, але і як, дзе, калі, з якой мэтай, які гэта робіць эффект. Як сцвярджае Г. А. Чуруксаева, "функцыяналізм сучаснай лінгвістыкі дыктуе неабходнасць разгляду кожнай моўнай / маўленчай з'явы ў камунікатыўна-дзеясным, у тым ліку ў прагматычным, аспекце. Пры гэтым прырытэт аддаецца тым фактам мовы, у якіх ступень уздзеяння на аўдыторыю / адрасата вышэйшая за іншыя, паколькі істотнай характарыстыкай сучаснага працэсу зносін становіцца яго эфектыўнасць" [2, с. 139].

Я. А. Жыркова сцвярджае, што дамінанта праяўляецца ў рэгулярнасці, стабільнасці, паўтаральнасці, тым самым аказваючы ўплыў на фарміраванне пэўных семантычных палёў і эстэтычных катэгорый [3]. Да асноўных уласцівасцей дамінанты даследчыца адносіць вектарнасць (аднакіраванасць); актыўнасць, якая забяспечвае перапрацоўку, трансфармацыю элементаў тэксту ў адпаведнасці з напрамкамі дамінантнай дзейнасці; устойлівасць (або "кансерватыўнасць", нязменнасць). Значнасць дамінанты моўнага ўзроўню Я. А. Жыркова звязвае з тым, што "яна фарміруе эстэтычную ўнікальнасць моўнай стыхіі мастацкага тэксту" [3, с. 20].

Сярод моўных дамінант найбольш выразнай у адносінах самавыражэння пісьменніка, яго ўнікальнага ўспрымання, асэнсавання і адлюстравання свету з'яўляецца сінтаксічная арганізацыя яго мастацкага маўлення. Аналіз індывідуальна-аўтарскіх сінтаксічных дамінант дазваляе выявіць асноўныя заканамернасці структуры аўтарскага маўлення, вызначыць тыпы характэрных для яго творчасці

сказаў, паказаць асаблівасці выкарыстання сінтаксічных фігур і сродкаў сувязі. Гэты аналіз дазваляе не толькі апісаць ідыястыль, але і зразумець, як аўтар будзе свой свет праз адметнае спалучэнне разнастайных граматычных канструкцый.

Варта заўважыць, што сінтаксічныя дамінанты з’яўляюцца надзвычай выразнымі, неад’емнымі складнікамі актуалізацыйнай (так званай “рубленай”, парадыгматычнай) прозы, сутнасць якой заключаецца ў акцэнтацыі ўвагі на эстэтычнай функцыі мовы, і даюць ключ да ўспрыняцця і асэнсавання цэлай сістэмы сінтаксічных сродкаў і стылістычных фігур. Актуалізацыйная проза вылучаецца мнагасзначнасцю, выразнасцю і эмацыянальнай насычанасцю тэксту, якія ствараюцца з дапамогай разнастайных стылістычных прыёмаў і сінтаксічных інавацый. Супрацьпастаўляючы актуалізацыйную прозу сінтагматычнай (класічнай, іерархічнай) і тлумачачы распаўсюджанасць першай уплывам вуснага маўлення, Н. Д. Аруцёнава называе рублены сінтаксіс дамінантай мастацкай прозы, надзвычай выразным эмацыянальным сродкам, паколькі ён ўплывае на тое, што “іерархічна арганізаваны ланцужок распадаецца на сегменты, якія валодаюць завершанай інтанацыяй, што ператварае кожны з іх у самастойнае і нібы раўнапраўнае выказванне. Сінтагматычная падпарадкаванасць вылучанага элемента нейтралізуецца яго інтанацыйнай незалежнасцю. Адбываецца дэзынтэграцыя сказа” [4, с. 190].

Мэта даследавання заключаецца ў апісанні сінтаксічных дамінант актуалізацыйнай (“рубленай”, парадыгматычнай) прозы на матэрыяле беларускіх мастацкіх твораў канца XX – пачатку XXI стагоддзя.

Асноўным *метадам* даследавання з’яўляецца *апісальна-аналітычны*, заснаваны на індуктыўна-дэдуктыўным падыходзе, пры якім аналіз фактаў выкарыстання сінтаксічных дамінант у мастацка-празаічным тэксце характарызуе індывідуальны аўтарскі стыль. У працы таксама выкарыстоўваюцца: *семантыка-стылістычны метады*, які прадугледжвае вызначэнне стылістычнай маркіроўкі дамінант; *метады лінгвістычнага аналізу*, накіраваны на выяўленне сістэмы сінтаксічных прыёмаў і фігур; *камунікатыўна-прагматычны метады*, арыентаваны на раскрыццё аўтарскіх намераў шляхам аналізу імпліцытнага зместу дамінантных канструкцый.

Асноўная частка

Дакладнай і экспліцытнай іерархіі элементаў так званага класічнага сказа ў актуалізацыйнай прозе супрацьстаіць гэндэнцыя да стварэння эфекту камунікатыўнай раўназначнасці звёнаў сінтагматычнага ланцужка, які з гэтай мэтай раздрабляецца, а з яго частак утвараюцца асобныя выказванні, пацвярджэннем чаму можа стаць наступны прыклад:

Падумаў...

Як имат у маленстве было ўсяго залатого. Прасяная каша ў глыбокай талерцы і цёплы пясок на дарозе. Звараныя кіяхі кукурузы і бульба з залатымі скваркамі, масла, пенка на гарачым малацэ, яблыкі, слоік з першым летнім мёдам, сланечнік... Штакетнік, новы ганак і вароты, маленькі ўслончык... Цыбуля, якая сохла ў сенцах, а потым вісела пры печы... Мая сяброўка Лена была залатоголая, а яе твар і плечы, шыя і спіна – спрэс у залатых кропках... І дажджы сыпаліся залатыя... І часта трапляліся цельнукаватыя карасі, таксама залатыя. І сябра Валодзька быў залатавалосы, і аднакласнік Віцька на мянушку Руды. І пра сябе неаднойчы чуў, што я – залаты хлопчык.

Але лепей пра гэта не думаць (У. Сцяпан “Малькі”).

Відавочна, што з дапамогай рубленай прозы аўтар імкнецца стварыць у чытача непасрэдна адчуванні, актуалізаваць кампаненты маўленчай сітуацыі, выклікаць эфект прысутнасці, аказаць эмацыянальнае ўздзеянне. Суаднесенне асобных элементаў паведамлення з рэчаіснасцю падпарадкоўвае і дэфармуе сінтагматычную арганізацыю выказвання, разбурае яе ўнутраную іерархію. Дынамічны цэнтр выказвання пераходзіць ад дзеяслова на іменныя часціны мовы, што ўплывае на адметнасць інтанацыйнай арганізацыі мастацкага маўлення. Фактар сінтагматычнай іерархіі ў такім выпадку аказваецца падпарадкаваным і ў значнай ступені дэфармаваным. На фоне актуалізацыі імені надзвычай выразнай аказваецца семантыка-граматычная сувязь дыстанцыйна аформленых абзацаў, у якіх увага сканцэнтравана на разумовым дзеянні (*Падумаў... Але лепей пра гэта не думаць.*).

Да сінтаксічных дамінант рубленай прозы, для якой не ўласцівыя складаныя пабудовы, адносяцца сінтаксічныя канструкцыі, якія ствараюць уражанне прымусовага разрыву тэксту. Валодаючы здольнасцю ўзяць на сябе ролю галоўнага сродку сувязі, кампаненты рубленай прозы вылучаюцца і акцэнтуюцца, пры

гэтым надаюць мастацкаму тэксту асобую выразнасць і актуалізуюць яго сэнс.

У якасці найбольш эфектыўных сродкаў уздзеяння на чытача і вылучэння сэнсавых дамінантаў часцей за ўсё ў навуковых даследаваннях называецца парцэляцыя (нярэдка ў сукупнасці з абзацаваннем). Навукоўцы звязваюць парцэляцыю з узмацненнем сінтаксічнай пазіцыі таго ці іншага члена сказа дзякуючы перагрузцы зместу залішняй формай [5], з транспазіцыяй значэння спосабу граматычнай сувязі паміж сінтагмамі і сказамі [6] і сцвярджаюць, што “гэты прыём дазваляе вылучыць рэму і сфакусіраваць увагу на найбольш важным з аўтарскага пункту гледжання элеменце інфармацыі, які раскрывае пэўны сэнс для разумення аўтарскай інтэнцыі і ўзмацняе ўздзеянне на падсвядомасць рэцыпіента” [6, с. 4210].

Эфект рубленай прозы, створаны пры дапамозе парцэляцыі і абзацавання, выступае дамінантай індывідуальнага аўтарскага стылю вельмі многіх сучасных беларускіх пісьменнікаў (А. Андрэеў, М. Адам, Л. Багданава, А. Брава, В. Доўнар, А. Ждан, Т. Краснова-Гусачэнка, У. Ліпскі, Г. Марчук, А. Федарэнка і інш.). Такі выбар тлумачыцца зольнасцю парцэляцыі ствараць камунікатыўна-прагматычную напружанасць вылучэннем інфармацыі, важнай не толькі для пэўнага фрагмента, але і для сюжэтнага разгортвання ўсяго мастацкага тэксту, пацвярджэннем чаго можа стаць наступны прыклад:

Цябе няма, ты – усюды.

Ты ў шлолаху новай лістоты і ў сумным шэцце старой...

...у срэбры халоднага зімовага дня...

...у пяшчотным сонечным святле – яно дакранаецца да скуры майёй разам з ветрам...

Ты ў гарах, у сінім небе, у дзікіх травах сенажацяў і ў пустэльні...

...у хмарачосах сталіцы, у завадскіх доўгіх трубах, у кафедральных саборах...

...у кроках кожнага ваяра і ў кожным яго стрэле...

...твае вочы – гэта мора, у буру шэрае, цвёрда-халоднае, а ў спакоі цёплае, цудоўнае, блакітнае...

Ты нідзе і ва ўсім, і ніхто не зменіць гэтага... (Я. Пінчук “Табе”).

Пабудаваны на парцэляцыі працытаваны фрагмент характарызуецца семантычнай цэласнасцю, захаваннем сэнсавых і структурных сувязей. Кожны новы парцэлят называе новае адценне пачуцця,

выконваючы функцыю развітага выказвання, у якім заключаны новы камунікатыўны цэнтр. Мастацкая канкрэтызацыя інфармацыі адбываецца за кошт разгортвання інфармацыі базавай часткі ў парцэляце.

Уражанне актуалізацыйнага маўлення могуць надаваць таксама рытарычныя фігуры, заснаваныя на выкарыстанні сінтаксічнага паралелізму і рознага тыпу паўтораў (анафара, эпіфара, кампазіцыйны стык, градацыя, антытэза і інш.). Самі па сабе рытарычныя фігуры зусім не выступаюць паказчыкам рубленай прозы, паколькі не прывязаны да канструкцый нейкага пэўнага (малога ці вялікага) аб’ёму, аднак валодаюць зольнасцю аб’ядноўваць кароткія, разарваныя сказы ў адзінае цэлае, уплываць на рытмічную арганізацыю праявінага маўлення. Кожная з фігур адрозніваецца ступенню інтэнсіўнасці фарміравання індывідуальнага аўтарскага стылю і, адпаведна, магчымасцю выступаць у якасці яго сінтаксічнай дамінанты. Надзвычай актыўнае ў гэтых адносінах дамінантае выкарыстанне **анафары**:

Я не верыла, што ўсё гэта можа скончыцца.

Не верыла нават тады, калі ты апрануўся і, як высветлілася, у апошні раз абняў мяне, і мы зліліся ў ненавольным пацалунку. Апошнім.

Я не верыла. Нават тады. Калі ты знік за дзвярыма.

Я не хацела верыць.

Я не хачу верыць...

Я буду помніць цябе (А. Бутэвіч “Я буду помніць цябе”);

Ніхто, акрамя нас саміх, не ўпрыгожыць наша жыццё.

Ніхто, акрамя нас саміх, не пашкадуе і не падтрымае адзін аднаго.

Ніхто, акрамя нас саміх, не дапаможа нам (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Анафара не толькі апраўдвае характэрную для рубленай прозы разарванасць сказаў, але і акцэнтуюе ўвагу на найбольш значных, экспрэсіўна вылучаных парцэляваных і абзацаваных элементах, падкрэсліваючы іх узаемазвязанасць і цэласнасць, узмацняючы іх рытмічную і ўдарную сілу, што надае тэксту энергію і адчуванне хуткага развіцця падзей ці дзеянняў. За кошт шматразовага частага паўтору адных і тых жа слоў дасягаецца эфект нагнятання эмацыянальнага напружання, што ўзмацняе драматызм адностраваных пачуццяў і актуалізуе важную ідэю. Выкарыстанне дамінант-

най анафары характэрна для індывідуальнага аўтарскага стылю А. Андрэева, Л. Багданавай, А. Бутэвіча, У. Ліпскага, Я. Пінчук, М. Прохар, Г. Чыж-Літаш (Г. Літаш).

Эпіфара ўплывае на ўзмацненне кампазіцыйнай выразнасці рубленай прозы, надаючы кожнаму кароткаму фрагменту праявінага маўлення эффект канчатковасці і завершанасці. Кожны сказ ці фраза нібы абрываецца на адной і той жа ноч, што стварае эффект лаканічнасці выказанай думкі і безапеляцыйнасці тону:

Аўтары сцэнарыя Роберт Гэтчэл і Аляксандра Сэрэс.

У ролях...

Чаму я збіваюся, што са мной?.. Ну, яшчэ намаганне!.. –

... у фільме “Звароту няма”.

...Звароту няма...

...няма

...няма...–

простыя словы, быццам камяні, б’юць у вушы, звяняць, звяняць...

...Рэжысёр Джон Бедэн (М. Прохар “Назіральнік”).

Выкарыстанне паўтораных адзінак у канцы сказа ўплывае на іх асэнсаванне як адзіна магчымага выніку кожнага асобнага кароткага выказвання, што дазваляе аўтару падкрэсліць пэўны стан ці непазбежны факт, перадаць (як у працытаваным прыкладзе) адчуванне безвыходнасці, непазбежнасці і глыбокай распачы. Аўтар паступова скарачае выказанне, пастаянна паўтараючы і ўрэшце пакідаючы на радку толькі адно слова, самае важкае, грунтоўнае, праспекцыйна і рэтраспекцыйна накіраванае, імпліцытна насычанае – *няма*.

Дамінантная эпіфара ў чыстым выглядзе – з’ява надзвычай рэдкая. Найбольш актыўнае яе выкарыстанне адзначаецца ў праявінага творах А. Бутэвіча і М. Прохар. Трэба заўважыць, што ў той час як парцэляванае і абзацаванае драбленне мастацкага выказвання характэрна для сучаснай прозы наогул і можа ў большай ці меншай ступені характарызаваць індывідуальны стыль кожнага пісьменніка, то ўключэнне заснаваных на паўторы сінтаксічных фігур часта звязана з іх комплекснасцю, кантамінацыяй [2]. Калі ўспрымаць у якасці асобнай дамінанты усе сінтаксічныя фігуры паўтору, то спіс аўтараў, для якіх яны характэрны, значна пашырыцца. Акрамя вышэйназваных аўтараў, сінтаксічныя дамінанты актуалізацыйнай прозы характэрны для М. Адама, Г. Аўласенкі, А. Ждана, Г. Марчука, У. Сцяпана, А. Федарэнкі, А. Хамянок і інш.

Так, паўтор у сукупнасці з абзацаваннем і ўзмоцненым пунктуацыйным афармленнем уплывае на стварэнне дамінантнага для рубленай прозы Г. Аўласенкі і М. Прохар **кампазіцыйнага стылю**:

Вдруг замечаю, как странно и причудливо изогнулись, задрожали и словно поплыли каменные своды пещеры. Какой-то странный...

...странный туман, сверкающий, слепящий глаза туман быстро обволакивал вход. И я...

...я, понимая, что через мгновение уже будет поздно это сделать, отчаянно бросаюсь...

...бросаюсь туда, вперед, в этот сверкающий туман...

Странный туман на удивление упруг и вязок, но он еще не настолько упруг и вязок, чтобы задержать меня. И я, пролетев...

...пролетев сквозь эту вязкую пустоту, кубарем лечу на такой знакомый, холодный и липкий пол пещеры... (Г. Авласенко «Пещера»);

...Заплющивь вочи і ўявіць...

Уявіць гэтую лёгкаю, цудоўную карціну: крокі ў калідоры, пастукванне туфляў, якія здымаюцца з нагі, – і зноў тонкае, што рвецца на вачах, імгненне чакання... (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Кампазіцыйны стыль займае ключавое месца ў фарміраванні рубленай прозы, паколькі ён непасрэдна ўдзельнічае ў стварэнні яе характэрнага рытму, дынамікі і структуры. Кожны кароткі абзац тут – гэта асобны эпізод, кадр, а стыль паміж імі забяспечвае хуткую, амаль імгненную змену ўражанняў, дзеянняў або думак з адначасовай фіксацыяй важнасці кожнай з іх, што ўзмацняе адчуванне дынамічнасці і фрагментарнасці апавядання. Нягледзячы на ўяўную непаўнату і сцісласць сказаў і абзацаў, кампазіцыйны стыль забяспечвае трывалую лагічную сувязь паміж імі. Паўтаральны элемент становіцца сувязным звяном, якое аб’ядноўвае разрозненыя адрэзкі ў адзінае паслядоўнае цэлае. Паўтор слова на стыку абзацаў непазбежна прыцягвае ўвагу чытача. Ва ўмовах рубленай прозы, дзе важкім з’яўляецца кожнае слова, такі прыём дазваляе аўтару вылучаць ключавыя моманты, дзеянні ці эмацыйныя станы, пазбягаючы пры гэтым аб’ёмных канструкцый.

Арыгінальным сродкам стварэння характэрнай структуры і рытму рубленай прозы з’яўляецца **сімплака**. Двайны паўтор робіць выказанне лаканічным і важкім, узмацняе ад-

чужанне перарывістасці апавядання:

Мой дом...

Не, ён не крэпасць (бо нешта ў ёй ваяўнічае). І не прыстанак...

І ні ў якім разе не сховішча!

Мой дом – гэта... дом (В. Доўнар “Мэта”);

І тады ён бязмэтна хадзіў па кватэры, нібы па старой, знаёмай, правераанай клетцы, насвістваў незразумелую мелодыю і разумеў, што

...можна бегаць, мітусіцца, але вынік адзін – сум, сум на табе, Даша...

можна нічога не рабіць, спяваць увесь дзень адну песню, але вынік адзін – сум на табе, Даша...

можна есці, піць, можна не есці, не піць, але вынік адзін – сум на табе, Даша... (М. Прохар “За абломкамі душы”).

Сістэматызуючы раздробленае маўленне, сімплака забеспечвае моцнае эмацыйнае ўздзеянне. Паўтаральныя элементы ўспрымаюцца як своеасаблівая рамка для цэнтральнай, адметнай, часткі фразы, акцэнтуючы ўвагу адначасова на стабільнасці і зменлівасці, іх адначасовым суіснаванні і ўзаемазалежнасці. Такое афармленне стварае адчуванне непазбежнасці, зацыкленасці аўтара або персанажа на хвалюючай ідэі. Для сімплакі характэрна структурная завершанасць пры фрагментарнасці, паколькі яна дапамагае аб’яднаць разрозненыя, кароткія сказы ў суцэльны фрагмент тэксту, забяспечваючы яго кампазіцыйную складанасць. Нягледзячы на сінтаксічную прастату, раздроблены тэкст пры такім афармленні набывае выразную структуру.

Заклучэнне

Актуалізацыйная проза з’яўляецца індывідуальна-аўтарскай формай апавядання, паколькі арыентуецца на парушэнне прывычных моўных норм, дэаўтаматызацыю ўспрыняцця і стварэнне эстэтычнага ефекту. Даследаванне сінтаксічных дамінантаў актуалізацыйнай (парадыгматычнай, рубленай) прозы на матэрыяле сучасных мастацкіх твораў дазваляе зрабіць наступныя высновы.

Рубленая сінтаксічная арганізацыя мастацкага праявічнага маўлення з’яўляецца найбольш выразным спосабам самавыражэння пісьменніка, яго ўнікальнага ўспрымання, асэнсавання і адлюстравання свету і ўплывае на яе асэнсаванне ў якасці моўнай дамінанты. Надзвычай выразнай сінтаксічнай дамінантай з’яўляецца парцэляцыя, часта ў сукупнасці з абзацаваннем. Дамінантная парцэляцыя

актуалізуе ўвагу чытача, ілюструе значнасць кожнай асобнай дэталі, характарыстыкі, дзеяння, узмацняе напружанне, стварае ўражанне хуткага развіцця падзей. Парцэляцыя цалкам мяняе структуру і ўспрыняцце мастацкага тэксту, выводзячы на першы план не лагічную паслядоўнасць, а эмацыйнальнае і рытмічнае дзеянне. Прыярытэт экспрэсіі над нормай пераўтварае сінтаксіс з нейтральнага сродку перадачы інфармацыі ў актыўны інструмент эмацыйнальнага і сэнсавага маніпулявання чытацкай увагай.

Аналіз індывідуальна-аўтарскіх сінтаксічных дамінантаў ілюструе асноўныя заканамернасці арганізацыі аўтарскага маўлення, тыпы характэрных для творчасці пэўнага пісьменніка сказаў, схільнасць да выкарыстання сінтаксічных фігур. Сама па сабе наяўнасць стылістычных фігур паўтору не з’яўляецца паказчыкам рубленага сінтаксісу. Аднак іх аб’яднанне магчыма і, больш за тое, можа прыводзіць да стварэння асаблівага мастацкага ефекту – спалучэння структурнай завершанасці з унутранай сінтаксічнай дынамікай і адрывістасцю.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Якобсон, Р.** Лінгвістыка і поэтыка / Р. Якобсон // Структуралізм: «за» і «против». – М. : Прогресс, 1975. – 473 с.

2. **Чуруксаева, А. А.** Рубленые конструкции: к вопросу о прагматическом потенциале и функциональных особенностях / А. А. Чуруксаева // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 139–149.

3. **Жиркова, Е. А.** Актуализация семантики текстовых структур, имеющих доминантное значение для адекватной интерпретации художественного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 Жиркова Евгения Алексеевна ; Кубанский гос.ун-т. – Краснодар, 2006. – 44 с.

4. **Арутюнова, Н. Д.** О синтаксических типах прозы / Н. Д. Арутюнова // Общее и романское языкознание. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 189–200.

5. **Воробьева, Е. Н.** Парцелляция как средство экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка) / Е. Н. Воробьева // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2023. – № 1 (25). – С. 15–18.

6. **Кондрашкіна, О. О.** Парцелляция как средство экспрессивного синтаксиса в современном англоязычном североирландском ро-

мане / О. О. Кандрашкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. Выпуск 9. – С. 4208–4214.

Паступіў у рэдакцыю 07.12.2025 г.

Кантакты: otam1971@mail.ru (Шаршнёва Вольга Мікалаеўна)

Sharshniova V. M. SYNTACTIC DOMINANTS OF ACTUALIZING PROSE (BASED ON BELARUSIAN FICTION OF THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES)

The article characterizes parcellation and stylistic figures based on the use of syntactic parallelism and various types of repetition as syntactic dominants of an author's individual

style. It is argued that syntactic dominants are extremely expressive components of actualizing ("chopped", paradigmatic) prose characteristic of contemporary writers. It is concluded that dominant parcellation, anaphora, epiphora, compositional junction, and symploce transform syntax from a neutral means of conveying information into an active tool for emotional and semantic manipulation of the reader's attention.

Keywords: dominant, syntactic, individual author's style (idiostyle), literary, actualizing ("chopped", paradigmatic) prose, parcellation, anaphora, epiphora, compositional junction, symploce.

УДК 811.161.1'42:82

РЕЧЕВАЯ МОДЕЛЬ «ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ГЛАГОЛЬНЫМИ ФОРМАМИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ» КАК СПОСОБ КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. А. Михальчук

кандидат филологических наук, доцент, докторант
Белорусский государственный университет

В статье выявлены специфические особенности речевой репрезентации побуждения в виде повествовательных высказываний с глагольными формами будущего времени в прозе русских писателей XX–XXI вв. на протяжении шести хронологических периодов. Доказывается зависимость выбора автором коммуникативных интенций в области исследуемой речевой модели от определенных факторов. Выявлены периоды увеличения частотности косвенных реализаций некатегоричных интенций, репрезентированных указанным способом, – 1920-е гг., 1980–1990-е гг., 2000–2020-е гг.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, косвенный речевой акт со значением побуждения.

Введение

Устойчивой тенденцией в языкознании стало выделение переносных, то есть контекстуально обусловленных значений форм наклонения. Так, глагольные формы 2-го лица будущего времени изъявительного наклонения нередко употребляются для выражения побудительного значения. Основой для употребления исследуемых речевых форм в побудительных высказываниях служит особое свойство изъявительного наклонения – совмещение модальных значений реальности и «позитивной» ирреальности. Ср. *«Ты отведешь ее [собаку] к генералу»* (А. Чехов) [1, с. 220].

Повествовательные высказывания с глагольными формами будущего времени, репрезентирующие значение побуждения, с точки зрения теории речевых актов, являются косвенными, так как им присуще главное свойство косвенных высказываний – двойная иллокутивная функция. С одной стороны, данные речевые формы реализуют значение сообщения о будущих действиях адресата, с другой стороны, в определенном контексте они способны развивать побудительное значение, не утрачивая при этом первоначального репрезентативного значения. Ср. примеры из

обиходно-бытовой речи: *«Когда придет время, ты вернешься домой. И твоё настроение сразу изменится»* (репрезентатив). *«Ты немедленно вернешься домой»* (директив).

При том, что формы 1-го и 2-го лица будущего времени частично анализировались в нескольких диссертационных исследованиях [2; 3], до сих пор не представлено целостное и системное описание данной речевой модели как в разговорной речи, так и в художественной литературе в диахроническом аспекте.

В качестве разновидности не прямой коммуникации (термин В. В. Дементьева [4]) учеными рассматриваются косвенные речевые акты [4; 5; 6; 7]. К косвенным речевым актам в данной статье относим «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [7, с. 107]. Вслед за Н. И. Формановской побудительность считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [5, с. 188].

В качестве материала для анализа выбраны произведения русских писателей XX–XXI вв. Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в виде повествовательных высказываний с глаголом в форме будущего времени изъявительного наклонения в частном дискурсе русской прозы XX–XXI вв. в диахроническом аспекте. Анализу подлежит группа косвенных речевых актов со значением побуждения, репрезентированных повествовательными высказываниями с глаголом в форме 2-го лица единственного и множественного числа и 1 лица множественного числа будущего времени изъявительного наклонения (общее число примеров – 384). Были использованы следующие методы исследования: метод сплошной выборки, контекстуального анализа, анализа и синтеза, количественный, компаративный, филологический.

Основная часть

1. Количественное соотношение высказываний с глагольными формами будущего времени в значении побуждения в русской прозе XX–XXI вв.

Как показывают статистические данные, в произведениях XXI в. отмечена тенденция к небольшому увеличению (на 3 %) частотности побуждений, репрезентированных конструкциями с глаголом в форме будущего времени, по сравнению с показателем начала XX в. (табл. 1). Данный факт может свидетельствовать о большей склонности к категоричному общению, об избегании церемонности в неинституциональном общении в современный период.

В целом же в русской прозе XX–XXI вв. наблюдаем незначительные колебания показателя частотности исследуемых высказываний: он фиксируется в промежутке от 6 до 9%, что демонстрирует несущественную зависимость от времени написания произведения писательского выбора косвенных речевых актов подобного типа.

Таблица 1 – Повествовательные высказывания с глаголом в форме будущего времени в значении побуждения в русской прозе XX–XXI вв.: количественное соотношение на протяжении шести хронологических периодов

Хронологический период	Удельный вес высказываний % (количество единиц)
1900–1910-е годы	6 (34)
1920-е годы	7 (52)
1930–1940-е годы	9 (66)
1950–1970-е годы	6 (68)
1980–1990-е годы	7 (42)
2000–2020-е годы	9 (122)

2. Говорящий и адресат в рамках диалогического единства. Речевые ситуации.

Речевую модель выражения побуждения в виде высказываний с формами будущего времени относим к некооперативным, то есть она не направлена на создание успешной коммуникации, на избегание конфликтов.

В межличностном общении, в случае если коммуниканты связаны семейными или близкими (приятельскими, любовными, дружескими, соседскими) отношениями, рассматриваемые речевые формы, как правило, использует старший по возрасту персонаж по отношению к младшему. Ср. «*Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак*» (=скажи; требование) (М. Горький

«Детство»); параметры ситуации: бабушка обращается к внуку. «*Ты не выйдешь за этого шахматного оборота!*» (=не выходи; требование); параметры ситуации: мать адресуется реплику дочери (В. Набоков «Защита Лужина»). Тот, чей семейный статус выше, наделен полномочиями требовать, делать не допускающие возражений предложения, давать категоричные советы.

В то же время в подобных речевых ситуациях анализируемые косвенные реализации побуждения могут наблюдаться более широко: отмечаются высказывания такого рода, адресованные равным по возрасту и статусу языковым личностям. Ср. «*Будешь говорить все до доньшика и открытым текстом*» (=говори; требование) (В. Тендряков «Ночь перед выпуском»). Параметры ситуации: диалог одноклассников.

В общении же, предполагающем различие социальных статусов коммуникантов, напротив, анализируемые речевые формы закреплены за старшим по статусу коммуникантом: они могут употребляться офицером по отношению к денщику (А. Куприн), быть направлены профессором – ассистенту (М. Булгаков), председателем колхоза – крестьянам (Ф. Абрамов), армейским офицером – солдату (А. Куприн, Н. Островский), учителем – ученику (Ф. Вигдорова) и др. «*Давай, братец, самовар, да потом сбегаешь в собрание за ужином*» (=сбегай; требование) (А. Куприн «Поединок»). «*После праздников Зинаида Петровна сказала: “Сейчас вы будете писать сочинение об октябрьских праздниках и о демонстрациях”*» (=пишите; требование) (Ф. Вигдорова «Любимая улица»).

3. Способы декодирования коммуникативных интенций в повествовательных высказываниях с глаголом в форме будущего времени.

В художественном тексте, во-первых, интенция может быть эксплицирована в авторском комментарии, во-вторых, прямое указание на намерение может содержаться в реплике говорящего. В других случаях при определении коммуникативных интенций приоритетная роль принадлежит следующим факторам: контекстуальному окружению речевого акта, типу речевой ситуации, социальным и семейным ролям говорящего и слушающего. Покажем это на примерах.

. «– *Пойдешь к нашим через фронт!* – резко сказал Туркенич. – *Я еще пока не сменен и приказываю тебе!*» (=пойди; приказ) (А. Фадеев «Молодая гвардия»). В данном примере

наблюдаем экспликацию интенции адресантом;

• «Ты приедешь к нам на лето в отпуск, – пригласила дочь» (=приезжай; приглашение) (В. Токарева «Так плохо, как сегодня»). Прямое указание на интенцию содержит авторская ремарка.

• «Но, как мы условились, господин майор, роялем вы будете заниматься перед вечерней прогулкой» (=занимайтесь; требование) (К. Федин «Санаторий Арктур»). Коммуникативное намерение определяется в результате анализа параметров ситуации, социальной характеристики слушающего и говорящего: реплика принадлежит врачу, он адресует ее пациенту в клинике для больных туберкулезом, врач имеет право требовать от пациента выполнения распоряжений.

• «Поедешь со мной. Посидишь с Сашей. Научишь ее вязать. Через месяц начнутся каникулы, переедем на дачу. Будем сажать цветы» (=поезжай; приглашение) (В. Токарева «Террор любовью»). В данном примере взрослая дочь приглашает мать жить вместе (экспликация цели и места осуществления действия указывает на приглашение). Определяющую роль при декодировании намерения говорящего играет информация о коммуникациях.

• «– Она меня выгонит. – Даже если выгонит... Но она поймет. Что ты страдаешь. Тебе не все равно. Ведь она как думает: ты уехал, бросил забыл.... А ты явившись, встанешь на колени, кушишь им дом с озером, а в озере – золотая рыбка» (=явись, купи; совет) (В. Токарева «Маленькое одолжение»). В тексте представлена приятельская беседа, в которой один из коммуникантов знает о сложной семейной ситуации другого. Говорящий советует слушающему совершить действия (на совет указывает побуждение к действиям, выгодным адресату, а не адресанту), что становится понятным из контекста.

4. Типы побудительных интенций, репрезентированных повествовательными высказываниями с глаголами в форме будущего времени.

Побудительные интенции, репрезентированные высказываниями с формами глаголов будущего времени, отличаются степенью категоричности. Среди них выявлены категоричные намерения: требование, приказ, угроза, распоряжение, запрет, а также некатегоричные: предложение, просьба, совет, поучение, приглашение, утешение.

Как показывают статистические данные (таб. 2), в материале 1900–1910-х гг. категоричные интенции в 1,6 раз преобладают над некатегоричными, в прозе 1930–1970 гг. наблюдается почти равное их количество, а в периоды 1920-х гг., 1980–1990-х гг. и 2000–2020-х гг. косвенные реализации некатегоричных намерений превышают по количеству реализации категоричных интенций в 2 и в 2,8 раз.

Таблица 2 – Количественное соотношение речевых репрезентаций категоричных и некатегоричных побудительных интенций, реализованных в виде высказываний с формами глагола будущего времени, в русской прозе XX–XXI вв.

Хронологический период	Удельный вес косвенных реализаций категоричных интенций (%)	Удельный вес косвенных реализаций некатегоричных интенций (%)
1900–1910-е годы	62	38
1920-е годы	33	67
1930–1940-е годы	55	45
1950–1970-е годы	50	50
1980–1990-е годы	26	74
2000–2020-е годы	33	67

Преобладание речевых реализаций категоричных или некатегоричных интенций в области рассматриваемой модели выражения побуждения находится в зависимости от следующих факторов: 1) тема произведения, типы описываемых речевых ситуаций, 2) соблюдение или нарушение социального равновесия в диалоге – его протекание в виде унисона или диссонанса; 3) социальная характеристика персонажей – группа интеллигенции или крестьян, рабочих, купцов, мещан; статусное равенство либо неравенство языковых личностей.

Так, в прозе В. Набокова, Б. Зайцева, М. Булгакова (1920-е гг.), С. Довлатова, В. Маканина, А. Битова (1980–1990-е гг.), Ю. Полякова, И. Сахновского, З. Прилепина (2000–2020-е гг.) наблюдается реализация философского содержания посредством отражения семейно-бытовых, любовных, коллегиальных отношений. Персонажи, преимущественно представители образованной социальной группы интеллигенции, склонны избегать открытых конфликтов, предпочитают вести диалог в тональности унисона. Закономерно, что

они чаще всего прибегают к некатегоричным речевым намерениям. Ср. «*А Голсуорси, что обещали попробовать достать (уж больно жена им увлекается), когда достанете, зайдете к нам, я вам и верну...*» (=зайдите, приглашение) (А. Битов «Человек в пейзаже»).

С другой стороны, в произведениях А. Куприна, И. Шмелева (1900–1910-е гг.), А. Фадеева, Н. Островского (1930–1940-е гг.), Ф. Абрамова, В. Тендрякова (1950–1970-е гг.) драматические коллизии сюжетов находят отражение в конфликтной межличностной коммуникации. Ср. «*Надеюсь, что с этого дня вы прекратите посещение нашего дома, где вас принимали, как родного, кормили и поили вас, но вы оказались таким негодяем*» (=прекратите посещение; требование) (А. Куприн «Поединок»).

В литературе 1930–1940-х гг., а также в «деревенской» прозе 1950–1970-х гг. действующими лицами являются малообразованные языковые личности. Они руководствуются принципом искренности в коммуникации: открыто выражают свои желания, склонны к категоричному речевому воздействию на адресатов. Ср. «*Вдруг он круто вскинул голову, шагнул к нему: – Мне твоего барахла не надо! Слышишь? И ты сейчас же отвезешь это. А нет – ноги моей больше здесь не будет*» (=отвези; требование) (Ф. Абрамов «Сестры и братья») [8].

В ряде произведений данных периодов отражена статусно-маркированная коммуникация (А. Куприн «Поединок», И. Шмелев «Человек из ресторана», Ф. Абрамов тетралогия «Братья и сестры»), что также способствует формированию тенденции вербализации императивных намерений. «*Сейчас пойдете в класс, и я приду и... – учителя он назвал, забыл я фамилию. – И вы попросите прощения за глупую дерзость*» (=попросите; требование) (И. Шмелев «Человек из ресторана»). Параметры ситуации: директор гимназии адресует требование ученику.

В то же время категоричность / некатегоричность коммуникативных намерений в каждом из хронологических периодов представлены неравномерно. Так, в 1920-е гг. и в 1980–2020-гг., при выявленной тенденции к использованию неимперативных интенций, высокая частотность реализаций императивных намерений зафиксирована в прозе А. Грина, С. Довлатова, А. Варламова, В. Токаревой. В материале 1900–1910-х, 1930–1970-х гг., при значительном удельном весе категоричных

интенций, исследуемая модель представлена преимущественно в некатегоричном варианте в произведениях И. Бунина, В. Вересаева, М. Горького, К. Федина, Ю. Трифонова, В. Распутина.

Более существенным фактором, чем фактор «время написания произведения», оказывающим влияние на выбор автором речевых интенций в рамках исследуемой речевой модели выражения побуждения, на наш взгляд, является фактор идиостиля.

Таким образом, в 1980–2020-е гг. некатегоричные речевые намерения чаще, чем в другие периоды, реализуются в категоричном ключе. Предпочтение данных косвенных реализаций побуждения говорящими связано с современной тенденцией демократизации общения, с отказом от соблюдения условностей в неформальном взаимодействии, с увеличением роли фактора экономии речевых усилий (в связи с отсутствием у адресанта времени и желания прибегать к формам повышенной вежливости) [9]. «*“Сейчас ко мне подруга заглянет, будете ее веселить”*», – *пообещала нам*» (=веселите; предложение) (З. Прилепин «Ботинки, полные горячей водкой»).

В 1920-е гг. употребительность подобного типа речевых актов обусловлена непринужденностью близких контактов в среде интеллигенции, а также драматизмом событий, которые оказываются в центре внимания авторов. «*Мы в один прекрасный день просто сядем в поезд и покатим*» (= давай сядем; предложение) (В. Набоков «Защита Лужина»).

Среди категоричных интенций в прозе всех хронологических периодов на первое место по количеству примеров выходит требование, среди некатегоричных – предложение. Ср. «*– Мне нечего говорить, – пробормотал Сергей, чувствуя, что у него сразу отяжелели ноги от страха. – Нет, брат, брешешь – скажешь!*» (=скажи; требование) (И. Бунин «Деревня»); «*– Мы все забудем. И начнем жить сначала*» (=давай забудем; предложение) (В. Токарева «Жена поэта»).

5. Виды митигации в области косвенных реализаций побуждения.

Использование глагольных форм 1-го лица множественного числа в речевых репрезентациях исследуемой модели, указывающее на то, что планируемое действие будет осуществляться говорящим совместно со слушающим, смягчает реализацию намерений и снижает категоричность высказываний. Ср. «*– Ничего, дудуська... – одобрительно замур-*

лыкал он. – Сейчас у Никиты обсушимся, возьмем лошадей – и айда! А уж у меня досушем» (=давай досушимся; предложение) (И. Шмелев «Забавное приключение»).

Другим способом смягчения категоричности высказываний является введение начальных вводных слов «надеюсь», «может быть», «я думаю», «если вы захотите». Ср. «Я не могу знать что-нибудь о вас против вашей воли. Если вы захотите, вы мне расскажете» (=расскажите; просьба) (А. Грин «Бегущая по волнам»).

Заклучение

Речевая модель выражения побуждения в виде форм будущего времени представлена в русской прозе XX–XXI вв. в 6–9% случаев употребления. Наблюдается зависимость выбора писателем интенций, репрезентирующих побуждения, оформленные по анализируемой модели, от следующих факторов: от темы произведения, от типа речевой ситуации, типа диалога с точки зрения соблюдения социального равновесия, от социальной принадлежности и статуса персонажей, в целом от идиостиля писателя. Обусловленность данного показателя временем написания произведения выявлена в меньшей степени, однако зафиксированы периоды значительного увеличения частотности косвенных реализаций некатегоричных интенций – 1920-е гг., 1980–1990-е гг., 2000–2020-е гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Волынец, Т. Н.** Современный русский язык. Морфология / Т. Н. Волынец – Минск : РИВШ, 2015. – 326 с.
2. **Иосифова, В. Е.** Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Иосифова Вера Евгеньевна ; Московский гос. обл. университет русского языка имени А.С. Пушкина. – М., 2011. – 33 с.
3. **Шаронов, И. А.** Категория наклона в коммуникативно-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шаронов Игорь Алексеевич ; Институт русского языка имени А.С. Пушкина. – М., 1991. – 20 с.
4. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
5. **Формановская, Н. И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц обще-

ния / Н. И. Формановская. – М. : Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.

6. **Гак, В. Г.** Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 8. – С. 22-32.

7. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

8. **Михальчук, Н. А.** Речевые модели косвенного выражения интенции побуждения в русской прозе 1950–1970-х гг. / Н. А. Михальчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 46–55.

9. **Михальчук, Н. А.** Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект / Н. А. Михальчук // Русский язык: система и функционирование: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 147–152.

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

Контакты: n-mihalchuk@list.ru (Михальчук Наталья Александровна)

Mikhailchuk N. A. SPEECH MODEL “NARRATIVE UTTERANCES WITH FUTURE TENSE VERB FORMS” AS A MEANS OF INDIRECT DIRECTIVE EXPRESSION IN LITERARY TEXTS

The article identifies specific features of the speech representation of directives in the form of narrative utterances with future tense verb forms in the prose of Russian writers of the 20th-21st centuries throughout six chronological periods. The study proves the dependence of the author's choice of communicative intentions in the field of the studied speech model on certain factors. Periods of increased frequency of indirect non-categorical intentions represented by this method have been revealed for the 1920s, 1980-1990s, and 2000-2020s.

Keywords: indirect communication, indirect speech act with directive meaning.

УДК [811.161.1+811.161.3]’42:070:641

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА «ДЫШАТЬ» В РУССКОЙ
ПОЭЗИИ XX ВЕКА****О. А. Шуманская**кандидат филологических наук, докторант кафедры речеведения и теории коммуникации
Белорусский государственный университет иностранных языков

Одним из актуальных направлений исследования поэзии является изучение ее когнитивного аспекта – художественных средств формирования и выражения авторской мысли. Глагол «дышать» обладает высоким смыслообразующим и эстетическим потенциалом. Он активно подвергается двойной семантизации и используется для выражения и передачи авторского замысла. Цель статьи – описать и классифицировать конструкции с упомянутым глаголом, используемые поэтами XX века в своих произведениях; определить значения, которые лексема «дышать» приобретает в проанализированных словосочетаниях.

Ключевые слова: лексема «дышать», витальные потребности, поэтический дискурс, когнитивная лингвистика, индивидуально-авторская картина мира.

Введение

Исследование поэтических произведений является отнюдь не новой сферой филологических изысканий. Уже в 1924 году М. М. Бахтин писал о том, что «русская научная литература обогатилась за последние годы ценными трудами по теории искусства, особенно в области поэтики» [1, с. 7]. Ю. М. Лотман в труде «Анализ поэтического произведения» отмечал, что «современное стиховедение представляет собой весьма разработанную область науки о литературе» [2, с. 33]. Существенный вклад в развитие методов и направлений изучения поэтического языка и речи внесли В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин, А. А. Потебня, В. Г. Адмони, Р. О. Якобсон, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов и др.

Однако смена научных подходов в лингвистике, приоритет антропоцентрической и когнитивной парадигм открыли новые горизонты исследования поэтических произведений, в частности, изучения их когнитивного аспекта. В настоящее время в лингвистике и литера-

туроведении прочно укоренилось представление о том, что поэзия представляет собой особую форму познания действительности (А. А. Потебня, С. Д. Кацнельсон, Ю. М. Лотман, В. Я. Брюсов, С.Т. Золян, Р. Цур, Д. Майелл, Ю. С. Моркина и др.).

Ранние идеи, связанные с когнитивной функцией поэтических произведений представлены еще в работах А. А. Потебни, полтавского, что в языке и в поэзии используются одни и те же механизмы создания новых значений – символизм и образность. Ученый утверждал, что «при помощи слова совершается познание. Познание есть приведение в связь познаваемого (Б) с прежде познанным (А) при помощи признака общего и тому, и другому» [3, с. 133]. Исследователь проводил прямую параллель между перечисленными свойствами языка и его воплощением в поэтических произведениях: «символизм языка может быть назван его поэтичностью» [там же, с. 22], «язык есть не только материал поэзии, <...> но сама поэзия» [там же, с. 42]. В упомянутых свойствах он видел когнитивные функции языка поэзии: «Слово только потому есть орган мысли и непремное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» [там же, с. 40].

О поэтическом произведении как форме познания мира писал В. Я. Брюсов: «Поэт в своем произведении называет то, что он хочет себе уяснить, — называет при помощи уже известных названий, т.е. объясняет неизвестное через известное, иначе – совершает акт познания» [4]. Подобные идеи высказывал и Ю. М. Лотман: «поэтический мир – модель реального мира, но соотносится с ним чрезвычайно сложным образом. Поэтический текст мощный и глубоко диалектический механизм поиска истины, истолкования окружающего мира и ориентировки в нем» [2, с. 131]. Он утверждал, что «цель поэзии, конечно, не

“приемы”, а познание мира и общение между людьми, самопознание, самопостроение человеческой личности в процессе познания и общестественных коммуникаций» [там же, с. 131].

Современные исследователи видят поэзию как «особый вид познавательной деятельности человека. Как таковой оно [поэтическое произведение. – прим. автора] имеет свой предмет – общий горизонт человеческого бытия, вписанного в культуру всего человечества, – и исследует данный предмет своими особыми поэтическими средствами. Этим обусловлена особая достоверность поэтического произведения как содержащего знания о человеческом мире» [5, с. 7]. Рассмотрению когнитивного аспекта поэтических произведений посвящены работы И. И. Чумак-Жунь, Л. Г. Пановой, Ж. Н. Масловой, А. Ю. Малафеева, Ю. А. Шанталиной, И. А. Тарасовой, А. Л. Шарандина и др. [6; 7; 8; 9].

При всем, казалось бы, многообразии трудов, направленных на рассмотрение поэтической речи, данная область изучения ставит новые вопросы перед исследователями. Так происходит, вероятно, в силу разнообразия функционирующих в ней языковых явлений и особенностей их проявлений. Исследователи справедливо отмечают, что «специфика поэтической речи настолько очевидна, что ее невозможно игнорировать» [10, с. 7], «поэтическая речь, как это неоднократно отмечалось, представляет собой такую область, в которой происходит наиболее интенсивное использование языковых ресурсов. Поэтому исследователь <...> имеет возможность наблюдать разнообразные языковые явления в их самых ярких проявлениях» [там же, с. 3].

Поэзия является той сферой, в которой когниция приобретает эстетический характер [11, с. 7]. Поэтическая функция языка, по сути будучи вторичной, выходит на первый план и проявляется в том, какую языковую форму автор придает своему видению и интерпретации мира. Как отмечают И. Б. Руберт и Ю. Г. Тимралиева, отличие поэтической речи заключается «в ее двойной природе – языковой и художественной, то есть словесно-образной»; «образность отличает художественную речь от прочих (нехудожественных) форм речи и объединяет с искусством» [12].

Для нас интерес представляет то, как индивидуально-авторское видение и понимание

мира преломляется через коллективное, зафиксированное в языке, и проявляется в художественных образах в поэтической речи. Цель статьи – описать и классифицировать конструкции с лексемой «дышать», используемые поэтами в произведениях; определить значения, которые глагол приобретает в проанализированных словосочетаниях.

Упомянутый глагол обладает высоким смыслообразующим и эстетическим потенциалом. Лексема «дышать» обозначает витальную потребность, описывает телесный и сенсорный опыт. Как известно, лингвисты признают важность телесного опыта в процессе вторичной концептуализации: «Все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта» [13, с. 4]; «у истоков концептуализации человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела (т.е. его рецепторов, воспринимающих реальность в диапазонах, предписанных биопрограммой человека» [там же, с. 32].

Ассоциативный потенциал глагола позволяет ему активно участвовать в создании сложных художественных образов. Глагол автоматически наделяет субъект, с которым употребляется, антропоморфными чертами, поскольку дышать способен живой организм, человек. Дыхание ассоциируется с движением, так как в процессе вдыхания и выдыхания воздуха движется грудная клетка. Этот процесс ассоциируется с физической жизнью (если человек дышит, он живет) и духовной. Как делилась своими размышлениями М. Цветаева в дневнике, «для полной согласованности души нужна согласованность дыхания, ибо, что – дыхание, как не ритм души?» [14].

Дыхание также ассоциативно связано с пространством и свободой: чем шире пространство, тем больше возможности вдохнуть полной грудью, почувствовать простор.

В качестве материала исследования избраны произведения русских поэтов второй половины XX века, с 1960 по 2000 г., представленные в поэтическом подкорпусе национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/corpus/poetic>). В произвольном порядке были отобраны 500 случаев употребления в стихотворениях лексемы «дышать». Были использованы описательный метод, интерпретация и классификация полученных результатов, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Основная часть

Образуемые с глаголом «дышать» конструкции и их значения определяются субъектом, с которым сочетается рассматриваемая лексема. Если субъект – одушевленное лицо, то актуализируются смыслы:

– «**жить, существовать**». Значение реализуется в словосочетании «**кто?**» + «**дышать**». Оно приобретает особую семантическую окраску. Все разнообразие жизни сводится к простым базовым физиологическим процессам, как «дыхание»: «его работа – все еще дышать» (Ю. Ф. Гуголев. «Я представлял, что будет романтичнее...»); «... дышат друзья, терпят друзья» (Р. И. Рождественский. «Баллада о молчании»);

– «**быть увлеченным, поглощенным кем-то**». Значение актуализируется при помощи конструкции «**одушевленный субъект**» + «**дышать**» + «**кем?**»: «Дышать любовью – глубже, глубже, чаще, До самых слёз... Как я тобой дышу» (Ю. П. Мориц. «Дышать любовью, пить её, как воздух...»);

– посредством конструкции «**одушевленный субъект**» + «**дышать**» + «**как?**» поэты передают эмоциональные состояния: «Как ты дышишь напряженно, еле вставши в стремяна» (Н. Е. Горбаневская. «Как струна напряжена...»).

Продуктивным словосочетанием является «**одушевленный субъект**» + «**дышать**» + «**чем-то?**», при помощи которого эксплицируются значения:

– «**жить какими-либо интересами, стремлениями**»: «поэмой этой дышим и живем» (Д. Самойлов. «Есть спор двух душ слианных – о разьятье...»); «Поразнюхать о слабых местах и чем дышит противник?» (Ю. П. Кузнецов. «Было так, если верить молве...»);

– «**испытывать эмоции, переживать чувства**»: «Я счастлива с вами полвека дышать блаженством, где веки смежаются!» (Ю. П. Мориц. «Я счастлива с вами пройти...»); «Остатками стыда дышать. Увидеть потихоньку, что прожито не так уж мало...» (Е. Ф. Сабуров. «Но выскочить на время в никуда...»);

Часто признаком каких-либо сильных эмоций или чувств выступает физическое состояние, описываемое при помощи глагола «дышать», как в следующем примере:

«Нечем дышать, оттого что я девушку встретил,

Нечем дышать, оттого что врывается ветер,

<...>Нечем дышать, оттого что я старше, чем время» (П. Г. Антокольский. «Нечем дышать, оттого что я девушку встретил...»);

– «**быть заодно, разделять общее**»:

«А теперь

Попробуем дышать общей грудью

Выдохнули

Вдохнули...» (М. Степанова. «А теперь...»);

– «**транслировать определенное состояние или эмоции**»: «Он мучительным воздухом дышит...» (С. В. Кекова. «Снег подобен во тьме многоточью...»).

Авторы проанализированных стихотворений достаточно часто прибегают к конструкции «**одушевленный субъект**» + «**дышать**» + «**каким-то воздухом**», значение которой задается лексемами, определяющими существительное «воздух». Так, в отрывке из стихотворения Г. В. Иванова «Так, занимаясь пустяками...» актуализируется смысл «жить свободно»:

«Туманные проходят годы,

И вперемежку дышим мы

То затхлым воздухом свободы,

То вольным холодом тюрьмы».

В стихотворении В. Л. Корвин-Пиотровского «Задворками разбитых дач...» получает репрезентацию значение «жить, находиться в небезопасной, разрушающей среде»:

«Уже по-новому дышали

Привычным воздухом чумы...».

Продуктивной конструкцией является «**одушевленный субъект**» + «**дышать**» + «**куда?**», при ее помощи получают репрезентацию значения:

– «**физической близости**». Герои стихотворения находятся так близко друг к другу, что ощущают чужое дыхание, как в стихотворении Е. Ф. Сабурова «куда я приглашаю нас с тобой в полуоткрытый рот дыша» или у С. И. Липкина «Мне в лицо дышат люди, вагон наполняя»;

– «**бережного отношения к кому-либо или чему-либо**»: «я на него дышать боялся» (В. Блаженный. «Сырая мать-земля, не оскорбляй те кости...»);

– значение «**быть близким к смерти**» актуализируется при помощи фразеологизма «дышать на ладан»: «Как вольно им петь. И дышать полной грудью на ладан...» (А. Н.

Башлачев. На жизнь поэтов: «Поэты живут. И должны оставаться живыми...»).

Словосочетание **«дышит как кто-то, что-то»** часто фигурирует в образных сравнениях, значение которых определяется объектом, с которым происходит сравнение: *«и дышат все – как сельдь на дне баркаса», «дышал словно тигр уссурийский»*.

Когда субъектом выступает неодушевленное лицо, то глагол «дышать» приобретает значения:

– **«двигаться, быть в движении»** в конструкции **«что?» + «дышать»**. В данном случае происходит перенос значения, основанный на ассоциативной связи движения и дыхания как свойств живого организма. В поэтических текстах дышат занавески на ветру, листья, цветы, ветер, туман, рожь, водоемы, океан, море, озеро, залив, небо и все явления и объекты, которые человек воспринимает как подвижные и изменчивые: *«зябко движутся линии переливных теней – это дышат глицинии на уступах камней»* (М. Вега. «Темно-синие пинии...»); *«... ветер смолк дышать не смея»* (М. Вега. Белая ночь : «Не странно ли, что я вошла вчера...»); *«дышат водоросли в молчанье»* (Ю. А. Карабчиевский. «Обрываются в море скалы...»).

При помощи конструкции **«что?» + «дышать»** также актуализируются значения:

– **«испарять влагу»**. В этом значении глагол сочетается с существительными «земля», «почва», «мох», «асфальт»: *«как дышит воскрешающей весной покров земли сырой зелено-черный»* (С. И. Липкин. «Меж ними на земле возникла связь...»); *«дышит влажный мох»* (А. Н. Миронов. После чая: «Слегка сквозит. Невидимым плющом...»);

– **«быть», «находиться»**. Глагол «дышать» часто заменяет глагол-связку «быть» и используется для придания большей выразительности создаваемым образам: *«...обнажили невода, там лежали города, а в них жемчуги дышали»* (Ю. П. Морис. Сон об отце: «Волны моря распахнулись...»).

Рассматриваемая нами лексема приобретает значение **«жить»** вместе с существительными, которым автор стремится придать больше значимости, выделить их при помощи олицетворения, персонификации. Среди них часто фигурируют:

а) **«душа»**: *«душа моя дышит»* (Е. А.

Шварц. «Слышу – как: душа моя дышит...»); *«погуляй, душа, дыши»* (И. В. Елагин. «В туристическом бюро...»); *«скомканной любви даже и не дышит бедная душа»* (Н. Е. Горбаневская. «Выгоревшей, выцветшей, скомканной любви...»);

б) **«слово»** (как инструмент поэта): *«я его зову – оно [слово. – прим. автора] не слышит, только чувствую – живет и дышит»* (И. Л. Лиснянская. Судьбе: «Табаку лиши меня и крова...»);

в) абстрактные понятия **«судьба», «революция», «вечность»**: *«Гришкина судьба дышала»* (Л. Г. Губанов. «А если вам последней проповедью...»).

При использовании конструкции **«неодушевленный субъект + дышать + чем?»** получают репрезентацию значения:

– **«транслировать эмоциональное состояние»**: *«полюбно потери предупреденной дышит ветер»* (А. А. Сопровский. «Как воздух игрою полон обманчивых отражений...»); *«домашним страхом дышат кирпичурь»* (Г. В. Сапгир. «Бутырская тюрьма в мороз»);

– **«извлекать или освобождать наружу что-то физическое, излучать (тепло, пар, холод, огонь)»**: *«...и зноем дышит ночь над куполами»* (А. А. Сопровский. «Болит душа в зеленой дымке мая...»);

– **«впитывать, поглощать»** по аналогии с процессом вдыхания: *«шлаками житейскими дыша, как она умела обезвреживать яды, добродетельная душа»* (Д. В. Бобышев. Яшина веревочка: «Мерзо-сытая, американская...»).

Конструкция **«неодушевленный субъект» + «дышать» + «как?»** встречается при использовании «персонификации»: *«плывет ко мне дыша умно корабль из теста и капусты»* (А. Л. Хвостенко : А. Г. Волохонский. По случаю пирога: «Когда в душе уже темно...»); *«музыка, прерывисто дыша, не покидает звездного ковша»* (Б. Ш. Кенжеев. «...А что дурак, и умница, и скряга...»).

Заключение

В процессе жизнедеятельности человек концептуализирует среду своего обитания и значимые для себя процессы. Дыхание является одним из них. В социокультурной среде оно приобретает дополнительные смыслы, кардинально отличающиеся от первоначального и отражающиеся в переносных значениях глаго-

ла «дышать». Данная особенность рассматриваемой лексемы наиболее ярко проявляется в поэтических произведениях, для которых характерным является совмещение эстетической и когнитивной функций: высокохудожественные и яркие образы используются авторами для передачи восприятия и интерпретации явлений действительности, жизненного опыта и создания неповторимой художественной картины мира.

Значения глагола в проанализированных произведениях варьируются от «быть, существовать», «жить» до проявления различных психических состояний и процессов («интересоваться кем-то или чем-то», «испытывать определенные эмоции»), явлений физики (испарения влаги, излучения тепла или холода) и др. Индивидуально-авторское в выявленных случаях проявляется в лексическом наполнении конструкций и придании индивидуальных смыслов типичным для проанализированных произведений словосочетаниям: «кто, что + дышать», «дышать + как?», «дышать + чем?» и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бахтин, М. М.** Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. **Лотман, Ю. М.** Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, 1972. – 274 с.
3. **Потебня, А. А.** Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.
4. **Брюсов, В. Я.** Синтетика поэзии / В. Я. Брюсов / Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_sintetika_poezii.html (дата обращения: 20.03.2025).
5. **Моркина, Ю. С.** Когнитивный смысл поэтического / Ю. С. Моркина. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2024. – 256 с.
6. **Малафеев, А. Ю.** Лингвокогнитивный анализ поэтического текста: трудности и перспективы / А. Ю. Малафеев // Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 140–144.
7. **Шарандин, А. Л.** Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка / А. Л. Шарандин // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (114). – С. 18–26.
8. **Тарасова, И. А.** Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте / И. А. Тарасова. – М. : Флинта, 2012. – 196 с.
9. **Золян, С. Т.** О соотношении языкового и поэтического смыслов / С. Т. Золян. – Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1985. – 104 с.
10. **Мещерякова, О. А.** Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.01 / Мещерякова Ольга Александровна ; Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2011. – 51 с.
11. **Руберт, И. Б.** Поэтический язык как объект лингвистических исследований / И. Б. Руберт, Ю. Г. Тимралиева // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 3 (105). – С. 95–100.
12. **Кубрякова, Е. С.** В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
13. О любви // Наследие Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tsvetayeva.com/prose/pr_o_lubvi (дата обращения: 03.11.2024).

Поступила в редакцию 14.07.2025 г.

Контакты: olga.shumanskaya@gmail.com
(Шуманская Ольга Анатольевна)

Choumanskaya O. A. THE SEMANTICS OF THE VERB “TO BREATHE” IN RUSSIAN POETRY OF THE 20TH CENTURY.

One of the current areas of poetry research is the study of its cognitive aspect – artistic means of forming and expressing the author’s thought. The verb “to breathe” has a high meaning-forming and aesthetic potential. It is actively subjected to double semantization and is used to express

and convey the author's idea. The purpose of the article is to describe and classify constructions with the mentioned verb used by poets of the 20th century in their works; to determine the meanings that the lexeme "to breathe" acquires in the analyzed phrases.

Keywords: lexeme "to breathe", vital needs, poetic discourse, cognitive linguistics, individual author's picture of the world.

УДК 81'373

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТОЖДЕСТВЕННОСТИ СУФФИКСАЛЬНЫХ СЛОВ *-LY* И *-LIKE* (НА МАТЕРИАЛЕ ОТСУБСТАНТИВНЫХ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

Е. Ю. Зубовский

преподаватель кафедры романо-германской филологии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию семантики компаративных прилагательных в современном английском языке, образованных с помощью суффиксов *-ly* и *-like*. На основе анализа корпусных данных и словарных дефиниций демонстрируется, что суффикс *-ly*, как правило, раскрывает более широкий спектр признаков по сравнению с *-like*, однако в некоторых случаях наблюдается обратная ситуация. Исследование подчеркивает взаимодополняемость дериватов с данными суффиксами в описании характеристик производящих баз.

Ключевые слова: компаративные прилагательные, суффиксы *-ly* и *-like*, семантика дериватов, актуализация признаков, производящая база, корпусный анализ, английский язык.

Введение

В современном английском языке компаративные прилагательные занимают особую нишу в системе производных признаков слов. Их особенность заключается в том, что, выражая словообразовательное значение «подобие», они таят в себе диапазон различных признаков, которые наследуются от производящей базы. Это означает, что в семантике данных признаков дериватов сравнение проходит по разным параметрам. Маркерами компаративных прилагательных, согласно предшествующим исследованиям ученых, являются следующие суффиксы, которые обладают разной степенью активности и продуктивности: *-an/-ane/-ian/-onian/-ean*, *-esque*, *-ine*, *-ish*, *-like*, *-ly*, *-y* и др. [1; 2; 3; 4; 5]. Не может остаться без внимания замечание ученых, что суффиксы *-like* и *-ly* имеют общие производящие базы, и что семантика дериватов с данными суффиксами является тождественной [6, 7]. Данный тезис нам представляется интересным, и целью нашего исследования является установить общее и различное в семантике отсубстантивных дериватов с суффиксами *-ly*

и *-like*, производных от общей производящей базы.

Как известно, для выражения значения «подобие» суффикс *-ly* присоединяется к основам существительных, обозначающих лиц, значит, помимо дериватов с суффиксом *-ly*, мы будем рассматривать дериваты с суффиксом *-like*, производные от аналогичного типа основ. Дериваты отобраны из словаря Webster Collegiate Dictionary 11th edition [8]. Лексикографы, учитывая всю сложность и многогранность семантики исследуемых нами дериватов, предприняли попытку установить некоторые признаки, актуализируемые в их семантике (например, в семантике *fatherly* лексикографы дают отсылку на признаки *affection* и *care*). Ни в коем случае не ущемляя труд лексикографов и понимая, что указать все возможные признаки, реализованные в семантике отсубстантивных дериватов, стоило бы титанических усилий, мы обратились к Британскому национальному корпусу [9], чтобы проанализировать семантику дериватов в контексте. Как было сказано ранее, мы имеем дело с компаративными прилагательными, а значит, нас интересует следующее: какие общие и различные признаки производящей базы актуализируют дериваты с *-ly* и *-like* в своей семантике?

Основная часть

В ходе исследования корпусных данных нам удалось установить, что в семантике суффиксальных слов с *-ly* и *-like* есть общие и в то же время различные признаки одной производящей базы. К примеру, если проанализировать семантику коррелятов *motherly* (4800 вхождений) – *motherlike* (27 вхождений), то можно заметить, что в них актуализируются такие общие признаки производящей базы *mother*; как¹: 1) зрелость (*motherly* / *motherlike* maturity); 2) то, как мать защищает своего

© Зубовский Е. Ю., 2026

¹ Здесь и далее с целью экономии места мы используем в сокращенном виде взятые из Британского национального корпуса словосочетания, обнаруженные в контекстах.

ребенка (*motherly / motherlike* protection); 3) забота (her caring, *motherlike* teacher; *motherly care*); 4) тепло (*motherly / motherlike* warmth); 5) сострадание (*motherly / motherlike* compassion); 6) любовь (*motherly / motherlike* adoration); 8) роль, которую выполняет мать (*motherly / motherlike* role).

Однако семантика *motherly*, в отличие от *motherlike*, не ограничивается вышеуказанными признаками и идет дальше, «глубже» проникает в свою производящую базу, выражая такие признаки, как: 1) совет, который дает мать (*motherly* advice); 2) страх (*motherly* angst); 3) уверенность (*motherly* assurance); 4) внимание (*motherly* attention); 5) отношение (*motherly* attitude); 6) поведение (*motherly* behavior); 7) беспокойство (*motherly* concern); 8) контроль (*motherly* control); 9) преданность (*motherly* devotion); 9) обязанности (*motherly* duties); 10) объятие (*motherly* embrace); 11) сила (*motherly* force); 12) улыбка (*motherly* smile); 13) голос (*motherly* voice); 14) сердце (*motherly* heart); 15) инстинкты (*motherly* instincts); 16) жизнь (*motherly* life); 17) уязвимость (*motherly* vulnerability) и др. Таким образом, мы видим, что в семантике *motherlike* актуализируются такие группы признаков, как эмоции и их внешнее проявление, черты характера, в то время как в семантике *motherly*, помимо приведенных ранее групп, обнаруживаются и физические параметры, и образ жизни, и поведенческие характеристики и др.

Неравномерная актуализация признаков наблюдается и в парах *fatherly* (3167 вхождений) – *fatherlike* (24 вхождения), *sisterly* (1612 вхождений) – *sisterlike* (4 вхождения), *brotherly* (8325 вхождений) – *brotherlike* (3 вхождения), *sonly* (64 вхождения) – *sonlike* (9 вхождений), *daughterly* (58 вхождений) – *daughterlike* (2 вхождения). *Fatherly* и *fatherlike* актуализируют следующие общие признаки: 1) взгляд (*fatherly / fatherlike* eye); 2) любовь (*fatherly / fatherlike* love); 3) фигура (*fatherly / fatherlike* figure); 4) роль (*fatherly / fatherlike* role); 5) улыбка (*fatherly / fatherlike* smile). Как и в случае с *motherly*, семантика *fatherly* расширяет палитру признаков, необходимых для дескрипции отца: 1) совет, который дает отец (*fatherly* advice); 2) волнение (*fatherly* anxiety); 3) забота (*fatherly* care, *fatherly* concern); 4) дисциплина (*fatherly* discipline); 5) обязанности (*fatherly* duties); 6) инстинкт (*fatherly* instinct); 7) наставление (*fatherly* exhortation); 8) наказание, применяемое отцом (*fatherly* chastisement); 9) характер (*fatherly* personality);

10) голос (*fatherly* voice); 11) мудрость (*fatherly* wisdom); 12) порицание (*fatherly* reprehension); 13) всезнание (*fatherly* omniscience); 14) гордость (*fatherly* pride) и др.

Дериваты *daughterlike*, *sonlike*, *sisterlike*, *brotherlike* актуализируют довольно ограниченное число признаков:

Daughterlike: 1) фигура (*daughterlike* figure);

Sonlike: 1) характер (*sonlike* character); 2) смелость (*sonlike* boldness);

Brotherlike: 1) брат и свойственный ему характер (*brotherlike* brother);

Sisterlike: 1) отношения между сестрами (*sisterlike* relationship).

В то же время мы не обнаруживаем данные признаки у их коррелятов (*daughterly*, *sonly*, *brotherly*, *sisterly*), которые называют иные признаки общей производящей базы:

Daughterly: 1) гордость (*daughterly* pride); 2) любовь (*daughterly* love); 3) предвзятость (*daughterly* bias); 4) откровенность (*daughterly* outspokenness); 5) обязанность (*daughterly* duty); 6) преданность (*daughterly* devotion); 7) добродетель (*daughterly* virtue); 8) роль (*daughterly* role); 9) уважение (*daughterly* respect); 10) отношения (*daughterly* relationship)

Sonly: 1) обязанность (*sonly* duty); 2) враждебность (*sonly* isenemise); 3) влечение (*sonly* attraction).

Brotherly: 1) любовь (*brotherly* love); 2) дружба (*brotherly* friendship); 3) совет (*brotherly* advice); 4) наставление (*brotherly* exhortation); 5) забота (*brotherly* concern); 6) доброта (*brotherly* kindness); 7) уверенность (*brotherly* confidence); 8) диалог (*brotherly* dialogue); 9) близость (*brotherly* closeness); 10) обязанности (*brotherly* responsibilities); 11) манера (*brotherly* manner); 12) милосердие (*brotherly* charity); 13) отношения (*brotherly* relations); 14) перебранка, свойственная братьям (*brotherly* squabble); 15) примерение (*brotherly* reconciliation) и др.

Sisterly: 1) ссора, свойственная сестрам (*sisterly* spat); 2) единение (*sisterly* togetherness); 3) любовь (*sisterly* love); 4) страхи (*sisterly* fears); 5) близость (*sisterly* intimacy); 6) преданность (*sisterly* devotion); 7) раскаяние (*sisterly* remorse); 8) поведение (*sisterly* demeanor); 9) объятие (*sisterly* embrace); 10) обязанности (*sisterly* duties); 11) совет (*sisterly* advice); (*sisterly* spat); 12) забота (*sisterly* concern); 13) внешность (*sisterly* appearance); 14) щедрость (*sisterly* generosity); 15) солидарность

(*sisterly* solidarity); 16) сочувствие (*sisterly* sympathy) и др.

Таким образом, в семантике коррелятов *motherly* – *motherlike* и *fatherly* – *fatherlike* наблюдается актуализация общих признаков их производящих баз, однако дериваты *motherly* и *fatherly* движутся дальше, вытягивая всю возможную гамму признаков, унаследованную от их производящих баз. Что касается коррелятов *sisterly* – *sisterlike*, *brotherly* – *brotherlike*, *sonly* – *sonlike*, *daughterly* – *daughterlike*, то любопытным представляется тот факт, что не наблюдается совпадение актуализированных признаков общих производящих баз в семантике данных дериватов, тем самым они способны дополнять друг друга в описании характеристик той или иной производящей базы.

Характеризуя дериваты, производные от иных наименований лиц (по профессии, роду занятости, социальному статусу и т.д.), можно утверждать, что суффикс *-ly* гораздо шире раскрывает признаки производящей базы по сравнению с суффиксом *-like*, однако дериваты с данными суффиксами называются и общие, и различные признаки. Рассмотрим пары *soldierly* (490 вхождений) – *soldierlike* (26 вхождений), *queenly* (684 вхождения) – *queenlike* (9 вхождений), *lawyerly* (486) – *lawyerlike* (8) и др. *Soldierly* и *soldierlike* актуализируют такие общие признаки, как: 1) качества, свойственные солдату (*soldierly* / *soldierlike* qualities); 2) манера (*soldierly* / *soldierlike* manner); 3) фигура (*soldierly* / *soldierlike* figure); 4) внешний вид (*soldierly* / *soldierlike* air); 5) тело (*soldierly* / *soldierlike* body). Двигаясь по разным линиям описания своей производящей базы, в семантике *soldierly* и *soldierlike* наблюдаются следующие признаки:

soldierlike: 1) хладнокровие (*soldierlike* coolness); 2) храбрость (*soldierlike* courage); 3) речь (*soldierlike* speech); 4) поведение (*soldierlike* demeanor); 5) негодование (*soldierlike* resentment).

soldierly: 1) опыт (*soldierly* experience); 2) героизм (*soldierly* heroism); 3) уважение (*soldierly* respect); 4) поведение (*soldierly* conduct); 5) дух (*soldierly* spirit); 6) навыки (*soldierly* skills); 7) тактика (*soldierly* tactics); 8) обязанности (*soldierly* duties); 9) голос (*soldierly* voice); 10) внешность (*soldierly* appearance); 11) стойкость (*soldierly* firmness); 12) благородство (*soldierly* nobility); 13) почтение (*soldierly* obeisance) и др.

В случае *queenly* – *queenlike* мы обнаружили только два совпадающих признака: по-

ходка (*queenlike* manner of walk, *queenly* gait) и тип женщины (*queenly/queenlike* woman). В остальных случаях наблюдаются несовпадающие признаки их общей производящей базы:

queenlike: 1) предпочтение свободного времяпрепровождения (*queenlike* indolence); 2) высокомерие (*queenlike* haughtiness); 3) ритуалы (*queenlike* rituals);

queenly: 1) вид (*queenly* air); 2) наряд (*queenly* attire); 3) поведение (*queenly* behavior); 4) характер (*queenly* character); 5) сдержанность (*queenly* composure); 6) критика (*queenly* critique); 7) обязанности (*queenly* duties); 8) элегантность (*queenly* elegance); 9) достоинство (*queenly* dignity); 10) сила (*queenly* force); 11) грация (*queenly* grace); 12) героизм (*queenly* heroism); 13) честь (*queenly* honor); 14) величество (*queenly* majesty); 15) власть (*queenly* power) и др.

В парах *lawyerly* – *lawyerlike* мы также обнаружили только два совпадающих признака: доскональность (*lawyerly/lawyerlike* thoroughness) и стиль общения (*lawyerly/lawyerlike* language). Дальше наблюдается разветвление в актуализируемых признаках:

lawyerlike: 1) доводы (*lawyerlike* reasoning); 2) принуждение (*lawyerlike* compulsion);

lawyerly: 1) обязанности (*lawyerly* duties); 2) совет (*lawyerly* advice); 3) подход (*lawyerly* approach); 4) хитрость (*lawyerly* artifice); 5) мастерство (*lawyerly* brilliance); 5) поведение (*lawyerly* demeanor); 6) шнорровка (*lawyerly* dexterity); 7) способ анализа (*lawyerly* analysis); 8) умственные способности (*lawyerly* intelligence); 9) ложь (*lawyerly* lies); 10) жизнь (*lawyerly* life); 11) махинации (*lawyerly* machinations); 12) логика (*lawyerly* logic); 13) изобретательность (*lawyerly* ingenuity); 14) точность (*lawyerly* precision); 15) роль (*lawyerly* role) и др.

Таким образом, в данных дериватах можно наблюдать актуализацию общих групп свойств, связанных с внешностью, характером, поведением, умственными способностями, особенностями речи и др., однако сами свойства не во всех случаях совпадают, что говорит о разном уровне «семантического унаследования» дериватов с *-ly* и *-like*, которые, несмотря на данный факт, вполне способны дополнять друг друга в описании характеристик общей производящей базы.

В предыдущих примерах было продемонстрировано, что дериваты с *-ly* актуализируют большее число признаков общей производя-

шей базы по сравнению с коррелятом с *-like*. Продолжая исследовать семантику в парах дериватов с *-ly* и *-like*, нам удалось установить окказиональные случаи, в которых дериваты с *-like* называют больше признаков одной производящей базы по сравнению с *-ly*, при этом некоторые из них совпадают. В частности, это отражено в парах *statesmanly* (7 вхождений) – *statesmanlike* (479 вхождений), *workmanly* (13 вхождений) – *workmanlike* (2072 вхождения), *childly* (3) – *childlike* (10359). В паре *statesmanly* – *statesmanlike* находят отражение следующие общие признаки: 1) качества (*statesmanly/ statesmanlike* qualities); 2) лидерство, свойственное чиновнику (*statesmanly/ statesmanlike* leadership); 3) высокомерие (*statesmanly/ statesmanlike* hubris). *Statesmanlike* указывает на такие признаки, как: *statesmanlike*: 1) внешность (*statesmanlike* appearance); 2) подход (*statesmanlike* approach); 3) отношение (*statesmanlike* attitude); 4) аура (*statesmanlike* aura); 5) решение, принятое чиновником (*statesmanlike* decision); 6) поведение (*statesmanlike* demeanor); 7) манеры (*statesmanlike* deportment); 8) фигура (*statesmanlike* figure); 9) образ (*statesmanlike* image); 10) жест (*statesmanlike* gesture); 11) стиль общения (*statesmanlike* language); 12) фразы (*statesmanlike* phrases); 13) речь (*statesmanlike* speech); 14) голос (*statesmanlike* voice); 15) мудрость (*statesmanlike* wisdom) и др. В двух других анализируемых нами парах мы обнаружили не только перевес в актуализации признаков у дериватов с *-like*, но и несовпадение признаков, которые актуализируются у суффиксальных слов с *-ly*. В семантике *childly* мы находим указание на такие признаки, как характер (*childly* nature); забаву, свойственную ребенку (*childly* fun); влечение (*childly* attraction). Такие признаки не находят отражения в семантике коррелята *childlike*, указывающие на: 1) поступки (*childlike* actions); 2) креативность (*childlike* creativity); 3) простоту (*childlike* simplicity); 4) поведение (*childlike* behavior); 5) любопытство (*childlike* curiosity); 6) радость (*childlike* delight); 7) экстаз (*childlike* ecstasy); 8) энтузиазм (*childlike* enthusiasm); 9) глаза (*childlike* eyes); 10) гиперактивность (*childlike* hyperactivity); 11) неразумность (*childlike* irrationality); 12) любовь (*childlike* love); 13) характер (*childlike* personality); 14) искренность (*childlike* sincerity); 15) голос (*childlike* voice) и др. *Workmanly* актуализирует только один признак: прозаичность (*workmanly*

prose). Семантика *workmanlike* расширяется за счет более широкого списка свойств, вытягиваемых из своей производящей базы: 1) подход (*workmanlike* approach); 2) отношение (*workmanlike* attitude); 3) карьера (*workmanlike* career); 4) характеристики (*workmanlike* characteristics); 5) условия, в которых работают рабочие (*workmanlike* conditions); 6) преданность (*workmanlike* dedication); 7) эффективность (*workmanlike* efficiency); 8) усилие (*workmanlike* effort); 9) чувство (*workmanlike* feel); 10) манера (*workmanlike* manner); 11) склад ума (*workmanlike* mentality); 12) взгляд на что-либо (*workmanlike* view) и др. Таким образом, мы наблюдаем, что в семантике *statesmanly*, *childly* и *workmanly* актуализируется только одна группа признаков: характер. Суффиксальные корреляты *-like* с аналогичными производящими базами реализуют не только такую группу, как характер, но и другие типы свойств: внешность, манеры, поведение, особенности мышления, эмоции и др.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, мы установили, что семантика суффиксальных слов с *-ly* и *-like* отнюдь не тождественна. Как было продемонстрировано на примерах, слова с суффиксом *-ly* актуализируют больше признаков производящей базы, чем слова с суффиксом *-like*, но в единичных случаях наблюдается обратная ситуация. Несмотря на неравные актуализируемые типы свойств дериватами с *-ly* и *-like*, они способны взаимно дополнять друг друга, давать информацию об их производящей базе, называя как совпадающие, так и несовпадающие признаки, которые она в себе заключает.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие / И. В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с.
2. Карашук, П. М. Словообразование английского языка / П. М. Карашук. – М. : Высш. шк., 1977. – 303 с.
3. Bauer, L. Morphological Productivity / L. Bauer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 245 p.
4. Matthews, P. H. Morphology / P. H. Matthews. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 243 p.

5. *Marchand, H.* The Categories and Types of Present-day English Word-formation / H. Marchand. – Wiesbaden, 1960. – 379 p.

6. *Царев, П. В.* Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П. В. Царев. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 225 с.

7. *Jespersen, O.* A Modern English Grammar on Historical Principles : morphology, Part 6. / O. Jespersen. – Copenhagen, 1942. – 570 p.

8. Webster's Collegiate Dictionary 11th edition. – Springfield, Massachusetts, U.S.A. : Merriam-Webster, Incorporated, 2009. – 1664 p.

9. National British Corpus [Electronic resource] // iWeb: the 14 Billion Word Web Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/iweb> (date of access: 20.05.2021).

Поступила в редакцию 21.11.2025 г.

Контакты: ogjackson@yandex.by (Зубовский Евгений Юрьевич)

Zubouski Ya. Yu. ON THE SEMANTIC IDENTITY OF SUFFIXAL WORDS WITH -LY AND -LIKE (BASED ON ENGLISH DE-SUBSTANTIVAL ADJECTIVES)

The article is devoted to the study of the semantics of comparative adjectives in modern English, formed with the suffixes -ly and -like. Based on the analysis of corpus data and dictionary definitions, it is demonstrated that the suffix -ly typically reveals a wider range of features compared to -like, although in some cases the opposite situation is observed. The research highlights the complementary nature of derivatives with these suffixes in describing the characteristics of the derivational bases.

Keywords: comparative adjectives, suffixes -ly and -like, semantics of derivatives, feature actualization, derivational base, corpus analysis, English language.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *В. Г. Каленціонава*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку 14.04.2026 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 7,6. Ул.-выд. арк. 8,8. Тыраж 30 экз. Заказ № 1512.
Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.
Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў